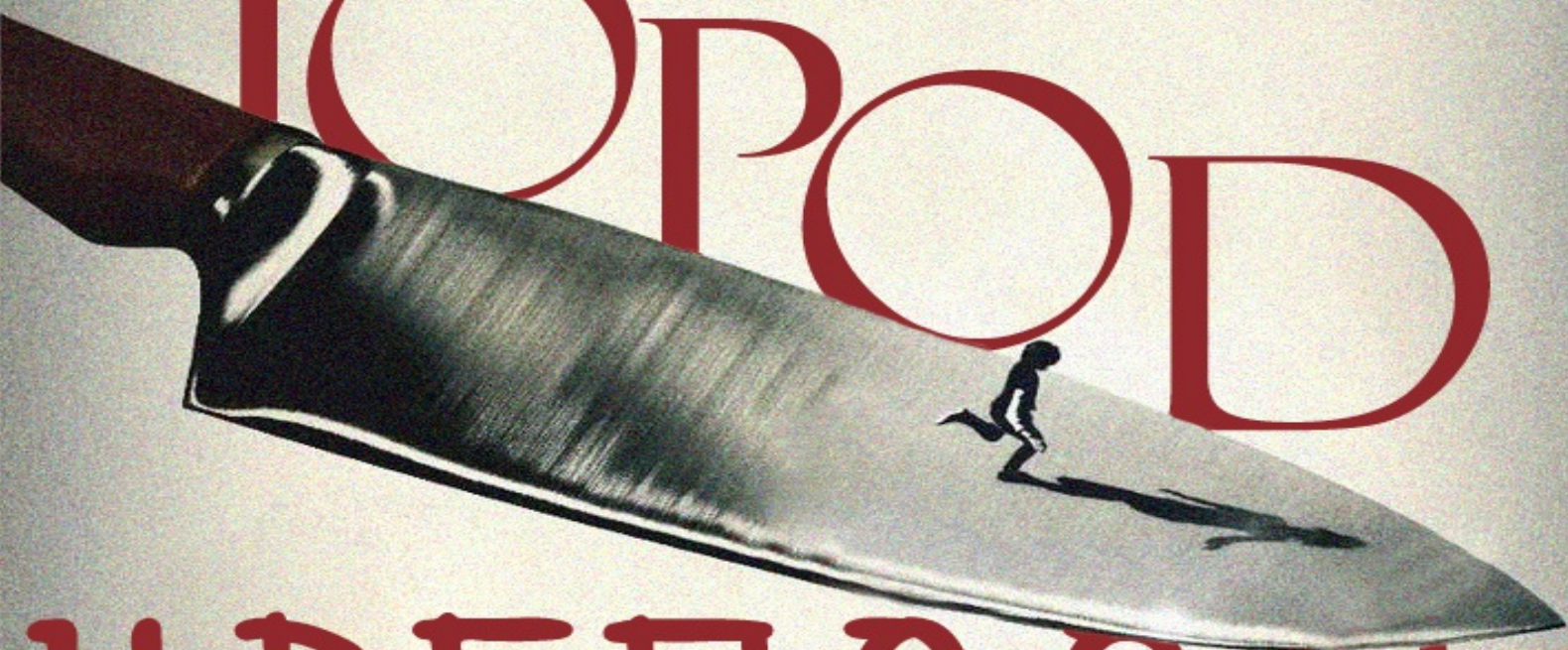

Бези състро.
Никому не веро.
Всеза герти хоти
при себе.

ГОРОД КРЕПОСТЬ

Равиан Трону

О переводе

Оригинальное название: **The Walled City by Ryan Graudin**

Город-крепость, Райан Гродин

Перевод: **Светлана Егошина**

Вычитка: **Мария Максимова**

18 дней

Джин Линь

В Городе-крепости есть лишь три правила. Беги быстро. Никому не доверяй. Всегда носи при себе нож.

Прямо сейчас моя жизнь полностью зависит от первого.

Бежать, бежать, бежать.

Легкие горят огнем, цепляются за каждый вдох. Пот щиплет глаза. Мятые фантики, недокуренные сигареты. Мертвое животное (сейчас уже слишком трудно понять, какое именно). Ковер из стекла — разбитые пьяными людьми бутылки. Все это пролетает мимо меня.

Эти улицы — сплошной лабиринт. Они переплетаются друг с другом: узкие, переполненные светящимися вывесками и стенами, разрисованными граффити. У дверных проемов ухмыляются мужчины, огоньки их сигарет светятся в темноте, словно глаза каких-то чудовищ.

За мной, словно стая, гонится Куен со своими приспешниками: неистово, быстро, все вместе. Если бы они разделились и окружили меня, у них был бы шанс. Но я быстрее их всех, потому что меньше. Я могу проскользнуть в такие дыры, каких они отродясь не видели. И все потому, что я девочка. Но им об этом неизвестно. Никому об этом неизвестно. Быть девочкой в этом городе и не иметь ни крыши над головой, ни семьи — это приговор. Автоматический билет в один из множества борделей, выстроившихся вдоль улиц.

Парни позади меня не кричат. Мы все знаем, что так лучше. Кричать — значит привлекать к себе внимание. А внимание — это Братство. Единственные звуки, которые можно услышать в нашей погоне, — топот и тяжелое дыхание.

Мне знаком каждый закоулок, мимо которого я пробегаю. Это моя территория, западная часть Крепости. Мне прекрасно известно, в каком переулке я могу исчезнуть. Он скоро появится, осталось всего несколько шагов. Пробегаю мимо ресторана миссис Пак с его уютными запахами курицы, чеснока и лапши. Следом кабинет мистера Вонга, куда приходят люди, если нужно вырвать зуб. Потом забранный толстой металлической решеткой обменный магазин мистера Лама. На ступеньках сидит и сам мистер Лам. Пробегаю мимо В его горле раздается рокошующий звук, когда я проношусь мимо, и в жестяной банке добавляется еще один плевок.

На противоположной стороне склонился над пенопластовой миской с лапшой с морепродуктами зоркий мальчишка. У меня урчит в желудке, и я думаю о том, насколько легко будет вырвать тарелку у парня из рук. Но продолжаю бежать.

Не могу позволить себе остановиться. Даже ради еды.

Я настолько задумалась о лапше, что едва не упустила свой переулок. Поворот такой резкий, что я чуть не ломаю лодыжки. Но продолжаю бежать, протискиваясь боком в щель между этих двух чудовищных зданий. Бетонные стены вжимаются мне в грудь и царапают

спину. Если я и дальше буду так же часто дышать, то больше не пролезу.

Протискиваюсь дальше, не обращая внимания на то, как грубые стены царапают кожу на локтях. В оставшемся пространстве, боясь быть раздавленными моими ногами, туда-сюда снуют тараканы и крысы. Мрачный звук тяжелых шагов эхом отражается от стен, пульсирует у меня в ушах. Куен и его банда уличных мальчишек пробежали мимо меня. Пока.

Опускаю взгляд на ботинки, которые держу в руке. Крепкая кожа, твердая подошва. Отличная находка. Стоят той минуты паники, которую я пережила. Даже господин Чоу (сапожник из западной части города, который вечно согнут над скамьей с гвоздями и кожей) не смог бы сделать лучше. Интересно, где же Куен их достал. Их, должно быть, сделали в Дальнем городе. Большинство хороших вещей именно оттуда.

До моего укрытия донеслись гневные крики, соединившиеся в череду проклятий. Я вздрогнула, и мусор под моими ногами зашуршал. Может, это люди Куена меня все-таки нашли?

В мой переулочек, споткнувшись, вваливается девушка. Она тяжело дышит. По ее рукам и ногам из-за стекла и шершавых стен течет кровь. Из-под шелкового платья выпирают ребра. Оно синее, сверкающее и очень тонкое. Не из тех, что носят в городе.

Из моих легких пропадает весь воздух.

Это она?

Она поднимает глаза, и я вижу перед собой лицо, покрытое макияжем. Только глаза живые, настоящие. Они переполнены огнем, словно девушка готова к борьбе.

Кем бы она ни была, это не Мей Юи. Это не моя сестра, которую я все это время искала.

Я вжимаюсь еще дальше во тьму. Слишком поздно. Эта кукла меня видит. Ее губы размыкаются, словно она хочет заговорить со мной. Или укусить. Не знаю, что именно.

И никогда не узнаю.

Мужчины добрались до нее. Они как стервятники вцепились в ее платье, пытаются вытянуть из переулка. Огонь в глазах девушки стал диким. Она выкрутилась так, что своими когтями вцепилась в лицо ближайшему из преследователей.

Мужчина отпрянул. На его щеке красуются четыре красные полосы. Он грязно ругается. Хватает девушку за одну из кос.

Она не кричит. Ее тело продолжает извиваться, биться, выкручиваться — отчаяние. Ее хватают руки четырех человек, но это битва не из легких. Они так заняты, пытаются удержать ее, что не замечают меня, спрятавшуюся в глубине. Наблюдающую.

Все хватают ее за руки и ноги и крепко держат. Она брыкается, выворачивается и плюет им в лицо. Один из них бьет ее по голове, и девушка погружается в зловещую, какую-то неправильную тишину.

Поскольку она не шевелится, есть возможность рассмотреть ее мучителей. На всех четверых метка Братства. Черные рубашки. Оружие. Ювелирные украшения и татуировки, изображающие дракона. У одного он даже выведен красными чернилами на лице. Дракон ползет от его челюсти к волосам.

— Тупая шлюха! — кричит мужчина с расцарапанным лицом, глядя на тело девушки в бессознательном состоянии.

— Давайте вернем ее обратно, — говорит тот, у которого на лице татуировка. — Лонгвей ждет.

Только после того как они ее унесли, подметая улицу ее черными волосами, опавшими под обмякшим телом, я поняла, что почти не дышу. Руки дрожат, все еще

крепко сжимая ботинки.

Эта девушка. Огонь в ее глазах. Она могла бы быть мной. Моей сестрой. Одной из нас.

Дей

Я плохой человек.

Если людям нужны доказательства, я покажу свой шрам, расскажу, скольких убил.

Даже когда я был мальчишкой, неприятности притягивало ко мне, словно магнитом. Я громоподобно шагал по жизни, оставляя за собой след из сломанных вещей: вазы, носы, автомобили, сердца, мозговые клетки. Побочные эффекты распутной жизни.

Моя мать всегда пыталась наставить меня на правильный путь. Ее любимыми фразами были: "Ох, Дей Шинь, почему ты не можешь вести себя как твой брат?" и "Если ты и дальше так будешь себя вести, хорошей жены ты не найдешь!". Она постоянно это повторяла, стараясь чтобы ее щеки не покраснели, пока мой братец стоял за ее спиной, всем своим телом выражая "я же тебе говорил": руки скрещены на груди, нос вздернут, тонкие брови сведены вместе, словно у щенка. Я всегда говорил ему, что в один прекрасный момент его лицо таким навсегда и останется, если он не перестанет ябедничать. В зрелом возрасте его постигнет проклятье одной брови. Хотя это, казалось, его нисколько не останавливало.

Отец же выбрал тактику запугивания. Он всегда ставил портфель, ослаблял свой галстук и рассказывал об этом месте: Крепость Хак-Нам. Собище самых темных человеческих компонентов: воры, шлюхи, убийцы, наркоманы — и все это на шести с половиной акрах. "Ад на земле". Так называл это место отец. Такое безжалостное, что и луч солнца туда не пробьется. Если я продолжу вести себя как сейчас, поговаривал отец, он сам меня туда и отвезет. Бросит меня в притоны наркоторговцев и воров, чтобы я получил свой собственный урок.

Отец очень старался меня напугать, но все его страшилки на меня с лучшей стороны никак не повлияли. Я все равно оказался здесь. Какая ирония. Но сейчас не до смеха, смех остался где-то в прошлой жизни. А с ним и сверкающие небоскребы с торговыми центрами и такси города Сент Нгои.

Семьсот тридцать. Столько дней я заперт здесь.

Восемнадцать. Столько осталось, чтобы найти выход.

У меня есть план: рискованный, адски сложный план, но чтобы он сработал, мне нужен курьер. Очень быстрый.

Я еще не успел съесть и половину лапши, когда мимо моего крыльца проносится мальчишка. Вот он только что был здесь и его уже нет. Бежит быстрее, чем некоторые "звезды" в моей школе.

— Снова взялся за свое. — Мистер Лам сплевывает в банку. Его взгляд скользит по переулку и обратно. — Интересно, у кого стянул на этот раз. Половина магазинов на этой улице от него пострадала. Но с этими решетками никогда не связывается. Всегда только покупает.

Откладываю палочки, когда мимо пробегают банда Куена. Он во главе толпы. В глазах сосредоточенность и ярость. Некоторое время назад я выкинул его из своего списка курьеров. Он жесток, безжалостен и немного туповат. Такой мне не нужен.

Но тот парнишка может вполне подойти. Если я сумею его поймать.

Я ставлю недоеденную лапшу на ступеньки, натягиваю капюшон и следую за ними.

Банда Куена бежит еще некоторое время, прежде чем остановиться. Крутят головами по сторонам, глаза широко распахнуты, легкие горят огнем. Кого бы они не искали, они его

потеряли.

Замедляю бег и встаю с другой стороны улицы. Никто из запыхавшихся парней меня не видит. Они слишком заняты тем, чтобы не попасться разъяренному Куену.

— Куда он делся? Куда он, черт побери, делся? — кричит бродяга и пинает пустую пивную банку. Та с легким стуком врезается в стену. По шлакоблоку разбегается тараканье семейство. При виде подобного меня мороз пробирает по коже. Забавно. После всего, через что я прошел здесь, после всего, что повидал, насекомые все еще меня беспокоят.

Куен тараканов не замечет. Он бушует: орет на мусор, стены и своих парней. Те отходят от него, каждый отчаянно пытается не стать козлом отпущения.

— Кто стоял на страже? — поворачивается к ним Куен.

Все молчат. Не могу их в этом винить. Бродяга сжимает кулаки, его руки трясутся.

— Кто стоял на этой долбаной страже?

— Ли, — отвечает мальчик рядом с поднятыми кулаками Куена. — Это был Ли.

Парень, о котором говорят, разводит рукам, мгновенно капитулируя:

— Прости, босс! Этого больше не повторится. Клянусь.

Главарь делает шаг вперед по направлению к трясущемуся Ли. Его кулаки сжаты и готовы к бою.

Засовываю руки глубже в карманы толстовки. Чувствую, что Ли сейчас будет плохо. Но недостаточно плохо, чтобы помогать. Я не могу себе позволить ввязываться в чужие разборки. Не сейчас, когда у меня осталось так мало времени, чтобы решить свои собственные проблемы.

Похоже, что Куен хочет ударить ребенка по лицу. Никто не пытается его остановить. Они съежились, наблюдают и ждут, пока кулак главаря поднимается на уровень носа Ли. И замирает.

— Кто это был? А? — спрашивает Куен. — Полагаю, у тебя было время его разглядеть.

— Да, да, да, — яростно кивает Ли. Прискорбно видеть это рвение и то, насколько Куен их всех запугал. Если бы они жили в нормальном мире (играли бы в футбол, пели в караоке с друзьями), у них был бы другой лидер. Больше с мозгами, нежели с мускулами.

Но это Крепость Хак-Нам. Здесь правят мускулы и страх. Выживает исключительно сильнейший.

— Это был Джин. Он и раньше крал у нас вещи. Брезент. Рубашку, — продолжал Ли. — Ты же знаешь, тот, который появился из Дальнего города пару лет назад. У которого есть кот...

— Мне нет дела до его чертова кота. Мне нужны мои ботинки! — огрызается Куен.

Его ботинки? Опускаю взгляд и понимаю, что парень босой. Из-за бега по грязным улицам, все его ступни покрыты кровью. Порезы от стекла и гравия. Возможно, даже и от использованных игл.

Не удивительно, что он так взбешен.

Ли прижимается прямой спиной к стене. Его лицо искажается, словно он вот-вот заплачет.

— Я верну ботинки. Обещаю!

— Сам об этом позабочусь!

Кулаки главаря приходят в движение. Звук удара в челюсть, громкий и ужасный. Куен продолжает бить, снова и снова, пока лицо Ли не становится таким же темным, как и его сальные волосы. Тяжело смотреть на подобное. Тяжелее, чем на насекомых.

Я могу это остановить. Могу достать оружие, и банда Куена ломанется врассыпную, словно тараканы. Мои пальцы дергаются от каждого удара, но я лишь глубже пихаю их в карманы.

Дети гибнут на улицах каждый день. Из-за голода, болезни или ножа. Я не могу спасти их всех. А если я не опущу взгляда, если не буду делать то, что должен в эти восемнадцать дней, я не смогу спасти себя самого.

Вот о чем я снова и снова твержу себе, глядя на окровавленное, в синяках, лицо ребенка. Я плохой человек.

— Снимай ботинки, — рычит Куен, когда его кулаки, наконец, останавливаются.

Ли всхлипывает, лежа на земле.

— Пожалуйста...

— Снимай, пока я не выбил из тебя оставшееся дерьмо!

Пальцы Ли трясутся, пока он развязывает обувь, но ему удается их снять. Куен вырывает ботинки из его рук, натягивает на свои окровавленные ступни и начинает говорить со своей шайкой, завязывая шнурки.

— Кто-нибудь из вас, парни, знает, где обитает Джин?

Все, что он получил в ответ, — трясущиеся головы и пустые взгляды.

— Ка Минг, Хо Вей, я хочу, чтобы вы выяснили, где он спит. Не терпится вернуть свои ботинки. — Последняя фраза Куена больше походит на рычание.

Улица взрывается криками. Сначала я думаю, что это кричит Ли, но избитый, босой мальчишка удивлен так же, как и все остальные. Они смотрят вниз по улице, вытянув головы, словно сурикаты из любимой моим братом передачи о животных.

Вопли раздаются из того мета, где остывает моя лапша. Такое количество криков означает лишь одно — Братство.

Пора валить отсюда.

Банда Куена, вероятно, решила так же, потому что они судорожно пытаются отступить. Дальше от криков. Дальше от Ли. Дальше от меня.

— Пожалуйста, не оставляйте меня! — Ли протягивает руку, жалобно хныча.

— В лагерь не возвращайся. — Куен плюет на мальчишку, ставшего теперь изгоем, и уходит. Мне остается лишь гадать, что произойдет с избитым. Если он один из парней Куена, значит он либо сирота, либо у его родителей не было лишней миски риса. Дети, у которых есть крыша над головой и горячая еда, занимаются делами поважнее, не играют в игры на выживание. Без родителей, без обуви, с разбитым лицом, когда зима в самом разгаре... Конечно, она достаточно мягкая (как и всегда), но заморозки кусаются, особенно, если у тебя нет даже носков.

Шансы Ли не слишком высоки.

Ухожу, надвинув плотнее капюшон, так и не вытащив руки из карманов, пытаюсь выглядеть как можно более незаметным. Сворачиваю в темноту переулка, по которому идут и мужчины из Братства. Девушка, которую они несут, вся в крови. Ее волосы распущены и волочатся по земле. На ней блестящее шелковое платье: она из борделя. Должно быть, попыталась сбежать. И, как я вижу, попытка не удалась.

Вонтоны подкатывают к горлу. Заставляю себя идти дальше в темные недра города, предоставляя девушку ее судьбе.

Я не в состоянии спасти всех.

Джин. Тот, у которого кот. Не слишком много для поисков среди тридцати трех тысяч

человек, но мистер Лам, похоже, его узнал. Это моя первая зацепка. Я должен действовать быстро, найти его прежде шайки Куена. Он, вероятно, одиночка, а это означает, учитывая, что случилось с Ли, Джин умен. Умный и быстрый. К тому же он несколько лет живет на улице... что достаточно сложно сделать в Сент Нгои, а еще сложнее в этом аду.

Именно тот, кто мне нужен. Еще один шаг к моему билету на волю.

Будем надеяться, что он готов сыграть эту роль.

Мей Юи

Выхода нет.

Это были первые слова, которые произнес хозяин борделя той ночью, когда Жнецы вытащили меня из своего грузовика... после бесконечных часов тряски в полной темноте. На мне все еще была ночная рубашка, которую я натянула через голову много дней назад. Тонкая, из хлопка, со множеством дыр. Некоторые девушки рядом со мной плакали. Я же... я не чувствовала ничего. Была кем-то другим. Не той, которую вытащили прямо из кровати. Я была не той, что стояла в первой линии и ждала, когда мужчина с фиолетовым шрамом на челюсти рассмотрит нас. Я была не Мей Юи.

Той ночью, когда хозяин дошел до меня, он остановился, разглядывая каждый уголок моего тела. Я чувствовала его ползающие по мне глаза, словно насекомые забрались в укромные места. Места, где им быть не положено.

— Ее, — сказал Жнецам хозяин.

Мы наблюдали за тем, как монеты переходят из рук в руки. Больше денег, чем я когда-либо видела за свою короткую жизнь дочери фермера, выращивающего рис. В десять раз больше, чем Жнецы заплатили за меня моему отцу.

— Выхода нет. Забудьте свой дом. Свою семью. — Голос хозяина был плоским, безжизненным. Таким же мертвым, как и его опиумные глаза. — Теперь вы принадлежите мне.

Я стараюсь не вспоминать эти слова, когда нас зовет мама-сан.

— Девушки.

Я сижу на кровати. По моим венам струится страх, смотрю на остальных. Нуо на полу в изножье кровати, вышивка выпала из рук. Вень Ки сидит на коврикe, а Инь Юй стоит на коленях позади нее, заплетая в косичку шелковистые темные волосы самой младшей из нас. Инь Юй единственная, кто не замирает, когда слышит голос мама-сан. Ее пальцы продолжают двигаться, заправляя в косу прядь за прядью.

Рот Вень Ки все еще открыт. Ее оборвали на полуфразе одного из ее бесконечных и потрясающих рассказов про море. Пытаюсь представить волны, когда в двери появляется мама-сан.

Смотритель над нами. Та, кто кормит и одевает нас. Та, кто зовет доктора, когда мы боеем. Та, кто присматривает за борделем и распределяет посетителей по нашим кроватям. Некоторые девочки думают, что когда-то ее привезли сюда так же, как и нас: в одном из грузовиков Жнецов. Это случилось, должно быть, много лет назад, когда ее кожа еще была гладкой, а спина прямой.

Сейчас она уже не выглядит молодой. Все ее лицо сморщено, глаза где-то далеко.

— Девушки, с вами хочет поговорить хозяин. Немедленно. Он закрыл зал. — Мама-сан удаляется так же стремительно, как и появилась, чтобы позвать девушек и из других комнат.

— Они ее поймали. — У Вень Ки, самой младшей и маленькой из нас, голос, словно у птички: порхающий и неокрепший.

Инь Юй так сильно тянет ее за волосы, что девушка взвизгивает.

— Никто из вас и слова не проронит. Если хозяин и мама-сан узнают, что нам было известно о планах Синь... хорошо это не закончится. — Она смотрит на меня, словно ждет слов поддержки.

— Мы ничего не скажем. — Я пытаюсь говорить, как должно семнадцатилетней, но правда в том, что чувствую я себя так же, как и они. Меня трясет, я блее рисовой лапши.

Не понимаю, почему я так испугана. Я знала, что произойдет. Все мы знали. Потому и пытались отговорить Синь.

Выхода нет. Выхода нет. Мы хором шептали ей слова хозяина, на то были десятки причин. Здесь у нее была одежда, еда, вода, друзья. А там? Что? Голод. Болезнь. Неумолимые улицы с волчьими зубами.

Но в конечном итоге ничто ее бы не остановило. Я увидела это много месяцев назад, в ее глазах появилась какая-то дикость, когда она начинала говорить о прошлой жизни. Она распространялась повсюду, выжигала ее изнутри. Всякий раз, заходя в мою комнату, она отодвигала алую занавеску и смотрела, смотрела, смотрела в окно — единственное во всем борделе. Она никогда не могла ничего держать внутри, как остальные. Иню Юи думает, это из-за того, что семья Синь не продавала ее. Они любили ее, кормили, учили читать, а потом умерли. И за ней в приют приехали Жнецы.

Синь лежит на полу прокуренного зала. Волосы растрепаны, рука выгнута под неестественным углом. Не уверена, в сознании она, да и жива ли вообще, пока один из хозяйских людей не встряхивает ее. Яркая кровь сверкает на ее руках и ногах. Кровь на лице стирает тепло щек и губ. Платье — красивый отрез небесно-голубого шелка с вышитыми на нем цветами вишни — все изорвано.

Все выстраиваются в линию, а хозяин нарезает бесконечные круги вокруг Синь. Когда он наконец останавливается, носки его гостиных тапочек направлены на нас.

Он не кричит, от чего его слова кажутся еще более зловещими.

— Кто-нибудь из вас вообще знает, как это — жить там и бродяжничать? Работать как другие девушки?

Никто из нас не отвечает, хотя все мы знаем ответ. Его мама-сан вдалбливает в нас всякий раз, когда замечает в наших глазах пустоту. Его мы так старательно пытались вложить в голову Синь.

— Боль. Болезнь. Смерть. — Слова выходят из него, будто удар. Когда хозяин заканчивает, он подносит к губам трубку. Из ноздрей вылетает дым... напоминает мне алого дракона, вышитого на его же куртке. — Как вы думаете, что вы там будете делать, справитесь ли? Без моей защиты?

Ответ ему на самом деле и не нужен. Его вопрос — скорее тихий крик. Такой же, как задавал мне отец перед первым стаканом рисового вина. Прежде, чем взорваться.

— Я даю каждой из вас все, что ей может понадобиться. Даю вам лучшее. Все, что я прошу взамен, чтобы вы были приветливы с клиентами. Такая мелочь. Малюсенькая просьбочка.

Один тот факт, каким образом хозяин к нам обращается, леденит кровь. Нас всегда наказывает только мама-сан, шипя сквозь губы, она бьет наотмашь отточенным движением мозолистой руки. За те несколько раз, когда хозяин разговаривал с нами, он всегда напоминал, насколько нам живется лучше тех, кто работает в других местах. У нас есть собственные комнаты, шелковые платья, подносы для чая и ладана. Блюда на выбор. Куча

разных красок, чтобы разрисовывать лица. У нас есть все, потому что мы избранные. Лучшие из лучших.

— И вот теперь Синь здесь... — Он произносит ее имя таким образом, что онс заползает мне под кожу. — Плюнула в лицо моей щедрости. Я подарил ей безопасность и возможность жить в роскоши, а она выбросила это все за ненадобностью. Она оскорбила меня. Мою честь. Мое имя.

Позади него садится Синь. У нее все еще идет кровь, ее трясет. Мужчины в черном тяжело дышат. Интересно, как далеко ей удалось убежать, прежде чем они ее поймали.

Хозяин щелкает пальцами. Все его четверо приспешников поднимают Синь на ноги. Она болтается в их руках, словно кукла.

— Если вы пренебрегаете моим гостеприимством, нарушаете правила, вы будете наказаны. Если вы хотите, чтобы к вам относились как к обычным проституткам, так тому и быть.

Он закатывает рукава. Фанг, мужчина с алой татуировкой на лице, передает ему что-то, чего я не вижу.

Но видит Синь и, увидев, кричит так громко, что ее крик способен разбудить всех собак. Девушка возвращается к жизни, пинается и пытается вырваться так сильно, что мужчинам приходится прилагать усилия, чтобы ее удержать.

Ее крики умудряются складываться в слова.

— Нет! Пожалуйста! Простите меня! Я не стану больше убегать!

Потом хозяин вытягивает руку, и я вижу, что вызвало у Синь такой ужас. Там, завернутый узкими, но пухлыми пальцами, лежит шприц. Он заполнен мутной коричневой жидкостью.

Другие девушки тоже его видят. Даже мама-сан, стоящая рядом со мной, напрягается. Нет никакой возможности понять, что внутри. Боль. Болезнь. Смерть.

Синь дерется и царапается, в ее крике уже не слышно слов. В конце концов, мужчины для нее слишком сильны.

Я не в силах смотреть на то, как железная игла входит в вену. Когда Синь замолкает (когда я, наконец, снова поднимаю на нее взгляд), иглы нет, а девушка лежит на полу, съежившись и вздрагивая. Из-за теней окружившей ее толпы кажется, что она сломана.

Хозяин сцепляет руки. Поворачивается к нам.

— Первая доза героина сильна. Во второй раз он действует слабее. Но он тебе необходим. Тебе нужно все больше и больше, пока он не становится единственным, в чем ты нуждаешься. Он становится для тебя всем.

Героин. Значит он хочет сделать из нашей умницы и красавицы Синь наркоманку. От этой мысли все внутри меня переворачивается: пусто и безнадежно.

— Вы все принадлежите мне. — Хозяин окидывает взглядом строй из радужных платьев. Улыбается. — Все. Попытайтесь сбежать, вот ваша участь.

Закрываю глаза, стараясь не смотреть на изломанную куклу, лежащую на полу. Пытаюсь прогнать из памяти слова хозяина, сказанные той давней ночью. Они тянутся сквозь время, связывают меня, словно путы: Выхода нет.

Джин Линь

Два года прошло. Два года с того дня, как Жнецы забрали мою сестру. Два года с того дня, как я отправилась следом за ней в Крепость. За это время я научилась, как стать призраком и как развить большинство своих чувств. Это единственный способ выжить здесь

— стать кем-то другим, быть невидимкой.

Когда я была маленькой, я и так была незаметной. Между мной и моей старшей сестрой всего три года разницы, но Мей Юи была из тех, на кого непременно обращают внимание. У нее было круглое и ласковое лицо. Как луна. А гладкие прямые волосы были похожи на полночь.

Но в том, чтобы быть красоткой на рисовой ферме, нет ничего хорошего. Красота не поможет стоять по несколько часов в мутной воде, подставив спину палящему солнцу и обрезая ровные ряды растений. Я всегда была сильнее, чем Мей Юи. Знаю, что красивой никогда была: на ногах всегда жесткие мозоли, кожа темная, а нос слишком большой. Всякий раз, когда мать собирала мои волосы в пучок и отправляла к пруду мыться, в отражении я видела мальчишеское лицо.

Порой мне хотелось, чтобы так оно и было. Мальчишкам проще. Я была бы сильной, в состоянии успокоить отца, когда он из-за выпивки впадал в бешенство. Но большую часть времени мне очень хотелось, чтобы у меня был брат. Он работал бы на нескончаемых рисовых полях. Он давал бы отпор пьяному отцу.

Но в глубине души мне хотелось быть красивой. Такой же, как Мей Юи. Поэтому я всегда распускала волосы. Позволяла им падать свободно.

Волосы — это второе, что я потеряла после того, как отец продал Мей Юи Жнецам. Я слышала по рассказам, что девочке в городе не выжить. Нож был тупым. Стрижка получилась плохой, с невообразимыми углами, одна сторона длиннее другой. Я выглядела именно так, как мне и хотелось: полуголодный, чумазый уличный мальчишка.

Вот такой с тех пор я и была.

На локтях раны. К тому времени как я добираюсь до лагеря, они начинают болеть. Назад иду длинным путем, наворачивая несколько кругов по заплесневелым проходам, чтобы убедиться, что за мной никто не идет. Вскоре кровь засыхает, рана покрывается корочкой, но потом лопается и кровь сочится снова. Если я не наложу повязку, рана покраснеет и воспалится. Потребуется несколько недель, чтобы вылечиться.

Проскальзываю сквозь отверстие в свое крысиное убежище и оглядываю пожитки. Немного. Коробок с одной спичкой. Мокрая, наполовину исписанная рабочая тетрадь из рюкзака одного из учеников. Два апельсина и мангустин, украденные с какой-то святыни. Простынь, вся в плесени, мокрая от крысиной мочи. Один облезлый серый кот, который мурчит и мявкает. Делает все возможное, чтобы я не чувствовала себя совсем уж одинокой.

— Сегодня мне повезло, Кма. — Я ставлю ботинки на пол. Кот крадется через всю палатку. Трется усами об изношенную кожу и плюхается пушистым телом на шнурки.

Тянусь за простыней. Я должна это сделать. Вытаскиваю нож из туники и принимаюсь резать простынь на полосы. Стараюсь не обращать внимание на вонь и влажность ткани.

Мей Юи всегда накладывала мне повязки. Раньше. Она тепло смотрела на порезы, которые оставлял отец. С грустью смотрела. Ее пальцы были очень нежными, когда она оборачивала ткань. Ей приходилось столько раз использовать повязки, что они стали цвета ржавчины. Но всегда были чистыми. Перевязывала она хорошо. Заботилась обо мне.

Но теперь я одна. И мне гораздо сложнее делать перевязки самой. Использую зубы, борясь с рвотными позывами. Мей Юи пришла бы в ужас, что я использую грязную простынь, чтобы перевязать раны. Она была бы в ужасе просто от того, что я здесь.

Вопрос поиска Мей Юи никогда передо мной не стоял. Она все, что у меня было. Без нее у меня не было причин оставаться на ферме, терпеть побои отца и смотреть, как мать

увядает, словно наши рисовые ростки.

Не знаю, почему вдруг решила, что найти сестру будет легко. Я просто даже ни о чем не думала, когда, запрыгнув на велосипед, помчалась за большим белым грузовиком. Не думала ни о чем, когда обрезала волосы. Или когда добралась до Дальнего города и принялась задавать вопросы на своем медленном деревенском наречии.

Теперь я понимаю, что была молодой и глупой, считая, что просто так зайду в это место и найду сестру.

Крепость занимает не такую уж и большую площадь, каких-то три-четыре рисовых поля, но недостаток восполняет высотой. Лачуги стоят друг на друге, будто корявые кирпичи, выложенные так высоко, что закрывают солнечный свет. Улицы, которые раньше были полны воздуха и света, сейчас оплетены множеством проводов. Порой я чувствую себя муравьем-трудолюбивой, бегущим по этим темным извилистым тоннелям в бесконечном забеге. Всегда в поиске. Ничего не находящим.

Но пока я не отыщу ее, поисков не прекращу. А я ее найду.

Кма перестает обнюхивать свое новое спальное место в ботинках. Его желтые глаза направлены на вход в мое убежище. Уши торчат вверх. Шерстка вздыблена. Задерживаю дыхание, прислушиваясь к вечной песне Крепости: далеко урчит мотор; за тонкой стеной мать кричит на детей; где-то в переулке лают собаки; каждые пять минут над городом с ревом пролетает аэроплан.

Но есть еще один звук. Мягкий, но совсем близкий. Шаги.

Меня преследовали.

Пальцы плотнее оборачиваются вокруг ножа. Я подползаю к краю своего брезента, к горлу подступает страх. Бедрa сводит судорогой, пока я жду. Прислушиваюсь. Рука с ножом становится белой, как рис, и дрожит.

Шаги замирают. Раздается хриловатый, с нотками сомнения, голос:

— Есть кто?

Не Куен. Но это не значит, что я в безопасности. Эти улицы кишат ворами и пьяницами. Люди, которые зарежут тебя, не моргнув и глазом.

— Проваливай! — стараюсь, чтобы голос прозвучал как можно более гортанно. Помужски. Угрожающе.

Через щель в брезенте я разглядываю пришельца. Мальчик, взрослый. Он прислоняется к стене, положив руки в карманы и согнув одну ногу в колене. Вода, которая постоянно стекает по городским стенам, впитывается в ткань его толстовки. Но он похоже этого не замечает.

Его взгляд направлен прямо на клапан моей палатки. Глаза отличаются от глаз большинства жителей Хак-Нам — они темно-карие. Но совершенно не похожи на глаза дикаря Куена. Или на невозмутимую глазурь пожилых женщин, что потрошат рыбу, сидя на корточках возле углей. День за днем.

Нет. У этого парня глаза, как у лисы. Зоркие. Сияющие. Умные. Ждущие чего-то очень, очень плохого.

Мне лучше оставаться настороже.

— Джин, так?

Мое имя. Он знает, как меня зовут. Этого достаточно, чтобы оскалиться. Приготовиться к схватке.

— Убирайся прочь. — Я поднимаю нож. Где-то вдалеке переключается светофор,

отражаясь во взгляде юноши. Он даже не вздрогнул. — Последний раз предупреждаю!

— Я не причиню тебе вреда. — Парень отталкивается от стены. Вытаскивает руки из карманов. В них ничего нет.

Когда я останавливаюсь, мои зубы все еще оскалены. Снова его разглядываю. Черная толстовка. Джинсы такие новенькие, даже нигде не истерлись. Бледные и пустые, раскинутые широко, руки. Потом перевожу взгляд на его лицо с четко очерченными скулами. Плотные сжатые губы. Высокие дерзкие брови.

— Как ты меня нашел? — У меня ноют суставы, так сильно я сжимаю нож.

— Мистер Лам сказал, что ты обычно бываешь в этом секторе. Все, что мне оставалось наблюдать. И следовать за своей аллергией. — Он, как по команде, чихает. Эту агонию не остановить. — Прилагается к суперсиле.

Мистер Лам. Вспоминаю этого старого лавочника. Жаба. Собирает свою слюну в баночку и охраняет магазин с изодранной мебелью и старой мелочью.

А потом мои мысли перетекают к другому. Воспоминания о морепродуктах и лапше. В моих глазах появляется та же резкость, что и в тех, которые смотрят на меня.

— Ты... парень с лапшой.

— Вообще-то меня зовут Дей, — говорит он. — Я хочу предложить тебе работу.

— Я работаю в одиночку, — спешно отвечаю я. Я все делаю одна: ем, сплю, бегаю, краду, разговариваю, плачу. Все из-за второго правила: никому не доверять. Такова цена, чтобы выжить.

— Я тоже. — Дей не двигается. Его взгляд замер на моем ноже. — Но этот нарко-забег несколько отличается. Для него нужны двое.

Я не понаслышке знакома с наркоторговлей. Я тоже в этом участвую, но для наркобаронов поменьше, тех, которые приторговывают за спиной Братства. И надеются, что этого никто не заметит. Они платят мне хлебными корками и всяким вещами. Но настоящие деньги крутятся внутри борделей. В поисках сестры я заглянула в лица многих девушек-наркоманок.

— Это для какого такого забега требуются двое? — интересуюсь я.

— Для Братства.

Наркотрафик для Братства Красного дракона. От одной только мысли все мое тело содрогается. Порхает, словно вот-вот умрет. Я многое слышала про эту банду и ее беспощадного главаря Лонгвея. Как он вырезал язык человеку, пойманному на лжи. Как высек на щеке того, кто обманул его, алый символ. Как застрелил одного из своих людей в голову, но только после того, как некоторое время наблюдал за тем, как слой за слоем с него сдирают плоть. Как он смеялся, когда все это проделывал.

— С каких это пор Братство привлекает к своим делам бродяг?

— Людей Лонгвея ловят каждый раз, когда они едут с наркотой в Сенг Нгои. Поэтому он использует уличных мальчишек. Один бежит, а второй сидит в борделе в качестве залога.

Залог. Одно из множества слов, с которыми мне пришлось сражаться, попав сюда. Я пыталась побороть свой деревенский говор. Много времени не заняло, чтобы понять, что оно означает тоже самое, что "заложник". Ждать, ждать, ждать с лезвием у горла. Ваша жизнь полностью зависит от ног другого.

— Ты отлично бегаешь, — говорит Дей. — Не многим удастся удрать от Куена.

— Значит я бегу. А ты сидишь. Под лезвием ножа Лонгвея? — Мой собственный нож все еще висит в воздухе между нами.

— Ага. Плата хорошая. — Дей дергает подбородком в сторону моего брезента. — Похоже, деньги тебе не помешают.

Он прав. Хорошая плата означает, что я смогу потратить время на поиски сестры, а не еды и одежды. Но связываться с Братством, даже ради одного дела, это плохая идея.

Есть только одна причина, по которой я думаю над предложением. Лонгвей самый важный человек в Крепости, главарь Братства Красного дракона. Его бордель самый большой. В него невозможно попасть. Большинство его девушек обслуживают самых важных, могущественных и влиятельных людей Дальнего города. И это последний из больших борделей, где я еще не искала.

Это может быть моим единственным шансом. Найти Мей Юи.

— Не похоже, чтобы тебе была нужна работа. — Кончик моего ножа направлен на его белоснежные зубы. В его одежде нет ни единой дырочки. Даже от его позы пахнет деньгами. — Недостаточно все у тебя плохо, чтобы рисковать жизнью.

— Внешность бывает обманчива, — пожимает плечами Дей. — Так ты участвуешь или нет?

Мне следовало отказаться. Все это противоречит второму правилу. Не доверяй никому. Но если я скажу "нет", он уйдет. Найдет кого-нибудь другого. Я потеряю шанс найти сестру.

Хорошая плата не стоит того, чтобы рисковать своей жизнью. Или доверять незнакомцу.

Но Мей Юи стоит.

Брезент у моей ноги расплзается. Из него высовывается серебристая голова Кма, его ядовито-желтые глаза упираются в Дея. Я тоже снова окидываю его взглядом. Никаких признаков Братства. Ни украшений. Ни татуировок. Только яркий шрам поднимается до самого предплечья. След от ножа. Слишком уродливый, чтобы его оставило какое-то другое оружие.

Дей перехватывает мой взгляд и одергивает рукав, пряча свою метку.

Кма подкрадывается к нему сзади и, словно шарф, оборачивается вокруг его ноги, становясь серой опушкой на великолепных джинсах. Его пушистый хвост поднят трубой: радостное приветствие. Нарезав пару кругов, Кма укладывается у ноги Дея, подобрав под себя лапы и мякнув.

Если мой кот ему доверяет, то и я могу.

Пока могу.

Я киваю:

— Похоже, у тебя появился новый друг.

Дей неожиданно чихает так, словно раздается взрыв. На его лице с десяток плевков мистера Лама. Юноша скидывает руки к лицу, но уже поздно. Если хоть что-то может сделать внешний вид бродяги менее устрашающим — полное лицо соплей.

Я опускаю нож:

— Когда бежать?

Юноша заканчивает вытирать лицо и засовывает руки обратно в карманы. Кма все еще крутится у его ботинок. И мурлычет.

— Через два дня. После захода солнца через четыре часа. Встречаемся у входа в бордель Лонгвея.

— Приду. — Вот и все. Второе правило нарушено. Я доверилась парню со шрамом на руке. Ловлю его взгляд. Ради моей сестры. — Но я хочу шестьдесят.

— По рукам. — Он отвечает быстро, отчаянно. Даже не моргнув.

Надо было просить семьдесят.

— Надеюсь, ты придешь, Джин. Если нет...

— Я приду, — отвечаю я.

Дей кивает и разворачивается, чтобы уйти, плавно огибая представителя семейства кошачьих. С тяжелом вздохом наблюдаю как он уходит. Частично во вздохе сквозит облегчение. Частично — усталость. Теперь, когда Дей знает место моего лагеря, мне придется переехать. Все мои тайны, весь мой ужас выплескивается в холодный воздух. Туманный и молочно-белый. Как кожа моей сестры.

Когда облачко моего дыхания исчезает, парня уже и след простыл. Я стою в распахнутом зеве своего переулка, все еще крепко сжимая рукоять ножа. Снова одна.

Мей Юи

Удивительно, что, потеряв столько крови, Синь боролась очень долго. Сейчас она больше не сопротивляется. Мы с Инь Юй легко ее переносим. К тому моменту, когда кладем Синь в кровать, мы перепачканы в ее крови.

Кровь у меня на руках. Я вытягиваю их перед собой и пристально всматриваюсь в яркие мазки. Они несут за собой воспоминания. Страшные, ужасные воспоминания из прежней жизни.

Если отец не работал в поле, он падал на свой раскладной стул, держа в руках бутылку. И мы все знали, что нам следует вести себя осторожно, когда он откручивал третий колпачок. Большинство времени он там и оставался, раскинув руки и ноги, словно мертвая рыба. В остальное время наша кожа расцветала болью и становилась фиолетовой под его ударами.

Джин Линь всегда балансировала на грани опасности. Ее побои всегда были хуже, поскольку она постоянно отбивалась. Боролась, пытаясь своими маленькими ручками и ножками дотянуться до него. Иногда ей даже удавалось ударить его. Отец хохотал и лупил ее с удвоенной силой. Мне кажется, она делала это специально, чтобы направить всю его ярость на себя. Покончив с Джин Линь, он не бил ни меня, ни маму.

Где-то в самой середине этих воспоминаний уходит Инь Юй, потом возвращается с серебряной миской, заполненной водой. Я погружаю туда руки, и кровь, которая мне не принадлежит, смывается, закручиваясь на дне чашки.

Мне казалось, что по крайней мере здесь с кровью будет покончено.

Беру льняную тряпку и приступаю к работе. Пытаюсь обработать все глубокие раны Синь.

— Ей повезло, что он не воспользовался ножом, — говорит Инь Юй.

Повезло. Мне хочется с этим поспорить, но я знаю, что девушка права.

— Лонгвей не стал бы ее уродовать. Он хочет, чтобы она продолжала работать.

Наркобарон хочет выжать из ее хорошенького личика максимум прибыли. И неважно, что она сидит на героине. Он будет выжимать, выжимать, выжимать, пока ничего не останется. Одна шелуха.

Так оно обычно бывает.

— Зачем ты это сделала? — шепчет Инь Юй, держа подругу. — Зачем тебе нужно было убегать?

Тишина. Синь смотрит в потолок тусклыми и пустыми глазами. Я никогда прежде ее такой не видела. За все время, что я ее знаю, она всегда была сгустком энергии. Всегда

травила байки, воровала сигареты из одежды клиентов, учила нас ругаться на языке, который называла "английским". Даже когда утром некоторые из нас пытались урвать хоть еще немного часочков сна, Синь уже не спала и сидела с книгой в руках. Читала.

Сейчас же признаками того, что Синь еще жива, является мучительно медленный подъем и опадание ее груди да потрескавшиеся розовые щеки.

Мои руки порхают, словно колибри. Вылавливают большой кусок изумрудного осколка из костлявого колена Синь. Кровь засыхает, покрываясь коркой, оставляя странные, извилистые следы на ее коже. Моя тряпка, размокшая и розовая, вытирает раны.

Никто из нас не ожидал, что она заговорит.

— Я должна была увидеть.

— Увидеть что? — Инь Юй ничего не упускает.

— Что там снаружи. И н-никаких стен. — Слова Синь сливаются, тянутся, будто конфеты. У нее расплывчатая, расслабленная и расфокусированная речь.

Мы переглядываемся с Инь Юй. Потом смотрим опять на нее. Не понимаю, почему это стоит полученных ран и иглы в вене. Почему она просто выбросила свою жизнь на помойку.

Инь Юй задает мой вопрос:

— Оно того стоило?

Тишина.

Где-то вдалеке от нашей комнаты раздается крик. Он умирает так же быстро, как возник. Почему-то я знаю, что он принадлежит мама-сан, хоть и не понимаю, откуда такая уверенность. За два года, что я провела здесь, ни разу не слышала, чтобы она кричала.

Синь не единственная, кого наказали. Мы все заплатим за то, что она сделала.

Глаза нашей подруги закрываются, вздрагивают тонкие, как бумага, веки. Судя по тому, что голова откидывается назад, она под контролем героина. От улыбки изгибаются розовые щеки. В обрамлении такого количества крови это выглядит странно.

— Конец здесь, — неотчетливо произносит она. — Как красиво.

От ее голоса ползут мурашки, заставляя меня сгорбиться. Инь Юй крепко держит нашу подругу. Отрываю от марли длинную полоску и начинаю перевязывать розовую плоть Синь.

В дверном проеме возникает тень. На лице мама-сан отражается напряженность и усталость. Она наложила свежий макияж, никогда прежде не видела его в таком количестве. Несложно догадаться, что она скрывает под слоем пудры и мастики: фиолетовые зародыши будущих синяков или свежие сочащиеся раны. Напоминание о хозяйском гнев.

Некоторое время она молчит, заполняя дверной проем изможденной поддельной красотой. Ее тяжелый взгляд изучает Синь: забинтованные руки, растрепанные волосы и пустое, в наркотическом угаре, лицо.

— Они поймают. Они всегда будут вас ловить. — Мама-сан все еще смотрит на Синь, но ее слова предназначены нам. Эти слова измельчены, словно порошок героина.

Но когда мама-сан отрывает от нашей подруги взгляд, словно очнувшись ото сна, она снова становится жесткой и неумолимой.

— Оставьте ее.

Мы оставляем полуобнаженную Синь лежать на кровати. Мама-сан скалой стоит в дверном проеме, пока мы не выходим из комнаты, и запирает дверь.

— Вы обе должны разойтись по комнатам до следующего распоряжения. Девочкам разрешено выходить только, чтобы выполнять работу по дому.

Девочки, у которых есть определенные обязанности. Нуо ублачивает хозяйских гостей,

находящихся в глубоком наркотическом трансе, игрой на цитре. Инь Юй, зажигает трубки и наполняет стаканы сливовым вином по щелчку пальцев. У меня нет таких обязанностей, что делает из меня затворницу.

— Как долго? — спрашиваю я.

— Столько, сколько потребуется. — Голос мама-сан бьет, словно хлыстом, удерживая от дальнейших расспросов. — У него длинная память.

Перед глазами все еще стоит лицо хозяина. Холодное и уверенное. Лишенное злобы. Лицо человека, в котором давно умерли прощение и сострадание.

Мама-сан права. Мы здесь надолго.

* * *

Слова Синь крутятся у меня в мозгу несколько часов. Снова и снова: конец, конец, конец. Холод пронзает кости, в комнате будто становится холоднее. Хочу поспать, но всякий раз, когда закрываю глаза, вижу кровь и шприц. Ничему другому места нет.

Меня все еще трясет, когда приезжает посол Осаму.

Я счастливица. Девушки типа Инь Юй вынуждены принимать за ночь трех-четырех мужчин. Посол же мой единственный клиент. Он доплачивает хозяину за услугу, чтобы я обслуживала только его. Я не знаю, почему из всех девушек он выбрал меня. Просто в один прекрасный день он перестал их замечать и запретил другим мужчинам замечать меня.

Я исключительно его — загнана в угол и высоко ценюсь.

Посол не такой уж и ужасный по сравнению с теми, кто раньше бывал в моей кровати. Он не бьет. Он не кричит. Не смотрит на меня так, словно я жвачка, прилипшая к подошве его ботинок. Наоборот, он говорит, что я красивая. Всякий раз, когда он приходит, он приносит мне цветы. Яркие, сладко-пахнущие бутоны, призванные подбодрить меня.

Сегодня в его руках уютно расположился букет фиалок, ярко выделяясь на фоне его отутюженного угольного цвета костюма. Никто из нас не произносит ни слова, пока он вытаскивает из вазы букет засохших роз. Лепестки шелестят по столешнице, словно листы пергамента. Одним движением руки посол смахивает их на пол.

Он скидывает смокинг, прежде чем подойти к кровати, где сижу я и трясусь.

— Прости, что меня не было так долго. — Он садится, и кровать прогибается. Под его весом матрас опускается, отчего я соскальзываю ближе к нему. Тепло его кожи перекидывает мостик между нашими телами, напоминая, насколько я холодна. — Я был в разъездах.

Пытаюсь улыбнуться, но на губах тяжелые гири. Не могу перестать думать о криках, проглоченных словах. Весь тот шум, что извергался изо рта Синь.

— Что случилось, Мей Юи? — Он произносит мое имя не так, как оно должно звучать. Мне потребовалось несколько недель, чтобы понять его странный акцент.

Темные глаза посла упираются в меня. Обеспокоенность на его лице совершенно искренняя, просвечивающаяся сквозь морщинки. Своими круглыми щеками и такой же челюстью он немного напоминает мне панду.

Его рука ложится на мою. Даже такое прикосновение обжигает.

— Ты можешь мне рассказать.

То, что произошло в салоне, взрывает меня изнутри. Слова прорываются наружу.

— Одна из девочек... она попыталась сбежать. Хозяин ее наказал.

— Это тебя расстроило?

Я киваю. Вопрос кажется глупым, но его же здесь не было. Он не слышал криков Синь. Он не вытирал ее кровь.

— Тебе не стоит переживать. Ты хорошая девочка. Примерная. У Лонгвея нет причин наказывать тебя.

Он двигается ближе, наши бедра соприкасаются.

— Я скучал по тебе, — говорит он.

— Я тоже по тебе скучала, — отвечаю я, потому что знаю, он хочет это услышать. По чему я действительно скучала, так это по ярким и ароматным цветам.

Посол наклоняется ко мне. Так близко, что я чувствую запах его дыхания. От него пахнет кунжутом, имбирем и медом. В животе урчит, но он, похоже, этого не слышит. Он слишком увлечен тем, что ласкает меня, продевает пальцы мне в волосы и прижимает меня к своей груди и лицу.

Вот по этому я точно не скучала.

Мои глаза открыты, я смотрю мимо его седого виска на дальнюю стену, где стоит полка с книгами, которые я не могу прочесть, и жесткие вечнозеленые листья пластиковой орхидеи. В самом конце полки расположилась статуэтка золотого кота. Смотрю в его зеленые глаза и разглядываю символы на груди, о которых Синь говорила, что они приносят удачу. Снова и снова пересчитываю усы. Их двенадцать.

Двенадцать. Двенадцать. Двенадцать.

Число бьется в моей голове. Повторяется снова и снова, пока не сливается в одно стучащее слово, пытаюсь сделать все возможное, чтобы отвлечь меня.

Двенадцать-двенадцать-двенадцать-двенадцать-двенадцать-двенадцать.

Закончив, посол лежит на спине и дышит, словно лошадь, проскакавшая пятьсот ли. Его упругая грудь опускается и поднимается в бешеном темпе. Щеки такие же красные, какими были розы, прежде чем завяли.

Лежу неподвижно, уставившись в потолок. Тот, кто жил здесь до меня, нарисовал на нем крохотные звезды. После стольких месяцев рассматривания этого потолка мне даже не нужно открывать глаза, чтобы их видеть. Я знаю, как они выглядят, даже лучше, чем те настоящие, на которые мы с Джин Линь смотрели из окна нашей спальни. Те, что венчали горы и заливали светом рисовые поля. Те, что сияли по-настоящему.

Я смотрела на них ради сияния. Драгоценные камни из серебра: трепетные и прекрасные. Джин Линь наблюдала за ними из-за названий, таящих за собой разные истории. Когда мы были совсем маленькими, мама рассказала нам все, что знала о звездах. Белый западный Тигр, который поднимается тогда, когда деревья желтеют и сбрасывают листву. Лазоревый восточный Дракон, который венчает первые весенние ростки.

Но для Джин Линь маминых знаний было недостаточно. Она наблюдала с тем интересом и жадностью, которых я никак не могла понять. Задавала вопросы, на которые у нас не было ответов.

Времена, когда мы чувствовали себя близкими друг другу, времена, когда наши ощущения сливались воедино, наступали тогда, когда звезды падали. Джин Линь обычно замечала их первой. Ее взгляд был острее, быстро выхватывая сияние из темноты. Дыхание становилось порывистым и восторженным. Она показывала туда, где небо встречалось с землей, и крепко сжимала мою руку.

— Быстрее, Мей Юи! Загадывай желание!

Я всегда хмурилась и продолжала таращиться в темное небо. У меня в душе было заперто слишком много желаний. Выбрать одно было невозможно.

— Я не знаю.

Младшая сестра вздыхала и одаривала меня острым, как кинжал, взглядом.

— Что ты хочешь больше всего?

Этого я никогда не знала. Вместо ответа я задавала этот вопрос ей.

Ее пальцы сжимали мои с такой силой, которая меня всегда в ней удивляла.

— Хочу, чтобы мы всегда были вместе. Подальше отсюда. Подальше от боли.

Посол обнимает меня, изгоняя из воспоминаний голос сестры, словно дикую кошку. Его жар больше не обжигает. Он повсюду, оборачивается вокруг моего тела, словно покрывало.

Так мы лежим еще долго. Тело к телу под фальшивыми звездами. Ни одна из них никогда не упадет.

16 дней

Дей

Я не верю в призраков. Не так, как моя бабушка, которая каждое утро опускается на колени у храма наших предков, держа в сжатых ладонях курительные палочки и принося подношения в виде рисовой водки и апельсинов. Всегда считал, что это глупо, напрасная трата фруктов и хорошей выпивки на мертвых, которые молчаливы, которых больше нет.

Он постоянно меня преследует.

Брат приходит ко мне во сне. Когда я закрываю глаза, вижу один и тот же кошмар. По кругу крутится "ночь, которая все изменила". Голос моего брата гремит и жалит, он неизменен с самого момента его гибели.

— Не делай этого, Дей. Ты не такой. — Он всегда протягивает руку, цепляясь за край моей толстовки. Пытается меня остановить. — Ты хороший человек.

А потом появляется кровь.

Ее всегда очень много. У меня на руке. На брате. Она льет и хлещет нереальным образом. Так бывает в мультиках, которые мы смотрим и где кровь брызжет фонтаном. Я пытаюсь ее остановить, держу его руку, но она ускользает. Его последний вздох клубится в зимней ночи в виде английского восклицательного знака. Отвратительная пунктуация. Это должна быть точка. Солидное окончание. А не такое...

Просыпаюсь, в груди бешено колотится сердце. На грязном белом кафеле моей квартиры крови нет. Только лишь прямые линии, что нарисовал углем я сам. Знаки, которые я стираю день за днем своим пальцем.

Сажусь, пытаюсь сморгнуть ужас с сонных глаз.

Мир не изменился. Мой шрам все еще на месте. Мой брат мертв. Я заперт в Хак-Нам, а на стене все те же шестнадцать полос. Они говорят, что скоро — очень скоро — мое время выйдет.

* * *

Часть меня сомневается, что парень придет. Прислонившись к стене по другую сторону улицы от борделя Лонгвея, считаю секунды, отстукивая их пальцами. Гориллоподобный охранник у входа наблюдает за мной сквозь прищуренные глаза.

Стараюсь не обращать на него внимание и сосредоточиться на бумажных фонариках, висящих у входа в бордель. Их алый свет тает в драконе, выгравированном на двери. Это

эмблема Братства: зверь, выкрашенный в цвет, приносящий удачу и кровь. Он нарисован на стене каждого здания в Хак-Нам. Напоминание, что все здесь принадлежит им. Почти все.

Минуты тянутся одна за другой, и я начинаю думать, что парень слишком умен. Он, должно быть, почуял неладное. Мои пальцы дергаются все быстрее, выстукивая фестиваль ритм, когда из тени возникает Джин.

Может, всему виной голубоватый отблеск светфора, висящего вверху на трубе. Или же кусочки моего кошмара все еще стоят перед глазами. Что бы это ни было, лицо парня коробит меня. В нем куча беспокойства и угловатости. Идеальная смесь переживаний и жестокости.

Прямо как у брата.

— Что-то не так? — Джин шагает в одинокую полосу света, и видение проходит. Подобие брата ускользает как прозрачный лист. Сейчас передо мной стоит просто уличный мальчишка. В глазах недоверие. Руки скрещены на груди.

— Все нормально. — Я сглатываю подступившие воспоминания (нахожусь на стабильной диете вынужденной амнезии) и отталкиваюсь от стены. — Идем. Не стоит опаздывать.

Горилла отходит в сторону, и дверь в логово дракона открывается. По коридору мимо закрытых дверей катится сладкий, землистый, терпкий и удушливый опиумный дымок.

Я задерживаю дыхание и скидываю ботинки, ставя их в мраморной прихожей в один аккуратный ряд с тапочками и кожаными мокасинами. Позади меня останавливается Джин, его губы мрачно искривляются, пока он смотрит вниз на свои собственные ботинки.

— Ничего с ними не случится. А если и так, то я куплю тебе новые из своей доли. — Говорю это лишь для того, чтобы заставить парнишку двигаться. Мы и так почти опоздали, а я не могу позволить, чтобы Лонгвей что-то заподозрил. — Такие, которые тебе будут по размеру.

В конце концов, он разувается. Мы идем по коридору в общую комнату.

Дымка здесь гораздо плотнее. Длинные диваны образуют вокруг ковра кольцо. Они заполнены разного рода предпринимателями, чьи руки под воздействием опиума свисают к полу. Это место не такое уж причудливое, как хотелось бы, на мой взгляд, Лонгвею. В нем есть скорее позерство и дряблость. Один из углов на диване изорван. На ткани тахты видны дымные пятна. Рисунки на красно-золотистых гобеленах стен выполнены в свободном стиле и на разные темы. Перед той ночью, которая все изменила, я назвал бы это место мрачной дырой. После двух лет соседства с гигантскими крысами и хождения по улицам, вымощенным человеческими фекалиями, все здесь похоже на императорский дворец.

Один из мужчин окидывает нас быстрым взглядом. На нем шелковый пиджак, на котором вышит алый дракон, змеящийся по рукаву. На лице мужчины виден сморщенный фиолетовый шрам, сбегаящий по челюсти вниз. В районе живота есть некоторое уплотнение — результат того, что несколько лет он только отдает приказы.

Это Лонгвей — главарь Братства, бог ножей и шприцев, король маленького ада.

— Этот тот мальчишка, который выполнит работу? — Голос у наркобарона, словно у собаки. Гортанный. Лающий. — Выглядит не очень.

Бросаю еще один взгляд на парня. Он глядит по сторонам во все глаза, его плечи напряжены, а руки все еще скрещены на груди. Алый свет фонарей в борделе лежит на лице Джин. Показывает, насколько он недоедает. Наверное, достаточно порыва ветра, чтобы сбить его с ног.

Из желудка поднимается новый спазм, но я не обращаю на него внимания. У меня нет такой роскоши, как сомнения и догадки. Или так, или на плаху.

— Он лучший, — говорю я наркобарону. — Даю слово.

— В этом нет необходимости. — Оскал Лонгвея похож на пасть дракона: хищный и резкий, увенчанный фальшивым золотым зубом. — Взамен я просто заберу твою жизнь.

Внутренности вспыхивают огнем. Но потом я вспоминаю про ботинки в коридоре. Оглядываюсь назад и смотрю в угольные глаза парня.

Со мной все будет в порядке.

Лонгвей кивает в дальний угол. Мужчина, одетый в хороший черный костюм, появляется из-за его плеча. Он держит пакетик с белым порошком, который упакован в форме кирпича.

Лонгвей забирает брикет и взвешивает его в руке.

— Ты знаешь, где находится ночной рынок, парень?

— В Дальнем городе? — Джину удастся скрыть дрожание в голосе, но оно остается в его плечах.

— Да. Сэнг Нгои. — Он хмурится, слыша детский сленг. — Отнеси пакет в последний ларек на западном углу. Там старик занимается резьбой по нефриту. Отдай это ему, заведи то, что он даст тебе, и возвращайся сюда. Мой человек присмотрит, чтобы обмен прошел как надо. Твой товарищ останется здесь, пока ты не вернешься. А если ты не вернешься, то у него будет приятная и весьма продолжительная встреча с моим ножом.

Парень бледнеет. Мои пальцы снова начинают дрожать. Они бешено выстукивают стаккато, пока я наблюдаю за тем, как Джин прячет брикет под тунику и идет к двери.

— Присаживайся. — Золотой зуб Лонгвея снова вспыхивает, когда мужчина жестом показывает в сторону пустой тахты.

Я глубоко втягиваю в себя воздух и опускаюсь на проседающие подо мной подушки.

Пора приниматься за работу.

Джин Линь

Выбегать в Дальний город всегда опасно. В Крепость полиция не заходит, но они всегда ждут снаружи. Немало бродяг закончили свои дни за решеткой, после того как их поймали с наркотой.

Но сейчас полиции нет, и я бегу по широким и чистым улицам. Только вспыхивающие неоновые вывески, отблеск автомобилей и открытое темное небо. Идет дождь. Когда я добираюсь до ночного рынка, я вся промокла: одежда, волосы. Единственное, что осталось сухим — это пакет. Он лежит в плотном креплении между моей грудью и рубашкой.

Чем скорее я с этим покончу, тем скорее смогу вернуться в бордель. И продолжу разглядывать все эти разрисованные лица ради того, чтобы найти одно-единственное.

Мужчина, вырезающий нефритовые фигурки, даже не смотрит на меня, когда я подхожу к его ларьку. Он полирует крошечные фигурки животных.

— Сюда клади, — шепчет мастер и подталкивает корзину, стоящую у его ног. Она стоит под столом с товаром, и на нее вполне можно не обратить внимание.

Оглядываюсь. Здесь, в самом дальнем углу рынка, покупателей немного. У киоска рядом с нами, разглядывая ювелирные украшения, стоит пожилая пара, а продавец что-то считает на калькуляторе. Рядом парень обнимает девушку. Они смеются. Одновременно. Для меня это странно. Странно, что они счастливы, напоминают мне о том, чего нет у меня.

Моя рука проскальзывает под куртку и вытягивает оттуда брикет. Подхожу ближе к

столу. Достаточно близко, чтобы схватить сверток, если придется.

— Где мой пакет? — спрашиваю я.

Впервые за все время торговец поднимает на меня взгляд. Осознаю, насколько жалко я выгляжу: тонкая, словно бамбук, мокрая, вся в грязи. Я не принадлежу этому миру. Со всей его радостью, смеющимися людьми... эти убогие, по завышенной цене, статуэтки.

— Дружище... скажи... что возникла небольшая заминка. Я заплачу через пару дней. Скажи, что я пришлю своего парнишку.

Я не двигаюсь. Все идет не так, как нужно. Я должна забрать пакет... деньги... и принести его обратно. Если я этого не сделаю, то провалю свою задание. А значит Дей умрет.

Острее, чем рыбацкий крючок, меня захватывает последняя мысль. С чего это я вообще переживаю за Дея? Он не является той причиной, по которой я бегая и за которую сражаюсь. Если он напорется на нож, значит сам виноват. Он прекрасно знал, на что идет, когда переступал порог борделя Лонгвея.

Убеждаю себя, но это ощущение все равно не проходит. Оно давит мне на грудь ответственностью за жизнь Дея.

— Ты, похоже, смышленный парнишка. — Продавец улыбается, обнажая ряд кривых желтых зубов. — Я уверен, твой друг все поймет. Мы с ним давно знакомы. Ему будет достаточно моего слова.

Он прав. Я умна. Достаточно умна, чтобы действовать по правилам. Умна, чтобы выжить.

Никому не доверяй. В голове всплывает второе правило. Оно ревет и вспыхивает, словно полицейская сирена. Может, мужчина и говорит правду, но я не вернусь в бордель Лонгвея с пустыми руками.

— Значит мой друг поймет? — спрашиваю я. Этому трюку я давно научилась на улицах: если ты ведешь себя по-идиотски, люди не обращают на тебя должного внимания. Они ничего от тебя не ждут.

— О да, — улыбка мужчины становится шире. — Он знает, где меня найти. Разве нет?

— Думаю, да...

Когда, наконец, наступает подходящий момент, я делаю выпад, бросаюсь под стол в слепой ярости. Корзина опрокидывается, и пакет вываливается на пол. Тянусь за ним, но чувствую, как на моей руке смыкаются пальцы торговца. Он ругается, пытаюсь вытащить меня из-под стола. У мужчины сильная хватка. Его пальцы впиваются в руку так сильно, что у меня из глаз катятся слезы.

Под курткой у меня нож, до которого легко дотянуться. Хватаю его и всаживаю лезвие прямо в держащую меня руку.

Его крик ужасен. Он дергается назад. Кровь, красная, тягучая, разливается вокруг. Я хватаю пакет и делаю то, что у меня получается лучше всего. Бегу.

Дей

После того как Джин ушел, Лонгвей перестал обращать на меня внимание. Он развалился в кресле, делая длинные затяжки из своей трубки. Дымок от опиума выплескивается в воздух, словно чернила, создавая вокруг головы мужчины призрачные круги. Наблюдаю, пытаюсь выглядеть расслабленным, пока в голове крутятся мысли. Уголком глаз вижу охранника, одетого во все черное и неповоротливо вышагивающего в коридоре.

То, что мне было нужно, находится не здесь, не в общей комнате. Да я особо этого и не ждал. Не многие держат свою самую ценную вещь посреди опиумной комнаты борделя.

В гостиной четыре входа. Все они широкие, арочные, ведущие в темные коридоры. Четыре вероятности. Мой взгляд скользит по ним, пытаюсь получить из тени хоть проблеск подсказки.

Но ничего не помогает. И не поможет, если я не найду способ встать с дивана.

Смотрю на Лонгвея. Его глаза закрыты, лицо расслабленное, как у кота, который греется на солнце.

— Мне нужно в туалет, — стараюсь, чтобы голос звучал твердо и убедительно.

Он ничего не отвечает. Даже не открывает глаза. Но я знаю, что он меня слышал, потому что губы становятся тонкими и подергиваются.

— У вас здесь есть уборная, которой я мог бы воспользоваться? — спрашиваю я на этот раз уже громче.

Его глаза остаются закрытыми. Ощущаю себя ребенком, который тычет палкой в спящего дракона. Было бы глупо давить сильнее, но сегодня в глубине моего сознания огнем горит цифра. Шестнадцать дней.

Я думаю об этом, сглатываю и тычу еще раз.

— Так есть? Можно?

— Потерпи, — рычит он.

— Не могу, — отвечаю я.

Открывается темный, с красными прожилками, глаз.

— Для бродяги ты ужасно требовательный. — Его слова сливаются в одно. — И слишком хорошо одет.

В груди становится тяжело. Такое ощущение, словно я пустая банка из-под колы, которую легко смять пальцами. Пытаюсь дышать глубоко и медленно, как заставлял меня репетитор-англичанин, если я начинал паниковать из-за уроков, но в воздухе слишком много дыма.

Я никогда не утверждал, что я бродяга. Люди сами делали такое предположение. А я не возражал, потому что это проще, чем рассказывать правду. Кто я. Что сделал. Эти факты изменили бы отношение Лонгвея ко мне в считанные мгновения.

— Я справляюсь, — пожимаю плечами я.

Даже если он и разочарован моим ответом, то не подает и вида. Он снова закрывает глаз и машет ближайшему из мужчин в черном.

— Фанг покажет тебе, куда идти.

Фанг, угрюмый мужчина с красной татуировкой на лице, не очень-то рад подобному заданию. Он пристально смотрит на меня и ведет в западный коридор, постоянно держа меня на расстоянии вытянутой руки. Я иду медленно, стараясь разглядеть как можно больше деталей. Все двери закрыты, заперты снаружи. В центре коридора висит табло, на котором красным написаны имена. Эти символы прекрасно сочетаются с алыми фонарями, парящими над нами. С определенного угла они совершенно невидимы.

— Сюда. — Фанг плечом открывает серебристую дверь. Она едва ли шире моей груди. Образовывается щель, обнажая темное и затхлое пространство. — Пошевеливай задницей.

Я не трачу время на грязную уборную. Единственное, чего я достиг, — выяснил: нужное мне находится не в этом коридоре. Здесь только комнаты девушек и гнилая канализационная труба.

Мои руки засунуты глубоко в карманы, пока Фанг ведет меня обратно в общий зал. Больше нельзя использовать туалет в качестве предлога, чтобы осмотреться. Придется найти другой способ. Воспользоваться доверием и изображать интерес к Братству. Создать некий отвлекающий маневр.

Раздаются резкие голоса, они спорят, словно фехтуют, что выводит меня из задумчивости. Они настолько громкие, что даже Фанг останавливается. Мы, прислушиваясь, балансируем на краю коридора.

— Никто с ней больше не встречался? — спрашивает мужчина. Что-то в его голосе кажется знакомым, это нечто нервирует меня. В его речи есть что-то постороннее, словно нож разрезает печень. Так же разговаривает моя мать. От его речи меня разрезает тоска по дому.

Голос Лонгвея же легко узнаваем.

— Конечно, нет. Вы давным-давно купили ее время. А я человек слова. Думал, вы это знаете, Осаму.

Волосы на руках встают дыбом. Этот голос. Это имя... Осаму. Я его знаю. Прекрасно знаю, как он напивается саке и ведет сладкие разговоры с хорошенькими девушками на посольских приемах. Прекрасно помню его лицо.

Моего же он, вероятно, не вспомнит... много времени прошло с тех пор, как я в последний раз был на приемах или в посольствах. Но рисковать я не могу. Не здесь. Вытаскиваю руки из карманов и плотнее натягиваю капюшон на случай, если Фанг решит, что нам следует их прервать.

— Если я узнаю, что ты обманываешь меня... — рычит чиновник. — Если узнаю, что она бывает и с другими. Я...

— Подумай хорошо, Осаму, прежде чем мне угрожать. — Голос Лонгвея непреклонен, в нем звучит сталь. — Возможно, в Сенг Нгои у тебя и есть власть, но это моя территория. Мои правила. Твоя дипломатическая неприкосновенность здесь дерьмовое ничто.

— Ты не такой уж неприкасаемый, как думаешь, — грохочет Осаму.

Нет, конечно, нет. Особенно, если я найду то, что ищу, и сделаю, что требуется.

В груди словно когти впиваются в сердце. Так много людей и разного рода чиновников старались, чтобы никто в окружении Лонгвея не знал, когда придет "день". Они с помощью детекторов лжи и двойных агентов выкорчевали всех кротов. Хранили всю информацию в строжайшей секретности, а их единственная лазейка — я.

И теперь Осаму, открыв свой рот, угрожает всему, что сделано.

Но ведь Осаму не в курсе... или в курсе? Он иностранный дипломат, у которого в городской политике Сенг Нгои интересов нет. Я, наверное, просто излишне вдумываюсь в его слова. Мой страх читает между строк.

Лонгвей смеется:

— Рад, что мы друг друга поняли. Ты пришел только поболтать или будешь платить?

— Я шел к ней, но, боюсь, что забыл букет. Женщина, которая обычно торгует ими на улице, сегодня не пришла. Мне нужно найти другого продавца.

Наркобарон продолжает хохотать, все громче и раскатистее.

— Тебе не нужны цветы, чтобы забраться к ней в постель, Осаму. Твоих денег вполне достаточно.

— Нет. Не думаю, что такой человек, как ты, способен оценить подобную тонкость, — бесстрашно говорит Осаму. — Мне нужны цветы. Скоро вернусь.

Задерживаю дыхание и прислушиваюсь, но слышу лишь удаляющиеся в другом направлении шаги. Осаму ушел. Хорошо.

Когда Фанг заводит меня обратно в комнату, мужчины по-прежнему лежат под кайфом на диванчиках, словно ничего и не произошло. Только Лонгвей в сознании, в его обычно ленивых глазах виднеется волнение.

— Ты можешь себе представить? — Он, кажется, не обращается ни к кому конкретно, но быстро находит меня взглядом. — Угрожать мне? Из-за какой-то обычной девки... Этот дурак одержим ею. Он приносит ей цветы и подарки, словно обычной возлюбленной. Он даже платит за целый месяц дополнительных услуг, так что мне пришлось переселить ее в единственную комнату, где есть окно.

Окно. Мой разум цепляется за это слово. Если есть окно, значит сюда можно пробраться другим путем.

Желание поразглагольствовать исчезает из темных глаз Лонгвея. Он изучающе смотрит на меня, и я понимаю, что капюшона у меня на голове нет.

— Сколько тебе лет, парень?

На краткий миг я думаю о том, чтобы соврать, но в этом нет необходимости. Если не сказать, что это было бы глупо.

— Восемнадцать.

— И ты до сих пор не присоединился ни к одной из группировок? Многие ребята твоего возраста уже давно бы так и поступили. Если только ты не ждешь особого приглашения...

Не трудно догадаться, что он намекает на приглашение вступить в Братство. Официально встать в один ряд с убийцами, ворами и наркоманами. Организованная преступность. Согласись я на приглашение, жизнь пойдет по-другому. Если бы я голодал, проживая день за днем как Джин или Куен, как многие другие бродяги, я бы не задумываясь крикнул "да". Умолял бы об этом.

Но Лонгвей ничего не предлагает. А если бы и предложил, я бы отказался. Это помогло бы мне втереться в доверие Братства, пройти через тщательно продуманный отбор и проверки... и провалиться. А потом меня разрежут на мелкие кусочки и прикончат. Мои тайны не удастся уберечь, если Лонгвей подберется слишком близко.

Рисковать не стоит. Не сейчас.

— Предпочитаю быть сам по себе. Так меньше проблем. — "Вот в чем правда", — едва не добавляю я.

— А что насчет второго парня? Джина?

Дерьмо. Старик ничего не упускает. Мне удастся сохранить спокойствие на лице.

— Вы сказали, что для работы нужны двое. Нас двое. Он со мной на один раз.

— И все же именно ты познакомишься с моим ножом, если он не вернется... тот, который на один раз.

Его последнее предложение повисает в воздухе, словно приманка, вынуждающая меня кусаться, бороться, драться,

Упираюсь глазами в пальцы своих ног. Они напоминают мне об угрях в аквариумах рыбных ресторанов. Они живые, но их много, они лежат друг на друге, и для них совсем нет места, чтобы двигаться.

Не сопротивляйся ему. Ты здесь не за этим.

Разглядываю пальцы и думаю об окне. Мой следующий ход в игре с побегом.

— Парень вернулся, — кричит из коридора охранник.

— Вот как? — Лонгвей опускается обратно в кресло, принимая позу ленивого короля. — Что же, посмотрим, парень, правильно ли ты сделал, доверившись этому пацану.

Доверие. Это слово назойливо жужжит в голове, словно похмелье. Полагаю, это я и должен был сделать. Поверить, что он вернется. Довериться ему и остаться с ножом Лонгвея. Посмотрим, был ли я прав.

И хотя моя толстовка толстая и хорошо сохраняет тепло, я не могу не дрожать.

Джин Линь

В борделе Лонгвея гораздо теплее, чем под моим брезентом. Но я все равно трясусь. Кровь торговца смыло ливнем. Но его крик все еще стоит в ушах, с каждым моим шагом становясь все громче. Человек Лонгвея стоит позади меня. Он был там все время, пока я бежала обратно.

Пакет с наркотиками держу у груди. Так же, как обычно прижимаю Кма в те ночи, когда очень холодно. Дрожь, тряска, крик. Коридор все тянется и тянется. Дверь за дверью, дверь за дверью. Но наконец мы доходим до цели — кресла Лонгвея. Главарь Братства открывает свои налитые кровью глаза. Они направлены на пакет в моих руках. На мой провал.

Мне не стоило браться за эту работу.

Дей сидит на краешке дивана. Уверенная ухмылка исчезла с его лица. Кожа приобрела зеленоватый, словно мох, оттенок. Дей выглядит так, будто заболел.

Не стоит волноваться за него. Я не могу. Но вес ответственности за его жизнь продолжает давить. Давит на мои ребра и легкие. Напоминает, что у меня все еще есть сердце.

Я могу ранить ножом, но не могу позволить умереть. Не в мою смену.

— Проблемы? — рычит Лонгвей.

Во рту пересохло, как в засуху. Мне требуется несколько попыток, чтобы подобрать правильные слова.

— Я... я не смог завершить сделку, с-сэр. Я нашел человека, который торгует нефритовыми статуэтками. Отдал ему пакет, как вы мне и сказали.

— И? — Вопрос задан сурово. Леденит душу. Чтобы продолжить говорить, требуется все мое мужество.

— Он не захотел отдавать деньги. Сказал, что заплатит позже. Сказал, что вы поймете.

— Но ты ему не поверил?

Отрицательно качаю головой. А что, если дилер — один из хороших друзей Лонгвея? Половинка апельсина, что я съела прежде чем прийти сюда, крутанулась в животе.

Лонгвей показывает на пакет в моих влажных руках:

— И поэтому ты притащил это обратно? Просто так?

— Он хотел меня схватить, но я ударил его ножом. А потом сбежал.

Дей с резким звуком втягивает воздух. Его левая ступня постукивает по полу. Нервно. Точно так же, как бьется мое сердце.

— Это правда? — Лонгвей обращается не ко мне. Его темные глаза скользят мимо меня. Позади меня.

Мужчина в черном (моя неотступная тень) пожимает плечами:

— Он верещал как резаная свинья.

Главарь Братства смеется так сильно, что его трясет. Красный дракон на рукаве дрожит, словно вот-вот изрыгнет пламя. Он смеется, и я понимаю, что все слухи верны. Все.

Когда звук замирает, я осознаю, что наступила полнейшая тишина. Девушка в углу перестала тереть струны своего инструмента, а ступня Дея спокойно покоится на полу.

— Хотелось бы мне на это посмотреть. — Лонгвей вытирает уголок глаза. — Давай сюда пакет.

Я передаю ему брикет, держа его от себя как можно дальше. Он забирает наркотики и некоторое время их рассматривает.

— Все здесь, — говорит он. — Не удивлен, что это случилось. Он был новым клиентом. Другим он и раньше доставлял неприятности.

Из моих легких извергается несвежее дыхание. Смотрю на Дея, ожидая, что парень будет счастлив. По крайней мере, станет не таким зеленым.

— Значит это была проверка? — говорит Дей холодным голосом, но его ступня снова отбивает ритм. Быстрее, чем раньше.

— Более или менее, — равнодушно пожимает плечами Лонгвей. — Я искал хороших уличных мальчишек. Непросто найти таких курьеров, которым я мог бы доверять.

Но сегодня вы себя хорошо зарекомендовали. Как насчет того, чтобы работать только на меня и бегать для меня, выполняя... деликатные поручения? Я хорошо плачу. Каждый из вас получит свою долю. Во время этих забегов ему придется оставаться здесь. В качестве подстраховки, вы же понимаете.

Это странно, почти жутко, что Лонгвей думает, будто заложник сработает. Будто мы способны доверять друг другу. Гадаю, проделывал ли он что-то подобное с другими бродягами. Если он посмотрит на меня своими черными глазами, он просто, словно скальпелем, попадет в мою слабость. Мне нужна защита.

Молчу. Третье правило огнем горит в моих икрах. Все, чего я хочу, — бежать. Далеко-далеко от этого места с его вонючим дымом, грязными деньгами и страхом.

Раздается резкий щелчок — пальцы Лонгвея складываются вместе.

— Еще вина! И света! — кричит он через плечо.

Я уже было хотела отказаться, когда в комнату входит женщина. Подождите. Не женщина. Это девушка. На ее лице толстый слой макияжа. Как у той девушки в переулке. От ее вида: узкого красного платья и подноса в руках, у меня возникают ответы на ряд вопросов. Я вспоминаю, зачем я здесь.

Эта девушка. Я ее знаю. Она из моей провинции. С фермы, что за четыре ли к западу от нашей. Ее звали... зовут Инь Юй. Я видела ее лицо в заднее окошко грузовика, в котором увозили Мей Юи. И забрали ее той же ночью.

— Немного развлечений для плоти? — Лонгвей смеется еще пуще, пока в его бокал наливается вино. Оно отвратительно воняет — смесь алкоголя и сочной, сладкой сливы. — Здесь таких много. Если ты изволишь заплатить.

Отрицательно качаю головой. Эта девушка, Инь Юй, уходит. Ее шелковое платье вспыхивает красным, прежде чем раствориться в тени.

Если Инь Юй здесь, значит Мей Юи тоже. Не слишком много, за что можно зацепиться. Вообще-то, это ничто. Но сейчас, это единственное, что у меня есть.

Я должна принять предложение Лонгвея. Я должна продолжать поиск.

— Хорошо, — сухо говорю я, понимая, что пути назад не будет. — Я стану вашим курьером, если Дей согласится сидеть здесь.

Если он готов рисковать своей жизнью всякий раз, когда я выхожу на улицы. Если он думает, что готов мне довериться.

— Я посижу.

Видимо, готов. И доверяет.

Лонгвей даже не улыбается. Делает глоток вина, несколько капель которого проливаются ему на руку. Эти красные глубокие ручейки напоминают мне кровь торговца нефритом.

— Приходите завтра на закате. У меня для вас есть другая работа. Мой человек расплатится с вами у выхода, — говорит Лонгвей, махнув свободной рукой. Знак того, что нам пора уходить.

Мы идем за человеком Лонгвея к выходу, где он отдает нам оранжевый конверт, набитый наличными. Все двери по коридору до сих пор закрыты. Не могу не думать о том, что за одной из них может находиться моя сестра. Она ждет.

Мей Юи

Единственное окно находится в моей комнате. Странный проем, оставленный строителями во всем здании. Размером в шесть забытых ими шлакоблоков. Теперь отверстие состоит из стекла и металла. Окно прячется за ярко-алой занавеской, закрывающей вид. Там мало что можно увидеть. Даже сам переулок какой-то неправильный — просто щель между зданиями, которой пользуются дети и кошки. Призрачный свет, падающий сюда с главной улицы, ничего не может здесь изменить... его достаточно лишь для того, чтобы увидеть груды мусора.

Вид отвратительный — серость и гниль. Никогда не понимала, почему Синь так любит туда смотреть. В ранние утренние часы, когда наши клиенты где-то далеко, она сидела на моей кровати, откинув занавеску, и пялилась сквозь металлическую решетку. В ее глазах всегда была какая-то дымка, заставлявшая меня гадать, что именно видела Синь, глядя на то, что открывалось перед ней.

После двух дней, проведенных в одиночестве, когда стены начинают давить и душить, я убираю занавеску и смотрю в окно. Заплесневелый шлакоблок, обертки и разбитые бутылки из-под алкоголя. Таращусь на этот вид и пытаюсь разглядеть то, что видела Синь.

По другую сторону от окна что-то движется. Много мне не видно, только отражение решетки да моего собственного лица. Может, движение мне только привиделось.

Но потом дребезжит стекло. Ладонь, белая и ослепляющая, заполняет пространство, где только что было мое лицо.

Сердце вздрагивает так же сильно, как и стекло. Я моргаю, снова и снова, но рука не исчезает. Она все еще там — пять пальцев, словно испещренная паутиной, ладонь. Линии глубокие и запутанные, с легким налетом грязи.

Я не знаю, что мне делать: задернуть занавеску или позвать маму-сан. Но тут раздается голос, слишком сильный, чтобы столь тонкое стекло не могло его пропустить.

— Привет.

Облизываю губы, пытаюсь придумать, что же сказать.

— Кто... ты кто?

Ладонь исчезает, окно снова становится темным. А потом возникает лицо. Сначала просто следы, смесь теней и света. Они сталкиваются, чтобы явить человека по ту сторону стекла. Мои глаза постепенно привыкают к свету уличного фонаря.

Он молод. Даже сквозь толстовку я вижу его сильные руки. В районе живота нет ни единого утолщения. Он выглядит так, как должен выглядеть мужчина: действенным, готовым к борьбе. А не как разжиревший на пирогах и обленившийся из-за курева мужик.

А его глаза... такие ясные, как горная ночь. Они тяжело глядят на меня, заглядывают внутрь снаружи.

— Ты... ты одна из девушек Лонгвея, — наконец произносит он.

Киваю. Знаю, что парень меня видит. Было бы трудно не увидеть, поскольку сзади меня освещает множество бумажных фонарей.

Он молчит. Только смотрит на меня своим острым взглядом, из-за которого переворачиваются все мои внутренности. В животе что-то порхает. Никогда прежде такого со мной не случилось.

Не знаю, что сказать или о чем спросить. Мой разум — чистый лист. Все, что я слышу, — это капли воды: тик-тик-тик, что означает — где-то над нами идет дождь.

Мне вообще ни о чем не следует спрашивать. Если бы я была хорошей, примерной девочкой, я бы знала, что будет лучше, если я задерну занавеску. Забуду про юношу, лягу на кровать и буду рассматривать свои нарисованные звезды. И стану ждать, когда придет посол с новым букетом цветов.

Но дождь. Грязь. Его глаза. Порхание в животе. Вещи совершенно забытые и совершенно новые. Они держат меня на краю окна, заставляют оплести пальцами решетку.

— Как тебя зовут? — в конце концов спрашивает парень.

Мое имя. Мей Юи. Таким был выбор моей матери. Помню, она рассказывала мне, как стояла на улице, позволив раннему ночному ветерку трепать себе волосы. Ее лицо было повернуто к заходящему солнцу, словно целиком отлитому из золота. Было странно видеть ее так отчетливо. Дом, кухня, где она проводила почти все свое время, были темны.

Мы стояли вместе под желтеющими листьями дерева гинкго и наблюдали за тем, как горы окрашиваются фиолетовым и становятся рваными, словно хребет спящего дракона.

— Как же красиво, — сказала мама. — Как и ты.

Я почувствовала, как вспыхнули щеки, становясь цвета незрелых слив.

— Я знала, что ты вырастешь красавицей уже тогда, когда акушерка передала мне тебя на руки. — Ее голос срывается, будто она вот-вот заплачет. — Ты сделала мою жизнь яркой, новой. Поэтому я дала тебе такое имя. Мей Юи.

Мей Юи. Освежающая красота.

Не хочу говорить этому парню свое имя. Слишком многие его у меня украли, использовали так, как я никогда не ожидала. Вы так никогда и не поймете, насколько хрупкая вещь имя, пока его не используют в качестве оружия, не станут выкрикивать как проклятье.

— А тебя как зовут? — спрашиваю я через стекло.

Он игнорирует мой вопрос.

— Каково это — быть там?

Оглядываюсь на комнату. Ничего нового. Это я вижу каждый день, день за днем, день за днем. Кровать. Умывальник и жестяной горшок. Алые шторы и бумажные фонарики. Полка с позолоченным котом. Радуга моих шелковых платьев. Фиалки, уже увядшие. Умирающие лепестки, жухлые листья: единственное, что меняется.

Даже когда открыта дверь, мне нельзя уходить далеко. Только мой коридор и комнаты других девушек. Иногда общий зал, если дипломат захочет покурить и поболтать одновременно. Обычно он не хочет.

Это маленький мирок.

— А каково быть там? — спрашиваю я взамен.

Похоже, все, что нам друг от друга нужно, — это ответы.

— Холодно. Сыро, — говорит он.

На кончике носа юноши, словно кристальные божьи коровки, собрались бусинки дождя. Ловлю себя на том, что разглядываю эти блестящие и сверкающие в тусклом уличном свете капельки. Не могу припомнить, когда в последний раз ощущала на своей коже дождь.

— Твоя очередь, — кивает парень, и капли падают. Мерцают ярке вспышки. Словно звезды, при падении которых загадывают желание.

— Тепло. Накурено.

— Что еще?

— Твоя очередь, — настаиваю я.

— Что ты хочешь знать?

Что я хочу знать? Почему я все еще здесь, прижимаюсь лицом к прутьям решетки? Почему я мучаю себя, надеясь попробовать на вкус жизнь, которой у меня никогда не будет? Я должна отойти и задернуть занавеску.

Но парень... он смотрит на меня так, как не смотрел никто раньше. От этого взгляда мои щеки снова становятся сливового цвета. То, что прежде лишь порхало в животе, теперь горит огнем.

Что я хочу знать? Что Синь хотела знать? Снаружи. Никаких больше стен. Думаю о Джин Линь, высунувшейся в наше окно. Она такая голодная. Смотрит на звезды, желая их поймать и засунуть в рот. Прислоняясь к своему окну, я чувствую то же самое, у меня в груди гремит то же желание, то же грозовое облако.

— Что-нибудь, — говорю я. — Обо всем.

— Здесь много чего. — Парень хмурится и скрещивает руки на груди. На мгновение меня окутывает страх, что наша игра закончена, что он исчезнет в песне разбитых бутылок и раздавленных банок. — Может быть, мы заключим сделку?

— Сделку?

— Ага, сделку. Твоя информация в обмен на мою.

— Моя информация?

— Данные о борделе. Ты... видишься с ними? С Лонгвеем и остальными членами Братства?

— Иногда. — Во рту становится сухо — точно так же, как в грузовике Жнецов, когда они везли меня из провинции в город. То, что началось как игра, грозило превратиться в нечто опасное. Говорить о Братстве, делиться тем, что я видела... все это может очень плохо для меня закончиться.

— Никогда не заказывай креветки в палатке мистера Лау. Он слишком долго их хранит. Верный способ заболеть. Последний раз, когда я заказал так еду, не мог потом три дня есть вообще.

— Ч-что? — Мой язык все еще сух. Такое ощущение, что его еще и в узел завязали.

— Мы же заключили сделку, помнишь? — напоминает мне юноша. — Ты отвечаешь, я отвечаю.

— А. — Что-нибудь. Обо всем. У мистера Лау продаются испорченные креветки. Не такого я ожидала, но все же. Никогда не знала, что ларек с креветками так близко.

— Они проводят там свои встречи, да? — Его вопрос такой быстрый и настолько явный, что я внезапно понимаю: его появление у моего окна неслучайно. Все наши слова и паузы вели к этому: парню что-то здесь нужно. Что-то, до чего он не может добраться.

И я хочу знать, что это. Что ему может быть нужно в этом месте дыма и замков? В его глазах я вижу тот же огонек, что был в глазах Синь. Только она смотрела наружу, а он глядит внутрь.

Улавливаю металлический скрежет. Позади меня. У меня едва хватает времени сложить "дважды-два". Рывком задергиваю занавеску и прыгаю в кровать.

Сначала я вижу цветы. В дверь врывается десяток хризантем, за ними появляется посол. Он довольно крупный мужчина, от его поступи сотрясается комната. От его плаща пахнет влагой, но капель я не вижу. Вероятно, он пользовался зонтом.

Пульс все еще бешено скачет, когда посол подходит к кровати. У него в руках что-то есть: сверкающая золотистая коробочка с бантом. Посол кладет ее мне на колени.

— Я принес тебе шоколад. — У него расслабленный голос. Спокойный. Он напоминает мне, насколько я взволнованна.

Улыбаюсь и благодарю его. Медленно развязываю бант. Все, о чем я могу думать, — это окно за моей спиной. Там ли все еще парень, ждет ли меня? Огонь его глаз поселился у меня в животе. Молюсь всем богам, чтобы мои щеки не покраснели.

Все конфеты разные: не круглые, не квадратные. Они все странной формы, таких я прежде никогда не видела.

— Ракушки, — говорит посол, когда видит на моем лице недоумение. — Оттуда берутся моллюски и устрицы.

— Ракушки. — Провожу пальцем по краю одной из конфет. — Из моря?

— Да.

Вень Ки всегда любила рассказывать про море. Она могла болтать о нем часами. Как с восходом луны наступают приливы и отливы. Как в ветреные дни оно скрежещет, слово кошка. Как его воды, будто огонь, сверкают в лучах восходящего солнца. Мне всегда было тяжело представить, что в мире может быть так много воды. Синь говорила, что под ней даже могут располагаться горы (об этом она узнала много лет назад, когда училась в школе). Никто из нас ей не верил.

— А ты когда-нибудь был на море?

— Много раз, — улыбается он. — Я вырос на острове. Не мог никуда уехать, чтобы не пришлось пересекать воду.

Я знаю, что никогда не смогу представить такое количество воды, пока сама ее не увижу.

— Как думаешь, однажды ты сможешь свозить меня на море?

Улыбка исчезает.

— Это не очень хорошая идея.

Обычно я не стала бы давить дальше — я бы скромно и тихо замолчала. Как ему нравится, следовала бы правилам ведения разговора. Но мое сердце колотится и мурлычет после встречи у окна.

— Почему?

— Ты моя принцесса. Это башня из слоновой кости. Тебя нужно защищать. Люди снаружи... они нас не поймут. Для тебя же будет безопаснее, если ты останешься здесь.

Стены сделаны из шлакоблоков. А не из слоновой кости.

Не уверена, что тоже нас понимаю.

Но я недостаточно храбрая, чтобы сказать ему это.

Совершаем наш ритуал. Наш танец. К концу у меня начинают гореть щеки. На этот раз,

вместо того чтобы разглядывать звезды, я смотрю на окно и алые занавески. Думаю о ночи, что за ними. О темных и острых глазах того парня.

Возможно, не на шлакоблок и мусор так любила смотреть Синь. Может, это была возможность, осознание того, что вселенная не ограничивается опиумным дымом и распятыми потными мужиками. Там снаружи есть мир, со своими ресторанами креветок и тайнами разных знаменитостей. Место, где идет дождь, а красивые парни пачкают ладони. Место, где море простирается до небес.

15 дней

Дей

Окно было трудно найти, даже зная, где оно находится. Это заняло у меня добрый час времени. При этом нужно было успевать уворачиваться от того, что стекало из водосточных труб, и, нарезая круги вокруг борделя, стараться не попасться никому на глаза. Но я заметил кусочек алого цвета на другом конце переулка. Если найти окно было трудно, гораздо труднее было столкнуться с тем, что я за ним увидел.

Я не ожидал увидеть там девушку.

Город Тьмы. Так люди Сенг Нгой называют это место, когда мельком видят его из окон своих пентхаусов и офисов-небоскребов. Черная дыра трущоб и преступности в их сияющем городе. Мне кажется, что лучшее название для него — город Боли.

Страдание здесь на каждом шагу. Сидит на корточках внутри стальных мастерских и ткацких фабрик, где у своих станков по четырнадцать часов в день скрючены рабочие. Пробирается через коридоры обдолбанных проституток и юнцов с ножами, оставляющими шрамы. Таится вокруг столов, где пьяные мужики швыряются деньгами и проклинают своих неторопливых бойцовских голубей.

Обычно я не обращаю на это внимания, отвожу взгляд, ухожу прочь.

Но не в этот раз.

На самом деле я и не знал, чего ожидать. Да, проститутку. Но девушка за стеклом не была похожа на других уличных девок Хак-Нам, которые с налитыми кровью глазами зазывают в дверных проемах мужчин, стараясь привлечь их обнаженными плечами и тяжелыми веками. У этой девушки не было налитых кровью глаз, но они были полны. Полны и пусты одновременно. Когда она посмотрела на меня, я понял, что она вроде как молода, а вроде как уже и нет.

Навязчивость. Тоска. Голод... В ее глазах прутья решетки — это именно то, чем они и являются, — клетка. В ее глазах желание пробраться через решетку и вцепиться в мою грудь когтями, заставив болтать о пищевых отравлениях и второсортных морских продуктах. Они заставляют мои ладони потеть, словно те принадлежат влюбленному школьнику.

Глядя на эту девушку, я вижу себя. В стекло вставлены призраки Дея, они разбиты на куски, их сдерживают металлические прутья решетки. Душа хочет вырваться из ловушки.

Помимо какой-то жажды в ее глазах, я вижу, что она красива. Понимаю, почему Осаму ею увлекся: черные волосы, заплетенные в косу, перекинуты на плечо — словно ночь лежит на ее звездно-белой коже. Именно о такой девушке мы с братом шептались бы, в то время как служанка приносила нам воздушный рис и ругала нас, чтобы мы закончили уже делать свое домашнее задание. Именно такую девушку я бы пригласил в кино. Именно из-за такой девушки я бы играл в уличные головоломки, просто потому, что ей захотелось бы получить приз.

Но в Хак-Нам не показывают художественных фильмов. Здесь нет пластиковых котят,

кивающих головами. И я не собираюсь просить ее о свидании. Я хочу попросить ее шпионить за Братством. Чтобы найти то, чего я не могу найти.

Голод наживается на голоде.

Справится ли она? Этот вопрос я задаю, засовывая руки во влажные карманы и шагая по проклятым улицам Хак-Нам.

Не знаю. Я затеваю большую и азартную игру. Если все пойдет хуже некуда, у меня всегда есть запасная дверь, ведущая в бордель. До тех пор, пока Джин будет курьером. Я смогу вытянуть из девушки всю ключевую информацию и сбежать в самый подходящий момент. В лучшем случае — самоубийство.

Таков мой план Б. Плана С нет.

В большинстве магазинчиков темно, но в некоторых горит свет. Торговцы усердно трудятся. Часы на дальней стене пельменной говорят, что сейчас 3:15. Раннее утро. Если я не потороплюсь, пропущу свою встречу у старых Южных ворот, где мне нужно будет отчитаться, а он напомнит мне суровым голосом, что мое время истекает.

Бегу. Длинный шнурок моего капюшона бьет меня по груди, пока бегу по всему городу, перепрыгивая через скомканные одеяла, закрывающие спящих бродяг.

Старые Южные ворота — самый древний и большой вход в Крепость Хак-Нам. В дневные часы он похож на пчелиный улей, когда тысячи людей заходят внутрь и выходят наружу. Почтальоны тащат ранцы с конвертами. Торговцы катят груды фруктов на телегах или несут на собственных спинах. У некоторых корзины стоят даже на головах. Но в это время, между полночью и рассветом, здесь пусто и как-то заброшено. Это зев, открывающийся в мир за пределами города.

Мой связной уже здесь. Он прислонился к воротам, одной ногой стоя в Сенг Нгой, а другой — на краю Хак-Нам. В ночи его сигарета светится очень ярко, освещая лицо, будто вылитое из стали. Заметив меня, он отбрасывает окурок на землю и притаптыкает его туфлей.

По бокам от ворот стоят две пушки. Реликвии, оставшиеся с давних времен, когда Хак-Нам был еще фотом, а не логовом дракона. До того, как правительство бросило его на произвол судьбы. Пушки настолько покрыты ржавчиной, что выглядят как гигантские, рыдающие валуны. Это мои метки. Дохожу до них и останавливаюсь. Ни шага дальше.

— Ты опоздал, — говорит Цанг, когда я тихо подхожу к самой дальней пушке. Последний дымок от сигареты идет у него из ноздрей.

— Работал. — Дождь по-прежнему падает на пустынные улицы Сенг Нгой. Его потоки словно река, бегут сквозь старые Южные ворота, касаясь краев моих ботинок. Натягиваю капюшон на голову.

Мой связной не потрудился принести зонт. Он и сам промок насквозь, но это, похоже, его нисколько не волнует.

— Что насчет внедрения? Что-нибудь видел?

— Немного. Лонгвей держит меня на коротком поводке.

— Значит ты не видел? — спрашивает Цанг.

Я стискиваю зубы. На мне и так колоссальное давление и без его язвительных вопросов.

— Ах да, он все отдал мне сразу после того, как сделал массаж ступней. Принес на блюде с голубой каемочкой.

— Это не шутки, Дей, — рычит он. — На кону много вещей. Жизни. Карьеры.

По лицу Цанга без огонька сигареты сложно что-то прочесть. Мне это не нравится.

— Сомневаюсь, что в ближайшее время Лонгвей предоставит мне полную свободу действий внутри борделя. Если хотите знать планировку, спросите у посла Осаму. Черт, бьюсь об заклад, вы сами можете туда сходить и купить себе девочку.

— То, чем занимается посол за пределами этой границы, не твоё дело... ты не в том положении, чтобы пятнать его честь. — Мой связной достаёт из кармана блестящий портсигар. — Значит ты хочешь сказать, что не сможешь выполнить поручение?

— Нет, не хочу, — быстро отвечаю я. — Я нашёл другой путь. Девушка. Внутри.

— Одна из шлюх?

Шлюха. Никогда раньше это слово меня не беспокоило. Но по какой-то причине мои пальцы начинают выстукивать азбукой Морзе матерные слова.

— Да, одна из девушек Лонгвея.

Связной хмурится и засовывает сигарету в зубы. Другой рукой тянется за зажигалкой.

— Что ты ей успел рассказать?

— Ничего. Она знает только, что мне нужна информация о Братстве. Но она не знает, что именно и зачем, — объясняю я ему.

— Ты правда думаешь, что сумеешь её разговорить? Это очень рискованно. — Он три раза пытается зажечь огонь, чтобы прикурить сигарету.

— Ага. Ну, риск — дело благородное, о безопасности речь не идет, — язвлю я в ответ.

— Отлично. Это твоя задница на кону, — говорит он так, будто я об этом не знаю. Будто не думаю об этом каждую минуту. — Проверь её. Что-нибудь простое, чтобы убедиться, что с ней можно иметь дело. Что-то такое, о чем ты точно знаешь, что она не придумала.

— Я размышляю над этим. — Ненавижу, когда он говорит со мной, словно с тупым идиотом. Как будто это не я обучался в одной из самых лучших и дорогих школ Сент Нгои. — Но мне нужно как-то стимулировать её.

Всего в нескольких ярдах от нас пыхтит автобус. Мы с Цангом оба замираем, наблюдая за тем, как мимо проплывают яркие окна. Лица его единственных пассажиров — взъерошенного студента университета да иностранного туриста — прислонены к стеклу. Несколько драгоценных минут сна с открытыми ртами.

Цанг ждет, пока автобус не завернет за угол, потом говорит:

— Как, например?

— Вытащить её оттуда. В целости.

— Этого я гарантировать не могу. Шлюшки Лонгвея будут последней из наших проблем, когда начнется заварушка. Я и так уже перешел границу, когда дал тебе определенное обещание...

— Так что мне сказать этой девушке?

— Что хочешь, — смеется связной. Сигарета вздрагивает, в лужу под его ногами осыпается пепел. — Все что угодно, лишь бы она заговорила.

— Ты хочешь, чтобы я солгал? — Теперь у меня трясется вся рука. Мне приходится крепко сжать кулак, чтобы остановить дрожь.

— А что? Совесть проснулась? — ухмыляется Цанг. — У тебя, из всех людей...

Опускаю взгляд на речной поток под ногами, на мусор и грязь. На ботинке застыла апельсиновая корка, ужасно похожая на человеческое дерьмо.

Всего один шаг. Мой билет наружу.

Не должно быть так тяжело лгать. Не сейчас, после всего того, что я сделал за

последние два года. Не должно, но я думаю огорящих щеках девушки, тягучести ее голоса. Мои внутренности скручиваются, как крыса, пойманная за хвост.

— Тебе что-нибудь нужно? — спрашивает связной. — Пока я не ушел.

Что-нибудь. Всё. Вспоминаю голоса за стеклом окна девушки. Сразу после того, как она задернула алую занавеску. Ее голос звучал как у тех соловьев, что заперты в клетках, которые арендаторы держат под крышей. А у Осаму голос, как у эгоистичного ублюдка.

— Принеси мне ракушку, — говорю я. — Только хорошую.

— Перестань дурить меня.

— Нет, правда, мне нужна ракушка. — Мне нужно, чтобы девушка за решеткой мне доверяла. Я должен принести ей что-то, чего не может дать Осаму. Хочу, чтобы скручивающая боль в животе прошла.

— Что-то еще?

Качаю головой.

— Хорошо. Завтра в это же время. Я принесу тебе твою ракушку.

— Не забудь, — говорю я, даже не пытаюсь скрыть сарказм.

Мой связной сползает обратно в завесу дождя Сенг Нгои. Наблюдаю за ним до тех пор, пока единственное, что остается, — это кончик его зажженной сигареты. Смотрю в его сторону даже тогда, когда исчезает и он, впитывая каждый контур моего старого города. Широкие, кое-где мощенные, улицы. Целое стекло, вставленное в двери и окна. Неоновые вывески всевозможных цветов рекламируют все, начиная от танцев и выпивки и заканчивая драгоценностями и маникюром. Мусорные корзины стоят на каждом углу.

Я смотрю до тех пор, пока темнота улиц не заполняет мою грудь. Отталкиваюсь от пушки и возвращаюсь в туннели Хак-Нам. Дальше от дома.

Большинство магазинов уже открыты, готовятся к утренней суете. Запахи и шипение изливается из их дверных проемов, пробуждая рычание у меня в животе. Жареный рис, овощные роллы, разные сорта мяса, соленая лапша и чеснок. Торговцы криками приветствуют друг друга, одалживают ингредиенты, обмениваются блюдами. Многие из них кивают мне, когда я прохожу мимо, зазывая меня достоинствами своей еды.

— Похоже, тебе сегодня утром не помешает немного угля, Дей-ло!

Я всегда вздрагиваю, когда меня так называет. Имя очень близко к моему настоящему. Старший брат. Они не имеют в виду ничего плохого. Но это по-прежнему жалит, всегда жалит. Напоминает мне о том, кем я больше не являюсь.

— Сытная еда! — продолжает торговец. — Отлично для зимы!

— Не надо есть угля! — кричит торговец с другой стороны улицы, показывая на свою дымящуюся кастрюлю. — Тебе нужен змеиный суп. Для силы и хитрости!

Третий продавец смеется:

— На завтрак? Нет, Дей-ло! Тебе нужна рисовая каша и чай! Это приведет твоё пищеварение в полный порядок!

Хорошее пищеварение или нет, но сегодня утро для сдобы. Я решаю это сразу же, как только до меня доносится запах теста, свинины, сои, имбиря и меда. Этот аромат, словно золото, течет по воздуху. Вижу, как мистер Кунг достает из печи поднос с только что испеченными булочками ча суи бао.

Он понимающе улыбается:

— Три?

— Сегодня шесть. — Обычно я завтракаю в одиночестве. Каждый раз один. Но я

вспоминаю, что под фонариками борделя Джин выглядел как скелет. Ему нужна хорошая еда, а мне нужно, чтобы он быстро бегал, тогда клинок Лонгвея будет держаться подальше от моего горла. Плюс мне надо убедиться, что Куен не разорвал его в клочья.

Мистер Кунг соскребает с подноса шесть булочек и кладет их в бумажный пакет.

— Хорошего тебе дня, Дей-ло.

Я киваю, желая, чтобы его пожелания сбылись. Но у меня такое ощущение, что день пятнадцатый будет точно таким же, как и все остальные до него.

Джин Линь

В мое укрытие просачивается дождь. Все вокруг мокрое и трясется: мои зубы, пальцы рук и пальцы ног. Скидываю с себя одежду и пытаюсь не обращать внимание на дрожь. Повязки плотно прилегают к груди, защищая нож. Оранжевый конверт с моей долей.

Мяукает Кма, продираясь ко мне на колени. Он достаточно теплый, чтобы я перестала трястись. Накидываю одеяло на плечи и наблюдаю за тем, как изо рта вырываются облачка пара. Здесь, в темноте ночи, не могу не думать о торговце нефритовыми статуэтками. Было так много крови. Интересно, где он сейчас. Зашил ли какой-нибудь доктор рану, оставленную моим ножом. А что, если он истек кровью прямо там, на полу магазина?

"Или мы, или он", — говорю я себе. Я порезала ему руку ради двух жизней. Справедливая сделка.

Мы. Как давно я в последний раз использовала это слово? Я не произносила его с тех пор, как Жнецы стащили сестру с нашей бамбуковой циновки, а я смотрела на них и кричала. Хрупкое телосложение двенадцатилетней девочки было бессильно против стольких мужчин. Я не могла бороться. Не могла остановить их.

С тех пор была только я. Некому меня тормозить. Некому меня защищать. Некому меня предавать.

Но сейчас у меня не было выбора. Если я хочу продолжать поиски сестры, я должна работать с Деем. Это непростое решение, но оно не такое уж и плохое. Было бы просто замечательно поговорить с кем-нибудь, чей словарный запас несколько шире, чем простое "мяу".

* * *

Звук шагов вырывает меня из задумчивости. Все еще темно, но мое тело говорит о том, что я спала. У меня нет времени этому удивляться. Кто-то идет.

— Джин?

Мое сердце замедляет свой стремительный бег. Это всего лишь Дей. Снова.

— Что тебе нужно?

— Ты не переехал, — говорит он.

— Был слишком занят, — отвечаю я. И это абсолютная правда... я понимаю это сразу же, как слова вырываются наружу. Все потому, что Дея я не боюсь.

— Я был уверен, что здесь тебя уже нет.

В панике вспоминаю, что на мне нет одежды. Просто накидываю всю ее сверху, когда голова Дея появляется в прорези палатки.

— Не мог уснуть. Раздобыл нам завтрак.

Сквозь вонь под брезент пробиваются новые запахи. Замечательные запахи. Тесто и сладкое пряное мясо. Рот наполняется слюной. Внутри меня растягивается вечный голод.

Урчит.

Но с чего бы это Дею тратить заработанные тяжким трудом деньги на завтрак? Для меня? Я никогда и для себя-то еды не покупаю. Когда у меня появляются деньги, они уходят на брезент и ножи. Это мне воровать достаточно сложно.

— В чем подвох? — спрашиваю я.

— Никакого подвоха. — Дей пялится на мою куртку. Понимаю, что моя рука под ней тянется к ножу. Просто инстинкт. Вытаскиваю руку, оставляя клинок на месте. — Скажем так, просто благодарность за то, что я вырвался живым от Лонгвея.

— Ты знал, что ему нужны курьеры на постоянной основе?

Наблюдаю за тем, как Кма подкрадывается ближе к Дею. Запах мяса заставляет его протяжно и низко подвывать.

— Нет. Из его уст это прозвучало как разовая сделка. Я и понятия не имел, что это будет своего рода проверка. — Дей просовывает внутрь пакет с едой и машет им. Кма воет еще громче и тянется лапой к коричневой бумаге: "Моё-о-о-о-о". — А теперь, выходи. Пойдем съедем пару булочек.

— Пойдем куда?

— Вот ты со своими вопросами. — Он закатывает глаза, убирая голову прочь из моей палатки. — Идем, дождь уже закончился.

Некоторое время таращусь в прорезь. В темный холод. Мое тело ноет со сна. Под одеялом тепло, но булочек мне все же хочется больше.

Иду за Деєм до конца моего переулка, через закоулки и повороты из убогих лачуг. Мы поднимаемся все выше и выше — по ступенькам, через коридоры облупившейся краски и паучьей плесени, по лестницам через мосты из бамбука и проволоки. Я держусь от него на расстоянии, в любой момент готовая выхватить нож. Он ведет меня сквозь узкий проход к подножию ржавой лестницы. Когда я поднимаю взгляд вверх, у меня перехватывает дыхание. Там, на самой вершине, — ничего. Далекое, черное небо. Если присмотреться, то можно увидеть звезды. Они слабые, в каких-то сколах. Сломанные. У каждого созвездия, как настоящего, так и придуманного мной, есть недостающая часть. В подавляющем большинстве, разорванные присутствующим городом.

Следую за Деєм вверх по лестнице. К тому моменту, когда я добираюсь до крыши, уличный мальчишка уже далеко, машет мне через бельевые веревки. Лес из антенн. Когда он добирается до края, то усаживается на парапет, свесив ноги. Рядом с ним стоит бумажный пакет. Один толчок или порыв ветра, и он может отправиться навстречу смерти. Он либо невероятно храбр, либо безрассуден.

Не уверена, что именно.

— Садись, — бросает он через плечо.

Иду к нему. Сверкают огни Дальнего города — словно звезды упали на землю и вклинились в городские улицы и тротуары. Те звезды, за которыми мы с Мей Юи наблюдали. Некоторые небоскребы все еще освещены. Больше звезд, пытающихся вернуться домой. Вернуться в свои созвездия.

— Много воды утекло с тех пор, как я их видела в последний раз, — говорю я и сажусь рядом с ним. Дей тоже смотрит на звезды.

Воздух съеживается, когда Дей открывает пакет. Толчок в мой локоть заставляет меня подпрыгнуть. Это всего лишь Кма, трется носом о мой рукав. Понятия не имею, как он сюда пробрался, но это не впервые, когда он оказывается в самых немыслимых местах.

— Иногда я прихожу сюда, когда дела там, внизу, слишком запутываются. — Дей достает булочку и пододвигает пакет ближе ко мне. Я не колеблюсь. — Мне нравится порой вспоминать, что небо существует.

— Это мои любимые. — Показываю на скопление звезд, усевшееся на макушке одного из самых высоких зданий Сенг Нгои. — Они всегда напоминают мне о рисовых покосах.

Дей причудливо склоняет голову, прищурившись и разглядывая скопление звезд под совершенно новым углом.

— Уникальная точка взгляда на Кассиопею.

— Что это, Касипея? — С языка срывается какое-то уродливое слово. Уверена, что произнесла его неправильно.

— Кассиопея? Давным-давно она была королевой, в другой части мира. Говорят, она была красива и очень горделива. Слишком горделива. Она наговорила гадостей богам, за что была заключена на небе навечно.

Я снова поднимаю взгляд на звездное скопление, надеясь разглядеть в нем красивую королеву. Но на меня в ответ смотрит лишь изогнутый клинок. Мерцающие и тяжелые под солнцем. Может, он шутит надо мной.

Может. Но что-то в его словах заставляет меня ему верить. Заставляет меня запомнить. Кассиопея. Запихиваю это имя подальше. История, которая сопровождает звезды.

— Откуда ты это знаешь?

— Это... не имеет значения. — Парень тянется к булочке, но обнаруживает Кма, прижимающегося к его боку. Тот урчит, трется и всем своим видом просит кусочек. — Привет, кот.

— Его зовут Кма. — Разламываю свою булочку. Золотистый сок просачивается сквозь трещину в тесте. По руке бежит горячая струйка. Мясо все еще пышет жаром, обжигает язык. Откусываю кусочек теста.

— Кма. Откуда взялось это имя?

— Ты не единственный, у кого аллергия. Он много чихает. — Я бросаю немного хлеба в направлении Кма. Он по коленям Дея проделывает путь до прилетевшего куска. При чем шагает так, как могут это делать только кошки: полный невозмутимости и спокойствия. — Ну, ты понимаешь. Кма-кма!

Взгляд у парня становится почти такой же испепеляющий, как и у кота.

— Кма-кма? Не апчи? Не ачху?

— Звук чихания кошки отличается от человеческого!

— Ладно. — Он берет следующий кусочек булочки, но даже с набитым ртом ему не удастся спрятать свою ухмылку. — Тебе виднее.

— Клянусь, так оно и звучит, — бормочу я, вопросительно глядя на кота. Тот не только не собирается чихать, но вместо этого пытается отыскать еще какие-нибудь крошки.

Едим мы быстро. Каждый по три булочки. К концу трапезы мой живот почти полный. Поглаживаю его одной рукой, слизывая сок с пальцев другой. Кма подходит к пустому пакету. Залезает внутрь: голова, плечи, тело. Торчит только извивающийся хвост.

Прямо перед нами становится светлее. Звезд больше нет — осталась просто темнота. В время еды мы так долго сидели в тишине, что я даже забыла о присутствии Дея, забыла, что он сидит рядом. Что я не одна.

— Как ты здесь оказался? — Я подпрыгиваю, когда мой сосед заговаривает со мной. — Ты отличный вор. Не говоря уже о твоей сообразительности. Ты бы отлично прижился в

Сенг Нгои. Почему остаешься на территории Лонгвея?

Я никогда никому не рассказывала о сестре. Даже Кма. Слишком больно говорить о ней.

— Я пока еще не готов уйти отсюда. — На самом деле мне больше нечего ему сказать. Я не знаю ответов. Не знаю, где моя сестра. Не знаю, что буду делать, когда найду ее. Куда мы отправимся. Что будем есть. Как будем жить.

— А что насчет тебя? — спрашиваю я, засовывая свои переживания куда подальше. — Почему ты здесь?

Дей смотрит на Дальний город. Наступает рассвет. Он сияет между небоскребами мягкими, чистыми цветами: пурпур лепестков лотоса, бледно-розовый цвет язычка Кма и синий. Очень много синего.

— Мне больше некуда идти, — говорит он. У него в глазах плавает мечта, которую я увидела в первую нашу встречу. Она мерцает вместе с городскими огнями и солнечным светом. Тянется к небоскребам. За море.

— Ты выглядишь так, будто не нуждаешься в деньгах. — Смотрю на пакет, в котором зарылся Кма. Эти мягкие булочки недешевые. — Почему ты просто не уедешь?

— Все не так просто. — За его словами таится какая-то история. Интересно, связана ли она как-то с его шрамом. По какой причине он согласился рисковать своей жизнью, пока я бегая. Но я не могу спрашивать его об этом, не рискуя напороться на встречные вопросы. Мне не нужен ни этот парень со шрамами, ни его секреты, зарывающиеся в мою память.

Я не настолько сильно ему доверяю.

Над нашими головами пролетает аэроплан, проглатывая слова Дея пульсирующим грохотом. Горячий воздух от его моторов опускается вниз. Опадает нам на волосы. Скрежещет по спинам.

Дей сидит очень, очень близко к краю. Очень близко. Когда в нас ударяет ветер, мои пальцы взлетают. Хватаются за край его толстовки. Движение, основанное на скорости и инстинкте. По тем же причинам я всегда хватаюсь сразу за нож.

Самолет исчезает. Моя рука все еще зарыта в мякоть его толстовки. Дей до сих пор сидит на грани, но сидит твердо. Он смотрит на мою руку. Его лицо меняется: бледное, бледнеет, еще бледнее.

— Прости. — Отпускаю. Скрещиваю руки на груди. — Я... я подумал, что ты упадешь. Пытался не допустить этого.

Дей продолжает на меня смотреть. Точно так же, как смотрел, когда стоял напротив борделя Лонгвея. Его глаза сосредоточены на мне, но он меня не видит. Он видит что-то другое... кого-то... другого.

Потом он моргает. И мгновение нарушено.

— Нужно нечто большее, чем самолет, чтобы столкнуть меня вниз, — говорит парень. — Ты всех всегда пытаешься защитить?

Смотрю на свои руки — они такие белые после двух бессолнечных лет. Их покрывают шрамы. Блестящие линии и круги. Они написаны по всему моему телу кулаками отца. Эти рассказы он хотел написать и на Мей Юи. На моей матери. Я никогда ему не позволяла.

Вспоминаю о том, как нашла Кма — маленького трясущегося котенка, которым играла в футбол группа бродяг. Я была в меньшинстве. Четверо против одного. Но это было неважно.

Никогда немогла просто сидеть сложа руки и смотреть, когда что-то происходит. Без

борьбы.

— Это хорошо. — Дей не ждет моего ответа. Он вытащил руки из карманов, крепко ухватившись за выступ крыши. Костяшки пальцев выглядят так, словно он готов сорваться. — Мой брат был таким же.

— У тебя есть брат?

Он снова моргает. Как будто понял, о чем проговорился. Секрет.

— Его... больше нет.

Больше нет. Как и Мей Юи.

Может, у нас с Деем больше общего, чем я думала.

Солнце поднимается быстро. Напоминает мне, что мир — это не только серые трещины бетона. Его оранжевое пламя лижет здания. Охватывает мир огнем. Все вокруг нас, всего касается этот огонь. Так красиво.

— Я всегда хотел брата.

Не знаю, почему я это говорю. Может, это из-за булочек в моем животе. Или солнечного тепла на моей коже. Возможно, мне кажется, что я задолжала Дею свой секрет.

— Почему? — интересуется он.

— Потому что тогда жизнь была бы другой.

Мой нос не был бы кривым и сломанным. Моя мать бы улыбалась. Мой отец не продал бы Мей Юи ради того, чтобы у него были деньги на рисовую водку. У меня все еще была бы семья.

— Забавно, — говорит Дей. — Порой мне хочется того же. Только наоборот.

Не понимаю, что он имеет в виду, пока Дей не продолжает:

— Иногда... иногда мне бы хотелось, чтобы брата у меня не было. Потому что тогда моя жизнь сложилась бы иначе.

Некоторое время мы оба молчим. Оба таращимся на желтое солнце. Оба мечтаем о другой жизни.

— Вот так все сложилось. — Дей комкает пустой пакет, складывая его в шарик. Запускает далеко в воздух. — Вот так. Мы делаем то, что можем. Идем дальше. Выживаем.

Слежу за тем, как пакет летит вниз. Вниз, вниз, вниз. Пока не пропадает из вида, проглоченный улицами там, внизу.

Дей

Джин исчез. И его кот тоже. Их проглотил лабиринт переулков и лестниц Хак-Нам. Прочь со своим спальным местом.

Впервые я привел кого-то в место, где мне хорошо думается. Место, куда я прихожу, когда мне туго. Я сижу на краю Хак-Нам и потираю свой шрам. Круг за кругом.

"Не делай этого, Дей! Это не ты. Ты хороший человек". По ветру, заполняя пустое место, где раньше стояла палатка Джина, плывут последние слова моего брата. Еще один 747-ой разрывает небо. Он поднимает мне дыбом волосы и заполняет барабанные перепонки. Это все, что я слышу: молекулы расщепляемого воздуха кричат, разрываемые на части.

Я пытался изо всех сил освободить его, забыть о том, что между нами произошло, но призрак моего брата преследует меня. Он прокрадывается в мои будни через лицо Джина, через его эмоции. Парень даже на звезды смотрел с тем же выражением лица и блеском в глазах. Интересно, что сказал бы Джин про телескоп моего брата или про энциклопедию про звезды, где он по кусочкам читал звездные карты, когда мечтал: "Я стану космонавтом".

Брат всегда засиживался допоздна, босой выходил на балкон спальни и ворчал, когда я подбирался слишком близко к той информации, которую он узнал. Мне всегда было все равно, но некоторые вещи затягивали. Например, Кассиопея. Например, сожаление.

И то, как парень схватил меня за толстовку и пытался сделать так, чтобы я не упал, — точно так же той ночью схватил меня мой брат. Те же распахнутые глаза. Те же напряженные пальцы.

Голос брата кружится, дотягивается, царапается. Пытается снова меня остановить.

"Не делай этого, Дей!".

— Убирайся из моей головы! — кричу я своим воспоминаниям. Куда лучше, когда на меня накатывает амнезия и я ничего не помню.

Вместо этого я думаю о мальчишке. Часть меня хочет, чтобы я никогда его сюда не приводил. Никогда не приносил ему завтрак. Мой адски рискованный план было бы гораздо проще воплотить, если бы люди, которые мне помогают, были для меня просто пешками на доске. Полированные фигурки без лиц. Не голодающий мальчишка и не запертая девушка, красивые глазки которой заставляют сжиматься все мои внутренности. Показывают мне кусочки меня самого.

Голод наживается на голоде.

"Это не ты".

Мертвые не спят спокойно. Прямо как я.

Закрываю глаза, ощущая, как ветер хлещет мне в лицо историями, поселившимися в этих гниющих зданиях. Я не вижу долгого падения, находящегося лишь у кончиков моих ног. Не вижу небоскребов, колющих небо.

"Ты хороший человек".

Хотелось бы мне, чтобы брат был прав.

Но это не так. И сейчас, вместо того чтобы грезить о танцах в невесомости лунной поверхности, он лежит в шести футах подо мной. Разбит вдребезги, сломан, как и все то, что я оставил позади.

14 дней

Мей Юи

После визита посла моя жизнь течет совершенно тихо. Дверь заперта, Инь Юй единственный человек, которого я вижу. Каждый день она приходит убираться в моей комнате, собирает грязную одежду, развешивает в гардеробе чистую. Она приносит хоть что-нибудь: вышивку, липкие рисовые сладости, сплетни от других девушек. Вещи, способные скрасить утомительные часы бесконечности.

— Сколько еще? — спрашиваю я ее. Уже неважно, сделаны стены мои из шлакоблоков или из слоновой кости, они давят сильнее, чем я могу вынести. — Мама-сан что-нибудь говорила?

Глаза Инь Юй скользят к двери. Она не должна со мной разговаривать.

— Я не знаю. У нее все еще видны синяки там, где хозяин ее ударил.

У мамы-сан все еще не сошли синяки. Как много времени прошло с момента удара? Недели? Месяцы? Или всего лишь дни?

— Это не может продолжаться еще дольше, — говорю я не подумав.

Инь Юй подходит ближе к моей кровати, притворяясь, что расправляет складки на покрывале и раскладывает декоративные подушки.

— Пару минут назад я была у Синь. Все плохо Мей Юи. Действительно плохо. Они

продолжают ее колоть...

На последнем предложении ее голос обрывается. В нем слышатся слезы.

Когда Инь Юй уходит, отодвигаю занавеску и смотрю сквозь стекло. Там темно. Там всегда темно. Сажусь и смотрю на свое отражение до тех пор, пока не темнеет в глазах.

Юноша ко мне больше не приходил. Спустя день я попыталась составить список причин, почему он не пришел туда, за стекло. Его могли пырнуть ножом. Он мог просто обо мне забыть.

Я старалась его забыть. Но его лицо там, стоит лишь закрыть глаза. Оно ясное и четкое, словно вот оно, прямо за окном. От глубины его глаз в животе и груди все сжимается. Так непохоже на то, когда смотрит посол. Их взгляды отличаются так же, как рисовая водка от воды. Я чувствую опьянение от одной только мысли о нем.

Но я видела, на что способно опьянение. Я смывала кровь с Джин Линг после того, как отец избивал ее. Видела, как кровь Синь высыхает на ее коже после опьянения свободой.

Что до меня, то будет лучше тонуть в воде.

* * *

Кап, кап.

Вот она я, обернутая в простыни и ночь. По окну стучит. Шепот на хрупком языке стекла.

Кап, кап. Кап, кап.

Пытаюсь поспать. Мой мозг затуманен, в нем сплетаются сны, в которых я заплетаю длинные красивые волосы Джин Линг в косу. Не могу понять, настоящий ли звук или мне настолько хочется, чтобы он таковым был, что серое вещество создает фантомы.

Но когда отдергиваю занавеску, встречаюсь с теми самыми глазами.

— Вот и ты, — говорит парень.

Мой нос прижимается к металлу, когда я рвусь вперед. Я даже не осознавала, насколько близко к ним была.

— Я думала, ты больше не придешь.

— Я был занят... кое-чем, — открывается его рот.

— Ты выглядишь уставшим. — Не понимаю, что заставляет меня это сказать. Но это правда. Вокруг его глаз и на острых скулах залегли тени. Этого я бы точно никогда не сказала послу. Может быть, все из-за безопасности, которая ощущается от наличия стекла и прутьев решетки. Или же из-за углей, что жгут мне грудь. — Ты же больше не ел креветки мистера Лау?

Парень моргает, словно его веки тасуют мои слова, а сам он пытается понять их своим усталым разумом.

— Нет, никаких креветок. — Натянутые губы — полуулыбка, потом он продолжает: — Спал совсем мало. Прошлое настигает меня слишком быстро. За последние два года мне едва удавалось подремать.

— А я этим здесь занимаюсь постоянно.

Порой я сплю так много, что даже просыпаюсь уставшей. Но лучше спать, чем постоянно пятиться на дверь. И ждать.

— Печально, что мы не можем поменяться. Лонгвей дает тебе мало свободы, да?

Лонгвей. От звука хозяйского имени меня корбит. Напоминает о том, что парень здесь

вовсе не для того, чтобы поболтать. Что он не просто так пришел поглазеть на меня сквозь прутья решетки своими темными глазами, от которых все мои внутренности горят огнем. Ему что-то нужно.

— В прошлый раз, когда ты был здесь, ты спрашивал насчет Братства. Зачем?

Я думала об этом так же много, как и о нем. Неважно, насколько сильно я этими мыслями растянула свое сознание, я не могу даже представить, что ему нужно. И зачем.

Он молчит, взвешивая мой вопрос, словно драгоценные специи. Просеивает и отделяет кусочки, на которые ответит. Я прилагаю все усилия, чтобы не отвлекаться на его ресницы. С капельками дождя на них, они выглядят очень красиво.

— Я кое-что тебе принес, — наконец говорит он. — С той стороны.

Его рука движется так быстро, что я не задумываясь отрываюсь от окна. Но все, что я увидела, — разжатый кулак и что-то лежит на ладони. В его руке покоится идеального кремового оттенка ракушка с точно с такими же спиральками, что были на конфетах. В его руке она выглядит иначе: твердая и хрупкая одновременно.

— Я не долго ждал, — быстро говорит парень, — но, прежде чем ушел, успел услышать, что тебе нравятся ракушки.

Посол подарил мне много подарков: шелковые платки, конфеты ручной работы, драгоценности, которые сверкали как кошачьи глаза. Очень щедро, весьма экстравагантно. Многое стоит больше, чем мой отец мог заработать за год. Но не из-за одного из подарков в моем горле не встает ком, как из-за этой простенькой ракушки.

— Она... — замолкаю сразу, как только начинаю говорить. Так много слов способны заполнить пустоту: красивая, безупречная, идеальная. Точно такая же, как все те желания, что у меня в душе. Не могу выбрать только одно.

Парень меня не торопит. Его ладони разворачиваются, бережно кладя ракушку на подоконник.

— Она называется "наутилус".

"Наутилус". Слово кажется таким смешным. Очень хочется произнести его вслух, но мое горло все еще сведено судорогой, словно соломы внутрь напихали.

— Я спросил насчет Братства, потому что у них есть кое-что, что мне нужно. Полагаю, твоя информация поможет мне это получить.

Поднимаю взгляд от ракушки на юношу.

— Что?

— Думаю... для нас обоих будет лучше, если я тебе не скажу.

И снова в голове звучит голос послушной, примерной Мей Юи, говорящий мне, что нужно отступить. Позволить алой занавеске упасть на место. Ждать, всегда ждать и перестраховываться. Но это окно будто магнит. Не могу отвести взгляд от морской раковины, от того, как пальцы юноши повторяют ее изгибы. Дождь закончился, но у него под ногтями все равно видна грязь.

Страх силен, но мое любопытство сильнее.

— Что ты хочешь знать?

— Много чего. Начнем с простого. Имена.

То, что прежде казалось легким и воздушным, теперь тяжелой гирей повисает у меня в груди. Эту информацию, на самом деле, мне нужно узнать...

— Чьи имена?

— Главарей Лонгвея. Верхушки Братства. Мне нужны их имена, — объясняет парень.

Даже когда меня не запирали в комнате, я никогда не видела многого. Мне никогда не разрешалось присутствовать на встречах Братства, которые они проводили два раза в неделю и на которых решали свои дела, выпивая огромное количество сливового вина.

Но если я скажу об этом своему посетителю, он просто исчезнет в долине мусора. И я его никогда больше не увижу. Возможно, он даже заберет у меня ракушку.

У меня внутри все разделилось надвое: огонь и страх. Я играю с огнем — мои пальцы болят от холода, что за стеклом.

Имена. Вот что парень желает знать. Просто слоги, нанизанные друг на друга, словно веточки трав, что оставили сушиться на стропилах. Звуки, способные выделить лица из толпы. Но почему-то это кажется чем-то большим. Чем-то более опасным.

— Почему я должна тебе помогать? — Стараюсь, чтобы мой голос звучал так же, как у сестры, когда она нос к носу сталкивалась с нашим местным хулиганьем.

Но этот не из таких. Он снова тщательно взвешивает мой вопрос, его рука крепче сжимает ракушку.

— Я смогу вытащить тебя оттуда. — Его слова проникают через стекло, впиваясь в мою кожу, словно слова пророчества старого мудреца. Манят и бодрят, но совершенно невозможны. Наружу. Прочь. Под звезды и дождь. Оставив грязь позади. За пределы этих стен.

Выхода нет. Выхода нет. Выхода нет.

Или он там?

И в этот момент, когда я смотрю на ракушку, все становится возможным.

— Они встречаются дважды в неделю. Каждые три-четыре дня, — говорю я. Я не уверена насчет дней. Они все сливаются в один, поскольку мы всегда работаем. — Их около десяти.

— И как их зовут?

— Я не знаю. Но если я решу тебе их назвать, мне потребуется время, чтобы пробраться на их встречи.

Он хмурится. Но даже так он выглядит красавчиком.

— У меня мало времени. Я дам тебе четыре дня.

Четыре. Он произносит это число с таким выражением, словно кто-то сдирает ему ногти. Я испытываю то же самое, но по другой причине. Четыре дня. Это совсем ничего. Мама-сан может держать мою дверь зарытой долгие месяцы. Любое мое обещание ничего стоит. Как и это.

— Я... попытаюсь.

— Надеюсь на это, — говорит он и отпускает морскую раковину. Та едва помещается на краю, но парень нашел отличный баланс. Там она и останется, в нескольких дюймах от стекла. Если бы стекло было выбито, я могла бы дотянуться и дотронуться до нее.

— Если будет небезопасно, я положу на окно цветок.

— Я вернусь.

— Подожди... — зову я, но парень и так не двигается. Он сидит неподвижно за стеклом совсем рядом, только руку протяни. — Я рассказала тебе о том, когда проходят их встречи. Расскажи и ты мне что-нибудь. Пожалуйста.

Глаза парня скользят к ракушке, напоминая, что он ничего мне не должен. Совсем ничего. Но его слова... он и не знает, как сильно я за них зацепилась... как я проводила долгие часы, представляя мистера Лау, склоненного над ведром испорченных креветок,

сдирающего с них панцири мозолистыми и умелыми руками.

Мне нужно больше.

— Вчера я наблюдал, как всходит солнце, — говорит он мне. — В течение двух лет я страдал бессонницей, и это было впервые, когда я решился подняться наверх и встретить там рассвет.

— Какой он? — Мой голос обрывается, он голоден до цвета и света, до всего, чего у меня нет. Всего того, что видел этот парень.

Но он не рассказывает мне о том, как розовый восход расползается по небесным щекам. Или о том, какими яркими становятся облака.

— Красиво, — вместо этого говорит он. Его голос звучит туманно и неопределенно. — Грустно. Мне захотелось быть где-то еще. Кем-то еще.

Я жду, что он продолжит, но он молчит. Он дал мне все, что мог.

— Мне кажется, все этого хотят. — Я знаю, что я точно хочу.

Он по-прежнему смотрит на ракушку. Уголки его губ натянуты. Я просто хочу, чтобы он улыбнулся. Чтобы годы, напряжение и бессонные ночи собрались в кучу и пропали напрочь.

— Я рада, что ты здесь, — говорю я. — Рада, что это ты.

Его губы изгибаются еще больше. Это не улыбка, но и не гримаса.

— Мне нужно идти. Вернусь через четыре дня.

Он отворачивается. Возвращаю занавеску на место и смотрю на цветочную вазу, которая, словно одинокий солдатик, стоит на страже у двери. Цветы сморщились, пытаюсь отбиваться от смерти, что поселилась у них на краях.

Стоит добавить им воды.

Дей

Ухожу не сразу. Не то чтобы мне нужно идти, просто надо убраться от опасных чувств, противоречивых слов. Вместо этого я стою и пялюсь на ракушку. Безупречная вещь. Почти идеальная. Когда я был чуть помладше, а летние дни тянулись довольно долго, моя мама с Эмио возили нас на берег, чтобы искать ракушки. Мое пластиковое ведро всегда было заполнено до самых краев устрицами и пустыми ракушками, где раньше жили крабы. То, что Эмио всегда выбрасывала, когда мы возвращались домой.

Я никогда не находил ничего совершенного, похожего на эту ракушку.

Мне становится интересно, где Цанг ее раздобыл. Он не удивил меня, как это бывает во время прогулки, когда ты идешь по берегу, закатав штаны. Кроме того, я не уверен, что наутилусы вообще обитают в этих краях (мой брат знал бы наверняка; он почерпнул бы это из любимой энциклопедии, во время своего: "я очень люблю дельфинов и хочу стать морским биологом"). Цанг, вероятно, купил ее в какой-нибудь сувенирной лавке в Сэнг Нгои или в ночном ларьке.

Скорее всего она была сделана на каком-нибудь синтетическом заводе. Вероятно, ракушка даже не настоящая. Такая же гламурная, фальшивая, пустая, как и мои обещания.

Внутренности скручиваются, и на мгновение мне хочется снова постучать в окно. Я хочу посмотреть сквозь решетку и сказать девушке, что все это ошибка. Я не могу обещать ей свободу. Я даже себя не могу освободить.

Но не стучу. Может быть, потому, что мне кажется: у меня получится. Что, несмотря ни на что, несмотря на всех людей Лонгвея и их пушки, я смогу ее оттуда вытащить. Заполнить пустоту ее глаз. И своих тоже.

"Красиво. Грустно. Мне захотелось быть где-то еще. Кем-то еще".

Говорил ли я на самом деле о том, как наблюдал за рассветом, или говорил о ней? Я не уверен.

Но о чем бы ни шла речь, это была правда.

Вот так оно и есть: я плохой человек. Эгоистичный ублюдок, которому что-то нужно, и он это берет, оставляя ее позади всего лишь с безделушками. Прямо как Осаму.

"Я рада, что ты здесь. Рада, что это ты".

Слова солью сыпятся на рану. Жалят, словно непристойная брань. Если у девушки есть хоть толика здравого смысла, она забудет про имена. Забудет обо мне. Маленькая часть меня (частичка Дея, которой очень хотелось встретиться с девушкой в другой жизни, частичка Дея, которой не видно в отражении) желает, чтобы она забыла.

Засовываю руки в карманы, где они сжимаются в кулаки.

Ухожу.

13 дней

Джин Линь

Последующие несколько забегов проходят довольно гладко. В Дальнем городе не так много мест, где можно спрятаться в тени, и я понимаю — нужно пользоваться той же тактикой, что и здесь. Никакого шума. Ходи, втянув голову в плечи. Держись рядом со стенами зданий. Делай все именно так, и никто тебя не заметит. Даже полиция, которая нарезает круги вокруг Крепости. Стервятники с наручниками и пистолетами.

Инь Юй я больше не видела. Но есть и другие девушки с плотным макияжем и вымученными улыбками. Всякий раз, когда одна из них заходит в зал, мое сердце вздрагивает. Каждый раз мне кажется, что это Мей Юи. Но я смотрю и понимаю, что это другая безымянная девушка. Другая, а не она.

Каждый раз я смотрю. Каждый раз я надеюсь. И не останавлиюсь, пока не найду сестру.

Не доходя до своей аллеи, встречаю Кма. В животе все еще разливается тепло от тыквенной каши, которую принес Дей. Мне кажется странным, что он так свободно обращается с деньгами, но для него, похоже, это нормально. На крышу мы больше не возвращались. После каждого забега, он ведет меня куда-нибудь в другое место. Сегодня мы сидели напротив витрины магазина миссис Пак. Наблюдали за тем, как она сбивает рисовую лапшу в длинные тонкие пряди и учит этому же свою дочь. Мы ели в тишине и в темноте, расположившись так, что было видно кусочек телевизора, где показывали мультик: кот и мышь гонялись друг за другом. Кот был просто ужасным охотником. Не то что Кма. Он позволил мышонку пробежать у себя между ног и по спине. Детишки хохотали, показывая пальцами на экран и жуя рисовые лепешки. Я тоже не могла удержаться от смеха. Представляю, насколько голодным был кот и как бы быстро он пропал в реальной жизни.

Что-то в том, как двигается мой собственный кот, заставляет меня замедлить шаг. Он прыгает передо мной, сердито порывая. Его глаза светятся в темноте. Энергичные и широко распахнутые. Вся шерсть на загривке стоит дыбом.

Осматриваюсь, но ничего не вижу. Лишь скомканный полиэтиленовый пакет катится по улице. Пролетает мимо расписанных аэрозолем стен. Эти надписи никто не сушил, пока писал, и они все в подтеках. Смотрится так, словно стены плачут.

Подхожу ближе ко входу в свой переулок. Кма так сильно путается у меня под ногами, что я чуть не падаю. Снова рычит. Это не мое мяуканье, а нечто более настойчивое. Больше зубов и шипения.

Что-то не так. Он никогда себя так не ведет.

Мои пальцы крепче сжимаются вокруг рукояти ножа.

"Не бойся, — говорю я себе. — Ничего страшного. Скорее всего, просто крыса-переросток".

Как только я заворачиваю за угол, понимаю, что была права.

Мой лагерь лежит в руинах. Брезент весь порван. Его потрепанные кусочки валяются по всему переулку. Разрезы по краям рваные, но чистые. Их оставил нож.

Мое одеяло. Половинка растаявшего шоколадного батончика, которым угостил меня Дей. Книга, по которой я изо всех сил пыталась учиться. Дырявые тапочки, которыми я зацепилась за крыльцо. Мой спичечный коробок. Ничего этого нет.

Ветер задувает в угол, где я стою, кусочки брезента. От ярости и холода меня трясет. Глубокий вздох напоминает мне о конверте, что покоится на груди. Ничего из того, что я потеряла, не было важным. Деньги и нож при мне. И Кма со мной.

— Отличные у тебя ботинки.

Резко оборачиваюсь. Костяшки пальцев побелели на рукояти.

У входа в переулок стоит Куен. Его мускулистое тело закрывает весь свет от уличного фонаря. Он стоит сам по себе, но я знаю, что он не один. Куен никогда не бывает один.

Мои ноги начинают медленно, но верно отступать.

— Они мне оченьгодились. — Ненавижу себя за то, что голос дрожит. Куен плотоядно смотрит на мое тонкое тело, сосредоточившись на узких плечах. Он не обращает внимания на то, куда ведут меня мои ноги. — Хочешь их вернуть?

Улыбка на его губах искривляется. Становится уродливой.

— Ты, Джин, был всегда просто занозой в моей заднице. С самого начала, как появился из Дальнего города. Похоже, пришло время решить эту проблему.

Позади Куена собираются тени. Сначала головы, потом тела. Другие, чуть менее поворотливые парни. Они закрывают путь из переулка. Убеждаются, что я не сбегу. Бег — это моя сильная сторона. Все об этом знают. Куен все это спланировал — хоть раз воспользовался мозгами.

Рука Куена ползет на бедро, где, я уверена, висит нож, такой же острый, как у меня. Нет сомнений, он сильнее меня. Все мальчишки сильнее.

Считаю свои шаги. Три. Пять. Восемь. От каждого моего шага губы Куена изгибаются все сильнее, улыбка становится шире. Становится видно все больше зубов. Они острые и желтые. Слишком много для его рта.

Десять шагов. Замираю, мочи икры напрягаются и становятся словно скалы. Молюсь всем богам, что я все сосчитала правильно. Стоит поднять взгляд, и Куен все поймет.

Приседаю на корточки. Потом со всей силы, вложив всю энергию в крик и бедра, подпрыгиваю вверх.

Раньше я тренировалась, когда душные летние ночи не давали мне сна. Но я всегда знала, где нужно хвататься. Точное место на выступающей жестяной крыше, куда цеплялись мои пальцы. Потом подтягивали, дюйм за дюймом, больно, но к безопасности. Но тогда я могла смотреть, куда прыгать. И не было рядом никакого парня и его армии с ножами.

Но бог со своими духами, должно быть, приглядывал за мной этой ночью, потому что каким-то образом мои руки нашли ржавый металл. Пальцы схватились за его край. Тянут.

Такие ощущения у меня возникают, когда я бегу: словно я больше не нахожусь в своем теле. Некая дикарка делает то, что я не могу. Она перепрыгивает через десятифутовые провалы и спрыгивает в наполовину заполненный мусорный контейнер с третьего этажа.

Она может протиснуться в пространство, куда по определению невозможно залезть. А еще она может подтянуть свой собственный вес на косую крышу только при помощи рук.

Слышу, как Куен, громко ругаясь, рванул вперед. Мое тело содрогается. Дергаться под таким весом тяжело. Оглядываюсь через плечо и вижу Куена, он с красным, как свекла, лицом отплеывается и хватает меня за правую ногу.

Зрелище настолько ужасающее, что я готова отцепить руки, но дикарка во мне крепче хватается за крышу. Она поднимает свободную ногу. Подносит ее к лицу Куена и с хрустом опускает вниз. Если бы на мне не было этих ботинок, я бы даже не смогла сломать ему нос.

Бродяга отпускает меня, воя от боли. Я не задерживаюсь, чтобы посмотреть на его лицо, которое заливают алая кровь. Другой мальчишка из банды Куена совсем рядом, но он замирает от воплей своего главаря. Они не будут стоять вечно. И они, напоминает мне дикарка, все еще могут подняться.

Затаскиваю себя на гофрированный металл. Взбираюсь настолько быстро, насколько могу. По какой-то причине эта часть крыши с другими не соединена. Она совершенно всеми забыта и одинока. Металлический остров в море шлакоблочных стен. Я высоко от земли, но все еще в ловушке.

— Фзять его! — задыхается Куен, его лицо разбито и все в крови. — Кто-нибудь, фзять его, че'гт побе'ги!

Железо вокруг меня вздрагивает, когда первый мальчишка начинает карабкаться ко мне. Он меньше, чем все остальные, даже тоньше меня. Сплошная кожа да кости. Один из парней покрупнее подсаживает его, чтобы он мог дотянуться до крыши.

Встаю близко к краю, откуда могу их сталкивать. Держу их как можно дальше, размахивая своим ножом. Смотрю на мальчишку, сверкая лезвием. Он медлит, его ступни все еще упираются в плечи товарища.

— Бон, тащи свою задницу вверх! — каркает один из парней.

Бон. Мне знакомо это имя. Приглядываюсь пристальнее и понимаю, что знаю мальчишку. В последний раз, когда я его видела, он был совсем ребенком. Малышом. Не старше шести-семи лет. Тощий. Едва осиротевший. Молил о горстке риса на углу улицы. Он выглядел таким жалким, что я отдала ему один из мангустинов, которые сперла с какого-то жертвенного алтаря.

Почти ничего не изменилось. Он все такой же тощий. Огромное расстояние от еды до ярких глаз, острых ребер. И лицо его все такое же: вымазанное в грязи, испуганное.

Но сейчас он — часть банды Куена. Сейчас он опасен.

Вместо того чтобы угощать его помятыми фруктами, я должна буду заколоть его, если он продолжит лезть на крышу. Я этого не хочу. Я хочу, чтобы он отошел от края крыши. Я хочу, чтобы он спрыгнул на землю и ушел.

Твердо на него смотрю и качаю головой. Не делай этого. Не делай.

На краткий миг мне кажется, что мои мольбы услышаны. Бон повисает на своих костлявых ручках с гипертрофированными суставами. Выглядит так, словно хочет упасть. Но остальные внизу продолжают его подначивать. Их вопли сливаются в ужасающую песню. Это угроза и отвага всей стаи. Бон прислушивается, впитывает в себя, облизывая губы. И начинает подтягиваться.

Я должна ударить его ножом. Убить парнишку, которого однажды пыталась спасти. Мне так жаль, я так напугана. Но та, что во мне, не ждет. Она крепче сжимает оружие и выбрасывает руку вперед. Готова к удару.

Раздается такой громкий звук, что я едва не выпускаю из рук свой нож.

Стая одним сплошным порывом отшатывается от меня. Бон сжимает жестяной край, от страха его лицо белое как снег. Единственный, кто не двигается, это Куен. Его руки все еще прижаты к кровавому месиву в районе носа.

Смотрю в сторону источника зубодробильного звука. В переулке стоит Дей, его рука поднята так, чтобы всем был виден револьвер. Он направлен прямо в переулок. Банда Куена вжимается в стену. Их ноги топчут то, что осталось от моего лагеря.

— У меня есть пуля для каждого из вас, несмотря на то, что одну я уже истратил. — Он смотрит прямо на Куена. — Думается, будет лучше, если вы уйдете. Немедленно.

— Эдо не двоего ума дедо! — яростно сквозь слезы кричит вожак своей стаи. — Эдо он ук'гад у медя....

— Это как раз мое дело, Куен, — холодно и резко говорит Дей, перебивая его. Его голос похож на лезвие бритвы. — Поверь мне. Я буду стрелять, если ты не уберешься оттуда.

Куен ускользает прочь. Его локоть, словно сломанное птичье крыло, рассекает воздух, он все пытается остановить кровь. Его дружки обходят Дея по широкой дуге и исчезают вниз по улице. Бон последним покидает переулок. Он мчится, словно стрекоза.

Рука с ножом дрожит от возможных последствий того, что случилось бы, не появившись Дей. Я рада, очень рада, что мне не пришлось бить Бона. Но эта радость короткая. Куен еще не закончил со мной. Границы города слишком невелики, чтобы говорить о том, что я с ним больше никогда не встречусь. Очень скоро встречусь.

Дей стоит, оглядывая улицу. Он крепко вцепился в свое оружие, даже костяшки побелели. Его руки тоже трясутся.

— Ты как, нормально? — Когда он поднимает взгляд, я понимаю, что все еще стою на самом краю тонкого жестяного листа. Медленно отступаю. Проверяю каждую конечность на предмет, не болит ли что. В складках ладони таится яркая красная линия. Должно быть, я порезалась, пока висела на краю.

— Я в порядке.

Вытираю кровь о куртку. Еще один мазок. Еще один шрам.

Дей перешел в самый центр переулка. Тычет носком распотрошённую тушу палатки. Мое горло сжимается, когда я вижу, что пистолет все еще у него в руке.

— Что ты здесь делаешь? Следил за мной?

— Просто проверяю, как ты.

Дей выглядывает из-под завалов. Его глаза такие темные, словно деготь. Позади них вихрями закручивается адреналин. Что-то вроде ужаса и... печали?

— Поглядите-ка, и кто же у нас теперь весь такой из себя защитник. — Засовываю нож за перевязь. Скрещиваю руки на груди. — Я бы и сам отлично справился!

— Да неужели? — Он смотрит на одиночную крышу. Что-то болезненное проступает на его лице. Потрясение. — План был хорош. Но я не уверен, как долго ты бы там продержался.

Сглатываю, когда он засовывает револьвер в карман джинсов. Тот исчезает. Остов опасности и могущества похоронен под джинсовой тканью. Никогда бы не догадалась, что Дей там прячет. По этим улицам плавают много оружия, но никогда оно не принадлежало бродягам. Оружие дорого. Его невозможно украсть. Обычно только пальцы членов Братства нажимают на курок.

Не может быть, чтобы Дей был из Братства. Или может?

Нет... Никто бы из Братства не чувствовал себя так после выстрела. Их руки бы не

тряслись, как сейчас у Дея.

— Где ты его достал?

Сейчас, когда я знаю, что у него есть пистолет, Дей в моих глазах выглядит несколько иначе. На пару дюймов выше.

— В магазине мистера Лама.

— И как ты прошел мимо него и тех решеток?

— Купил. Оплатил деньгами.

Прищуриваюсь. Даже со всеми деньгами, что лежат у меня в конверте, я не могу позволить себе пистолет. Откуда у Дея такие деньжищи?

Он знает, что я ему не верю.

— Джин, я некоторое время бегал сам. За несколько лет я кое-что подкопил.

Что-то не сходится, не складывается в одно целое. Пистолет, хорошая еда. Одежда без дыр. У Дея не должно быть столько денег. Не в том случае, если он обычный наркокурьер. Не в том случае, если он говорит правду.

Вопросы хрустят на моих кривых зубах. Они готовы прорваться сквозь мякоть лжи Дея. Разорвать ее на части. Выгнать правду из уголков этих лисьих глаз. Открываю рот, чтобы начать атаку.

Но вопрос не звучит. Думаю об оружии в кармане его джинсов. О том, с помощью которого он только что спас мне жизнь. В животе удобно устроилась все еще теплая тыквенная каша. Напоминание о том, что я уже много дней не голодаю.

Возможно, Дей и не говорит всей правды. Но он дал мне кучу причин доверять ему.

Делаю глубокий вдох. В выпирающую грудь врзается бандаж. Девичество, которое я скрываю, чтобы выжить.

У всех в Городе-Крепости есть свои тайны. Мне нужна правда, но сестра мне нужна еще больше. Не могу рисковать тем, чтобы потерять свой единственный путь в бордель Лонгвея. Не из-за этого.

Выдыхаю. Мое дыхание превращается в облачка пара, повисающие между нами.

— Этот пистолет был у тебя все это время?

— Не хочу, чтобы люди об этом знали. Но, полагаю, сейчас все мое желание пошло коту под хвост. — Он вздыхает и хватается за волосы. В этой пригоршне они такие черные, что отдают синевой. Его руки все еще дрожат. — Никогда раньше из него не стрелял.

— Полагаю, я должен чувствовать себя особенным, — бормочу я и пинаю одинокий кусок брезента. Он плюхается на землю, словно умирающая рыба.

Парень одаривает меня странным взглядом. Голубой пластик лижет кончик его туфли. Он отпихивает его обратно в мою сторону.

— Не так уж и много они оставили, да? Тебе стоит остановиться у меня.

— Не могу, — автоматически отвечаю я. С тех самых пор, как я соскользнула с бамбуковой циновки, которую делила с Мей Юи, я спала одна. Слишком многое может случиться, когда ты спишь. Можно умереть.

Дей качает головой.

— Джин, не будь дураком. Ты же видел взгляд Куена... он будет тебя искать.

Дей прав. Именно такие, такие как Куен, так и поступят. Он не забрал мой брезент, чтобы самому им воспользоваться. Он просто его уничтожил. Забрал кусочек моей безопасности. А после того как я сбежала и подпортила его милое личико...

Кма усаживается у меня между ног. Его пушистый хвост дергается вперед-назад, как

руки торговцев поддельными часами, что бродят по улицам.

— У нас отлично идут дела с Лонгвеем, — продолжает Дей. — Я не хочу, чтобы тебя порезали на мелкие кусочки.

— Я сам могу о себе позаботиться.

Наклоняюсь и поднимаю кота. Рука отзывается болью. У меня даже нет простыни, чтобы ее перевязать.

— Значит вот такой упрямый, да? — В его словах не слышится и капли улыбки. — И что, по-твоему, я должен буду сказать Лонгвею в следующий раз? Что ты был слишком горд, чтобы спать в безопасном месте и поэтому получил нож в спину?

Он прав. Я слишком загордилась, слишком устала, слишком замерзла. Я не смогу себя обезопасить. Не сейчас. Мне нужно пойти в укрытие Дея. Если я хочу пережить ночь, я должна ему доверять. Позволить ему меня защитить.

Выпускаю еще одно облачко пара.

— Хорошо. Идем к тебе.

Крепче прижимаю к себе кота. Это позволяет мне меньше дрожать. Похоже, Кма это понимает, потому что не пытается вырваться из моих рук. Он, словно мертвый, лежит у меня на плече, пока я иду следом за Деєм в какой-то таинственный уголок этого города.

Дей

Пистолет у меня в джинсах весит целую тонну. Руки я засунул в карманы, они до сих пор трясутся, словно собака, напуганная сиреной. Дрожат и горят от власти металла.

Я носил этот револьвер в течение двух лет, но на курок нажал впервые. Стрелял в первый раз с той ночи, которая все изменила. У меня не было выбора. Мне пришлось стрелять. Разорвать ночной воздух выстрелом в клочья, раскрутить каждый нерв в своем теле.

Мои эмоции подобны фунтам переваренной рисовой лапши. Они разваливаются. Их невозможно собрать вместе. Я виню их за сиюминутное решение привести Джина к себе.

Безусловно, если бы я следовал своим давним правилам, я держался бы от этого переулка как можно дальше. Продолжал идти, опустив голову. Пустил бы все на самотек, как это было в тот раз, когда Куен расквасил лицо Ли.

Но как Джин и сказал, он особенный. Он мне нужен.

Когда мы останавливаемся у входной двери, на лице парня проступает куча вопросов. Конечно, ведь он всегда считал, что я бродяжничаю, выживаю за счет наркокурьерства и удачи. Имидж, который сейчас рассыпается на кусочки, пока я вытаскиваю из кармана замасленные ключи.

Дверь в подъезд выглядит так же, как и все остальные в городе. Она забрана решеткой, втиснута между рыбным рестораном, заполненным курящими посетителями, и тускло освещенным магазином лапши. Сначала я открыл решетку и только потом дверь.

— Это... это твой дом? — моргает парень.

Дом. От этого слова по телу разливается боль. Со скрипом открываю дверь. Лестница за ней выглядит уродливо. По стенам стекает вода, разрушая песчаный замок, который и так уже на последнем издыхании. Несколько лет назад кто-то решил покрасить их в зеленый цвет, но к этому времени сохранились лишь куски. Но даже и они отклеились и гниют, словно сброшенная змеиная кожа.

Нет, не дом. И никогда им не был.

— Это просто место, где я некоторое время могу перекантоваться, — мой ответ

поднимается по узкой, крутой лестнице.

Джин молча идет следом, но я все еще кожей ощущаю его вопросы. Квартира, пистолет, деньги на все эти вещи... ничего из этого не укладывается у него в голове. Да и не должно — моя история не из простых.

Возможно, привести его сюда было ошибкой. Цанг бы, конечно, снял мне за это голову. Он назвал бы это "утечкой", сказал бы, что я все "подвергаю риску". Но Цанг просто мудака, я не собираюсь оставлять парня в том переулке. Не сейчас, когда стая Куена только и ждет, когда же исчезнет мой пистолет.

Старые правила меняются.

Мы поднимаемся на тринадцатый этаж ко второй двери. Открываю ее и впускаю Джина внутрь.

Пытаюсь посмотреть на квартиру глазами Джина. Одна комната, она покрыта желтой плиткой и покрашена зеленой краской. Никаких украшений, мебели или еды. Единственные признаки того, что здесь живет человек, — стопка одежды в углу и угольные метки, нарисованные на дальней стене.

Джин заходит в комнату, держа кота так, как маленькие девочки держат куклу. Он скинул ботинки и теперь таращится на окружающую пустоту. Потом делает несколько мягких шагов по плитке и подходит к окну, где находится балкон, и выглядывает наружу. Окно и балкон — это единственное, что в этой квартире мне еще не опротивело. Всякий раз, когда ветер сдувает с неба все облака, около полудня лучи солнечного света падают на мою плитку.

Но как и любой другой балкон в Хак-Нам, мой полностью закрыт решеткой. Они должны обезопасить от воров, но в свои самые худшие дни я вижу, что меня окружает клетка.

— Значит, ты не бродяга.

Джин оборачивается, отпуская кота. Чувствую, как начинает чесаться в носу. Чертова аллергия.

— А я никогда этого и не утверждал.

— Но если ты не работаешь на Братство или другую банду... откуда у тебя это жилье? Чем ты занимаешься?

Чем я занимаюсь? Хороший вопрос. Такое ощущение, что я, держа в руках карандаш, сдаю экзамен. Пытаюсь выбрать правильный ответ.

А) Бодрствую несколько ночей подряд, чтобы мне не снились кошмары.

В) Сажу на краю крыши в Хак-Нам и жду очень сильного порыва ветра.

С) Всегда ношу толстовку, чтобы не видеть шрам у себя на руке.

Д) Вру красивой, отчаявшейся девушке, чтобы спасти свою собственную шкуру.

Правда в каждом из ответов, но ни один из вариантов не является самым точным. Так что я пишу свою собственную полуправду, немного схитрив.

— Ну, ты же знаешь, я курьер. В свободном плаванье. Нахожу работу и берусь за нее. Или отдаю ее таким, как ты.

Он снова оглядывается, смотря на все такими же круглыми глазами, что и у кота. Они вычищают это место как бабушкина метелка, не пропуская ни единого шва между плиточками. Странно ощущать, что я будто что-то скрываю, хотя из моих личных вещей здесь только футболка, джинсы да куртка в углу. И естественно, кот забирается на эту стопку одежды — единственное место, где мне не хотелось бы его видеть, он оставляет там свою

шерсть. Несколько месяцев я буду украшать мир своими соплями.

— В любом случае, — я бросаю взгляд на кота, — чувствуй себя как дома.

Животное зевает: белые клыки, язычок, как наждачная бумага, и сворачивается прямо на моей куртке. Джин не обращает на него никакого внимания. Он смотрит на дальнюю стену, где рядами гнилых зубов усмеваются нарисованные метки.

— Что это за линии?

Смотрю туда, куда он указывает, и вспоминаю, что у меня совсем не осталось месяцев. Только дни. Тринадцать. Цифра пока не поджигает, но, если о ней задуматься, она веревкой сжимается на моем горле. Подношу руку к шее.

— Это... календарь. Что-то типа того.

Джин прищуривается, его голова наклоняется на несколько градусов.

— Кто ты?

Еще кругляшки. Еще больше ужасных, но правдивых ответов.

A) Не очень хороший человек.

B) Эгоистичный ублюдок.

C) Убийца.

D) Лжец.

E) Все перечисленное.

В этих ответах нет ни грамма вранья.

Снова перевожу взгляд на парнишку. С тех пор как я нажал на курок, сижу как на иголках в ожидании того, что появится призрак моего брата. Но лицо Джина — это все еще лицо Джина. Хотя ярость из него ушла. Его выражение стало мягче, не такое как у тигра, но и жестче, чем у избалованного ши-цу.

Что-то в том, как он стоит, кажется неправильным. Не понять, что именно. Может быть, все дело в ярко-алой крови на рубашке. Или, может быть, мне просто не по душе, что он задает вопросы. Не хочу, чтобы он разглядывал меня так же, как комнату, пытаюсь разделить на части и пристально рассмотреть каждую. Найти грязь в плиточных швах.

— Сан Дей Шинг, — говорю я. Все вышеперечисленное.

— Сан, — повторяет он имя моей семьи. Оно отражается от плитки, вылетает в окно и бьется о решетки. Связывает мое прошлое и настоящее в аккуратный узелок.

Подхожу к куче своего барахла, словно я могу убежать от затихающих звуков. Кот не двигается, но громко дает мне знать свое мнение насчет того, что я роюсь в вещах. Там где-то лежит аптечка. Красный пакет с белым крестом, заполненный тем, чем я никогда не пользуюсь (пинцет и зажим для языка не слишком-то могут помочь от боли внутри).

— Что это? — Джин смотрит на мешок.

— Дай взглянуть на руку, — киваю я на его сжатую в кулак ладонь. Она, туго свернутая, покоится у него на груди. Он медленно протягивает руку вперед. Пальцы, словно лепестки, разворачиваются, открывая рану, оставшуюся от спасательного круга. Бабушка назвала бы ее дурной приметой.

— Неплохо.

Неплохо. Да порез настолько глубокий, что я удивлюсь способности парня все еще шевелить пальцами. Ему нужны швы и укол от столбняка. А не какая-то тряпка и бутылочка перекиси.

Но это все, что у меня есть.

Перекись шипит и пенится на порезе, словно бешеный волк. Парню адски больно, но он

даже не морщится. При свете я вижу и другие его шрамы, распространяющиеся по руке, будто кружева. Некоторые белые и блестящие. Некоторые красные и злые. Как у меня.

Но Джин, вероятно, их вовсе не заслуживает.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Затягиваю бинт и завязываю концы. Джин разглядывает повязку, сгибает и разгибает ладонь. Сгибает и разгибает.

— Старайся ею не шевелить, — говорю я.

— Все нормально. — Он снова сжимает руку в кулак. Жесткий, как гвоздь.

Мне бы хотелось, чтобы и меня было вот так просто исправить.

— Ладно, уже поздно. Надо отдохнуть. Выбирай место. Если удастся передвинуть короля, то можешь воспользоваться моей курткой в качестве подушки.

Протягиваю руку и щелкаю выключателем. Комната погружается в темноту. Больше мне не видны шрамы Джина. Или линии на стене.

— Дей, — шепчет Джин высоким и легким голосом. Так на него не похоже.

— Что?

Молчание, пока я пытаюсь добраться до центра комнаты.

— Спасибо.

Пожалуйста. Ответ застревает в горле, словно щупальца осьминога. Не могу заставить себя произнести его. Не в этом случае, когда знаю, что стоит за моим поступком.

Сегодня я не думаю о том, чтобы расстегнуть толстовку, просто использую ее в качестве подушки. Ложусь прямо на пол, подобрав колени к груди. Умом отмечаю, в какой стороне стена с отметинами. Поворачиваюсь к ней спиной.

Джин Линь

Рука перестает болеть. Прижимаю ее к груди. Палец забинтован чистой повязкой.

Сон приходит легко, когда есть крыша над головой. Четыре стены. Я сооружаю себе кровать у дальней стены, прислонившись к плитке. Кма оставил кучу белья Дея, принесенную из прачечной, ради того, чтобы подарить тепло мне. Он свернулся калачиком у меня на животе и урчит, словно трактор.

Ни ножей. Ни крыс. Ни голода. Только покой.

И Дей.

Он лежит в центре комнаты. Свернувшись как улитка. Спрятавшись в свою раковину. Его дыхание эхом разносится по комнате. Оно напоминает мне (даже на краю сновидений), что я не одна.

К этому я могу привыкнуть.

12 дней

Джин Линь

Рисовый пирог очень сладкий. Мед течет по его бокам. У меня сводит зубы, когда я всасываю его в рот. Рядом со мной сидит Мей Юи. Ее пальцы пробегают по моим густым, спутанным волосам. Мягкие, аккуратные, никогда не причиняющие боли пальцы. Она разделяет волосы на три части. Начинает их складывать одну на другую.

— Коса всегда сильнее одиночной пряди. — Ее мелодичный голос переплывает через мое плечо.

Я должна ей сказать, что мои волосы слишком коротки. Почти ничего не осталось, чтобы можно было заплести в косу. Но мой рот связан медом. Он перехватывает все мои слова. Пытаюсь развернуться, пытаюсь посмотреть на нее. Но приближается тьма. Сон

закончился.

Мед на зубах, длинные волосы, голос сестры — ничего этого больше нет.

Тьма передо мной шевелится. Это Дей. Он встает, пробирается к двери. Он похож на ленту: тихий, грациозный. Его движения походят на те, когда человек не хочет, чтобы его слышали.

Я не двигаюсь, пока дверь не закрывается и не раздается щелчок. Свет в подъезде исчезает. Шаги Дея будто капли дождя. Быстро затихают.

Он уходит. Но почему?

Замираю у двери. Каждый следующий шаг становится все тише. Растворяется. Если я прожду слишком долго, не смогу его выследить. Часть меня очень хочет вернуться в кровать и поспать. Забыть о том, что случилось. Это все та же часть, что жаждет доверять Дею. Что хочет верить, что ему можно доверять.

Но не доверие помогло мне прожить эти два года, полные ножевых сражений и голода. Дей что-то скрывает... и это может быть моим единственным шансом все узнать.

Даже не удосуживаюсь завязать шнурки, прежде чем выбежать из комнаты. Под моими ногами мелькают ступеньки. Две, три за раз. Совсем скоро выскакиваю в тень и изгибы переулков. Спешу догнать Дея.

Сейчас настолько поздно, что пусты даже рестораны. Баки со свежей рыбой и угрями пузырятся будто наэлектризованные. В проемах дверей нет никаких сигаретных огоньков. Нет и стариков, сидящих на ступеньках и потягивающих ликер. Даже бродяги все спят.

Дей идет чуть впереди от меня. Идет быстро, засунув руки в карманы.

Следую за ним, держа дистанцию. Он идет до конца улицы, где останавливается линия из водосточных труб, а за сырыми бетонными стенами открывается звездная ночь. Ищу Кассиопею, но угол зрения неправильный. Все, что я вижу, — задние фонари грузовика: красные и кричащие, будто драконьи глаза. Хлещет холодный, колючий, трусливый и мрачный ветер. Здесь конец царства Лонгвея. Вход в Дальний город.

Но Дей не переступает черту. Он прислоняется к стене, скрестив руки на груди и выставив вперед одно колено. Бегут минуты. Я забиваюсь в темный дверной проем. Слежу за парнем, пока он наблюдает за Дальним городом. Ждем.

Потом он выпрямляется. Плечи сжимаются в жесткий кокон. Из тени появляется мужской силуэт. Заполняет свободное пространство рядом с Деєм. На голову натянут капюшон. Мне ничего не видно, кроме его переносицы.

Однако я его прекрасно слышу. Каждое слово. Голос отливает медью. Хоть и не громкий, но сильный, как у храмового гонга.

— Ты держись подальше от неприятностей?

Дей кивает. Больше смахивает на поклон.

Человек-тень достает из кармана перевязанную пачку. Протягивает упаковку Дею. Та словно зависает между ними.

— Возьми, — говорит мужчина. — Ты же знаешь, она переживает.

— Я и сам прекрасно справляюсь, — хмурится Дей.

— Имеешь в виду, рискуешь своей шеей? — Мужчина тычет пакетом Дею в грудь. Потом говорит, понизив голос: — Ты работаешь на отдел по обеспечению безопасности, не так ли?

Дей, скривив губы, смотрит на мужчину.

Визитер вздыхает.

— Слушай, я понимаю... понимаю, что они что-то тебе обещали, но ты им ничем не обязан. Ты должен избегать опасностей. Это твоя главная задача, пока мы не сможем вытащить тебя отсюда.

— И как скоро это случится?

— Мы работаем над этим...

— Прошло уже два года! — крик Дея не очень громкий, но я на грани. Он всегда такой спокойный и уравновешенный, как бумажный кораблик, плывущий в неглубокой луже. Что-то в этом мужчине выводит его из себя. — Два года! Если вы за это время не смогли меня вытащить, почему должно получиться сейчас? У меня уже нет времени. Я не могу просто сидеть и не делать ничего!

— Ничего, — невозмутимо продолжает мужчина, — вот именно это ты и должен делать. Оставайся здесь. Постарайся остаться в живых. Если Лонгвей узнает, кто ты на самом деле...

Дея смотрит на мужчину в капюшоне и прижатый к его груди пакет. Его взгляд окидывает улицу. Темный лабиринт безмолвных дверей. Глаза скользят по месту, где я прячусь. Сердце бешено колотится в груди.

— Где твоя куртка? Ты все еще живешь в квартире?

Дея пожимает плечами, но смотрит при этом в землю, а не на посетителя. Разглядывает осколки разбитых бутылок, остатки строительного раствора и грязь. Мой же взгляд сосредоточен на нем. Я пытаюсь ответить на все те вопросы, что муссоном проносятся у меня в голове.

Кто этот человек? Кто такая "она", о которой он говорит? Кто такой Дей?

— Она переживает за тебя. Я беспокоюсь. Мы уже потеряли...

— Не надо! — огрызается Дей. Напряженная челюсть. Острый подбородок. — Не говори о нем.

Какая-то договоренность, которой я не знаю, пролетает между ними. Руки Дея скрещиваются на груди, прижимая сверток, словно ребенка. Так, как я держу Кма.

— Тебя мы не потеряем. Это все закончится, — говорит мужчина. — Обещаю.

— Какое тебе вообще до этого дело?

— Ты знаешь какое, — говорит мужчина.

Дея не улыбается, но и не хмурится. У него совершенно спокойное выражение лица, когда он отворачивается и уходит.

Отшатываясь назад, но Дей не смотрит в сторону моего убежища. Он проходит мимо, полный ярости. У него есть цель. Дей смотрит прямо перед собой, словно очень хочет убраться отсюда подальше. Мужчина-тень стоит на границе Дальнего города и наблюдает за каждым шагом Дея.

Потом они оба исчезают. Через щель, которую они оставили, тоскливо воет ветер. Он врзается мне в кости. Пробивает дырку в моей груди. Мой кулак крепко сжимается, отзываясь болью под повязкой.

В свертке, которым человек-тень тыкал Дея в грудь, вероятно, лежали деньги. Как иначе он смог бы позволить себе иметь квартиру или пистолет, что лежит в кармане целеньких джинсов? Но с чего бы это человеку-тени давать ему деньги? К тому же, если у Дея есть деньги, зачем он работает на Лонгвея? Если мужик хочет, чтобы Дей сидел тише воды, ниже травы, почему же он порхает прямо перед носом Братства? Что такое отдел по обеспечению безопасности? Что именно делает для них Дей?

И самый большой вопрос: почему он не уходит?

Похоже, у Дея секретов больше, чем шрамов. Секреты, которые включают в себя Лонгвея и то, ради чего рискует своей шеей Дей. А это значит, все это время он рисковал и моей.

С Куеном и его ножами я справлюсь. Увиливать, нырять, прятаться. Это все, что требуется. Но Дей... это опасность другого рода. Постеленная мягкая соломка. Опасность, что подкрадывается, пока ты спишь. Бьет тебя в спину.

Мне не следовало нарушать второе правило. Никогда не следовало позволить ему закрывать меня в четырех стенах. Место, откуда невозможно сбежать. Какой смысл в запертой двери, если опасность притаилась внутри?

Мне удалось выжить на протяжении последних двух лет, проведенных на этих улицах. Мне не нужна ничья защита.

Мей Юи

Каждый день стены становятся все меньше, меньше, меньше. Даже разглядывание переулка их не сдерживает. На подоконнике лежит ракушка — напоминание о парне и его обещании. Напоминание о том, что он там, а я здесь.

Звезды на моем потолке нарисованы давно. Но я в любом случае впитываю их. Вбираю каждое пятнышко в том месте, где дрогнула рука художника. Я закрываю глаза, пытаюсь представить, как она держит, словно палочки, кисть в руке. Почему-то я решила, что создателем этой росписи была девушка. Хозяин со своими людьми никогда не смогли бы создать чего-то столь отчаянного и красивого.

Пока я разглядываю звезды, задумаюсь над тем, какой она была. Как ее звали? Откуда она родом? О чем она думала, когда рисовала звезды на потолке? Хватило ли ей мужества и надежды загадывать желание для каждой из них?

Над моей кроватью их несколько десятков. Но у меня в душе все равно гораздо больше желаний, чем звезд на потолке.

Как бы мне хотелось держать руку Джин Линь в своей.

Как бы мне хотелось, чтобы Синь никогда не пыталась сбежать.

Как бы мне хотелось, чтобы из-за парня так не жгло в груди, чтобы мысли мои не парили, словно феникс.

Как бы мне хотелось, чтобы девочки в этом борделе были счастливы.

Как бы мне хотелось, как и тому парню, оказаться в другом месте. Быть кем-то другим.

И так далее и тому подобное.

* * *

Время, которое дал мне парень из окна, прошло уже наполовину, когда приходит посол. Два дня я просто таращилась в окно, беспокойно ходя туда-сюда у двери. Когда она, наконец, открывается, сердце готово выпрыгнуть из груди, словно тигр из бамбуковой клетки. Оно отдается болью, тяжелой и раздутой. Эта боль возникла с появлением парня за окном. Боль такая глубокая, что даже цветы посла не могут меня отвлечь. У них такие яркие желтые и оранжевые лепестки, что я не могу долго на них смотреть. Цвета такие гипертрофированные, что кажутся ненастоящими.

Сегодня его плащ тяжелее, а кожа похожа на мрамор, настолько она холодна. Он тоже это замечает, но на иной манер.

— Ты такая теплая.

Посол вытягивает тепло из моего тела. Его руки погружаются в мое платье, мои волосы, но все, что я ощущаю, — окно за моей спиной. Тонкую вуаль занавески и наutilus позади нее. Дразнит и искушает, но не обещает ничего больше.

А потом мне приходит идея, как заставить мама-сан открыть мою дверь, если отважусь на это и рискну.

Посол — вот мой ключик. Его деньги гораздо могущественнее, чем ярость мама-сан или равнодушие хозяина.

— Ты очень холодный, — говорю я, когда он закончив перекачивается на шелковые, волнистые простыни. Когда его рука обвивается вокруг меня, словно орденовая лента.

— Прости, — его медовый голос вливается в мое ухо. Тягучий от наступающего сна.

Я отодвигаюсь и поворачиваюсь так, что мы оказываемся лицом к лицу.

Не знаю, дело в свете моих алых фонарей или это из-за навязчивого лица юноши в окне, но сегодня я замечаю, что посол носит на лице свои прожитые годы: паутинки на веках, пигментные пятна цвета опаленного хлеба, вены, словно угри, вздувшиеся на обратной стороне голени. Я всегда знала, что он стар, но сегодня мне впервые от этого неловко.

Сердце бешено бьется в груди. Вперед, назад. Вперед-назад. Беспокойный зверь.

Я больше не могу здесь оставаться.

— Мама-сан запирает нас в комнатах.

— Что? — словно медведь рычит он. Все в нем становится резким, насквозь пропитанным яростью и обязанностью. Эта его сторона заставляет мои пальцы дрожать. — Зачем она это делает?

— Она приказала мне не говорить. У меня будут неприятности. — Я сглатываю. Мой рот полон соли и желчи. — Пожалуйста, не говори ей о том, что я сказала.

Он ничего не отвечает на мою мольбу.

— Она заперла тебя в этой комнате? И как долго уже?

— Я не знаю. Все, что я хочу, просто разговаривать с другими девушками. Мне здесь так одиноко и совершенно нечем заняться!

За исключением того, чтобы пялиться на звезды и ракушку да разговаривать с таинственным парнем.

Посол садится. Он оглядывает комнату, в его глазах отражается каждый дюйм, каждый уголок моей клетки. Мне кажется, это первый раз, когда он по-настоящему ее разглядывает. Замечает скол на моей цветочной вазе, небольшую гвоздику на краю гобелена. Каждый мускул моего тела напрягается, когда его взгляд скользит мимо окна.

— Мей Юи... я тут подумал о том дне, когда подарил тебе шоколад.

День, когда я впервые увидела того парня. "Перестань, — говорю я себе. — Не думай о нем. Не сейчас".

Посол смотрит на меня, склонив голову.

— Что, если я заберу тебя отсюда?

По какой-то причине его акцент становится более выраженным. Я не могу поверить в то, что слышу.

— Заберешь?

— Ты уже больше года встречаешь только меня. Не думаю, что нужна еще какая-то причина, чтобы заключить сделку с Лонгвеем.

— К-куда? — заикаясь, спрашиваю я.

— В квартиру. В Сент Нгои. Недалеко от моей работы. Там есть бассейн. И сад на крыше. Изысканные блюда, обслуживание. Охрана на входе. Все, чего ты захочешь.

Оттуда, где я лежу, посол может показаться богом. Он нависает надо мной, вытягивается, будто храмовый идол. Золотистая кожа, круглый живот на простынях прижимается ко мне.

Бассейн. Сад. Изысканная еда. Слова затуманивают разум, обещают рай. Утопия, такая далекая от этого места с его шприцами и пощечинами. То, о чем молила Синь (или к чему бежала), предлагали мне на блюдечке с голубой каемочкой. Я должна схватить это, пока оно не исчезло.

Неделю назад я бы согласилась. Но неделю назад не было ракушки, что лежала сейчас по ту сторону окна. Не было парня, от взгляда которого я чувствовала себя голой в то время, как на мне была куча одежды. Он обещал мне свободу.

Достаточно ли этого? Или мне нужно больше?

Я не знаю.

Да. Такое маленькое, мимолетное слово. Его так легко произнести. Хватило бы и кивка.

Я открываю рот. На задворках сознания мелькает алая шторма. Ни единого слова не вылетает из моего рта.

— Мей Юи?

На губах посла появляется неокрепшее недовольство. Он протягивает руку, поглаживая мою. От прикосновения его пальцев у меня в голове пролетает вихрь. Его рука скользит дальше по изгибам моего тела, доходит до бедра.

Я должна согласиться. Должна, но не могу.

— Я... мне нужно подумать об этом, — говорю я.

Он хмурится еще больше, на его лицо накатывают грозные тучи. Серые.

— Я думал, ты скажешь "да".

Я тоже так думала. Но, похоже, подумать и произнести — это несколько разные вещи.

В его глазах появляется темнота, она возникает и на его лице. Вспышка, которая заставляет меня содрогнуться. Его рука на моем бедре становится тяжелой. Пальцы давят все сильнее, сильнее, сильнее.

— Есть кто-то еще, да? — Его обвинение пролетает молнией: внезапная, раскалывающая надвое. — Лонгвей заставляет тебя принимать других клиентов?

Пальцы, лежащие на моем бедре, давят все сильнее, останутся синяки. Я всхлипываю, наполовину удивленно, наполовину от боли. Он никогда раньше не прикасался ко мне так, никогда не делал больно.

От этого звука посол одергивает руку. Сначала он смотрит на свою ладонь, потом на меня.

— Прости. Прости меня. Просто в последнее время ты какая-то другая. И я подумал...

— Никого больше нет, — слова больше похожи на ложь. Из-за парня. Из-за Синь, Венг Ки, Нуо и Инь Юй. Так много лиц, которые я больше не увижу, если соглашусь. Если выберу безопасный путь. — Мне просто нужно время, чтобы подумать. Будет трудно оставить моих друзей...

Грозное облако исчезло, но его глаза все еще затуманены, в них отражается смятение. Он отодвигается, холодный воздух лентой оплетает мое тело, вызывая гусиную кожу. Посол одевается медленно, тщательно. Застегивает пуговицы на рубашке и запонки на рукавах. Его пальцы тверды. На лице нет никаких эмоций, когда он натягивает свой смокинг и берет в

руки пальто.

— Я заставлю Лонгвея отпереть твою дверь.

Он уходит, даже не попрощавшись.

* * *

Как и обещал посол, двери открываются. Мама-сан не задерживается, она идет дальше по темному коридору, открывая замки железными ключами, висящими у нее на кольце. Я топчусь у порога и наблюдаю за ней. Ищу синяк на ее лице, но его нет. Зажил, или она его скрыла под макияжем. Не знаю, что именно.

Под кожей на бедре скопилась кровь (ее невозможно выпустить наружу), она образовала цвет и форму, похожую на экзотический цветок. Такие же цветы распускаются на телах и других девушек. Такие же точно цветы оплетали мамины запястья всякий раз, когда отец сжимал их слишком сильно.

Синяки были у меня и в первые месяцы, что я провела в борделе, когда в мою кровать ложились все без разбора. До того как появился посол и спас меня от всего этого. Или я так думала.

Я убеждаю себя, что это была ошибка, он не хотел.

Бедро пульсирует с каждым ударом сердца, напоминая, что те же самые слова каждое утро говорила мама. Она не смотрела ни на бинты Джин Линь, ни на свои собственные травмированные конечности. Она стояла, ссутулившись над очагом, ожидая, когда, словно дракон, пойманный в горшок, закипит вода.

"Он не хотел делать этого. К тому же он уже извинился".

Но синяки продолжали цвести: желтые, зеленые, ярко-розовые, фиолетовые, синие — целый сад из отметин, оставленных моим отцом.

— Почему мама не бросит его? — спросила однажды Джин Линь, когда я обрабатывала ужасный порез под ее левым глазом. — Мы бы могли уехать и организовать новую ферму. Или вообще переехать в город.

Из уст сестры это звучало так просто: переехать. Как будто мы просто могли запрячь в повозку волов и уйти. У меня никогда не получалось ей объяснить, почему наша мать остается в доме. Это знание просто сидело в моем сердце. Отец был нам своим, мы его хорошо знали. Неважно, что его дыхание было словно сосновые иголки, а костяшки пальцев терзали нашу плоть. Это было для нас ожидаемо.

Она никогда его не оставит. Ни за что на свете. Даже ради нас.

Моя мать была не из тех, кто способен пойти на риск и убежать. Она не такая как Джин Линь. Не такая как Синь.

А я... я не знаю, что я за человек.

Девочки приходят одна за другой. Они теснятся у двери, будто воробьи сражаются за хлебные крошки. Я знаю, прошло не так уж и много времени с тех пор, как мы виделись в последний раз, но их лица кажутся какими-то чужими. Даже у тоненькой Вень Ки, самой младшей, в глазах появилась тяжесть, которой я прежде не видела.

— Не думала, что они отпустят нас так скоро, — говорит Нуо, когда все собираются в комнате. — Интересно, почему.

Мне тоже интересно, что же такого сказал хозяину посол, что была открыта не только моя, но и все двери. Что бы это ни было, оно сработало. Не сомневаюсь, что он вообще в

этом борделе любого смог бы переговорить.

В моих мыслях все еще бушует тайфун, носится и носится. Да так громко, что я едва слышу, о чем говорят девочки, как рассказывают о своем времени, проведенном за закрытыми дверями.

— А потом он пытался заставить меня...

Бассейн. Сад. Изысканная еда. Рай на тарелочке.

— ... мне пришлось звать мама-сан.

"Да. Почему я не сказала "да"? Любая из них согласилась бы. Не задумываясь. Да. Да. Да. Не задумываясь".

— ... не спала несколько дней... все еще слышу ее крик...

Синь. Согласилась бы она? Не уверена. Она словно из огня состояла, из риска. Ее сердце вполне могло быть моей ракушкой. Сидящей по другую сторону окна. Никаких решеток. Только руку протяни.

— Вень Ки, — зову я.

Другие девочки смотрят на меня.

— Ты когда-нибудь видела, как выглядит наutilus?

Я все еще спотыкаюсь об это слово, произношу его неуверенно.

Глаза девушки ярко вспыхивают. Огонек пританцовывает с тяжестью пережитого.

— О да. Мой отец иногда их ловил. Он продавал раковины туристам на рынке. Если расколоть раковину, то можно увидеть, насколько она выросла. Всякий раз, когда она становится слишком большой, чтобы помещаться внутри, она запечатывает раковину. Снова и снова. Пока та вся не сворачивается.

Нуо вздыхает:

— Как папоротник? У моей бабушки папоротник рос в саду. А еще редис, морковь и...

— Нам не стоит говорить о доме, — перебивает Инь Юй. У нее зудящий и раздражающий голос. Более страстный, чем обычно. Это заставляет меня заметить пятно от вина на ее платье. Оно все еще темное и влажное, похоже на рану. — Мы просто сами себе делаем больно. Ничего хорошего из этого не выйдет. Именно из-за этого, в первую очередь, Синь попала в беду... говорила о доме. Это просто застряло у нее в голове.

Нет. Не в голове. Оно заполонило ее сердце,росло и ширилось, пока она не оттринула все остальное — попыталась прорваться к лучшей жизни.

Интересно, а парень знает, что находится внутри наutilusа? Могут ли эти ясные глаза увидеть, насколько крепко сжимается моя собственная оболочка? Как скоро закончится мой запас выносливости?

Ответ не так прост: ни да, ни нет. Это даже не вопрос освобождения. Проблема в том, что я хочу еще. Квартиру посла или то, что лежит за решетками того окна. Что-то знакомое или риск.

Я не такая, как моя сестра. И никогда не была. Джин Линь всегда быстро бегала, отчаянно боролась. Когда она была рядом, я о многом не задумывалась.

Но и повторить путь матери я не хочу. Просыпаться каждое утро, видеть солнечные лучи на своих ранах и потайными частичками своего сердца гадать, а может ли быть где-то что-то другое. Там, за пределами рисовых полей и гор.

А это моя гонка. Мой риск. Джин Линь здесь нет, чтобы позаботиться об этом.

Может быть, я гораздо быстрее, чем думала прежде.

Не знаю, почему я решила, что выяснить имена будет проще, как только я выберусь из комнаты. Как будто я могла просто подойти к подручным хозяина и пожать им руки. Единственный способ все узнать — бродить поблизости, не вызывая подозрений, а значит, нужно попросить хозяина о работе по дому. Такой работе, которая приблизит меня ко встречам Братства. Обязанность подавать вино и поджигать трубки.

Обязанности Инь Юй.

Пока я подбираюсь все ближе к берлоге хозяина, у меня в животе скачет лягушка. Думаю над тем, как буду простить его, как сделать так, чтобы просьба прозвучала совершенно невинно. Но хозяин гораздо умнее, чем хочет казаться. Как иначе ему удалось бы стать самым законом в месте, полном беззакония?

В салоне почти пусто. Нет клиентов, которые обычно валяются на диванах, извергая дым. В углу нет Нуо. Тишина оглушает. Я слышу каждый свой шаг, скрип и движение потертой древесины.

Хозяин сидит в одиночестве, поджав ноги так, что я удивляюсь его гибкости, которая до сих пор ему присуща. В руках он держит трубку, но к губам не подносит.

— Мама-сан говорит, ты хотела встретиться со мной. Обычно меня это не интересует, но после моего последнего разговора с твоим клиентом, меня гложет любопытство.

На последнем слове он наклоняет голову. Все, что мне видно, все, на что я могу смотреть, — уродливый алый шрам. Опускаю взгляд на пол. Из-под шелкового платья торчат все десять пальцев. Они похожи на червей, принесших себя в жертву, чтобы поймать рыбу.

Он знает. Он умен. В голове шумит страх. Осторожная, послушная Мей Юи пытается меня остановить. Не спрашивай. Иди обратно. Сиди. Жди. Скажи "да".

Я облизываю губы, собираю разбросанные по всему телу остатки мужества. Они острые, скрученные, совершенно новые, но этого достаточно, чтобы вытолкнуть слова наружу.

— Я хотела спросить, можно ли мне назначить какие-нибудь обязанности. Я бы хотела научиться подавать вино.

— Ты хочешь, чтобы я дал тебе какую-нибудь домашнюю работу? — Его глаза сужены до размера кошачьих, когда животное спит, но все еще смотрят на меня. Моя шея чувствует себя сродни куриной, натянутой в ожидании ножа. Я задумываюсь, и уже не в первый раз, зачем я здесь. Почему было просто не согласиться.

Пялюсь на толстые звенья его ожерелья.

— У других девушек есть всякие дела. Мне не нравится ощущение, что я как будто не зарабатываю на свое пропитание.

Судя по изгибу его губ, я ожидаю услышать отрицательный ответ. Вместо этого он медленно кивает.

— Очень хорошо. Тебе повезло. Инь Юй была настолько глупа, что этим утром пролила вино на одного из клиентов. Пусть она покажет тебе, что должно быть на подносах, и расскажет про зажжение света. Сегодня вечером ты можешь занять ее место.

Он говорит это, а я вспоминаю жар в голосе Инь Юй. Пятно на ее платье. Интересно неужели мне настолько везет, что я озвучила свою просьбу именно в тот день, когда она не справилась со своими обязанностями.

Да, повезло.

Ухожу, низко-низко кланяясь, с надеждой, что мое везение будет преследовать меня и

дальше.

11 дней

Дей

Не могу устоять на месте, даже прислонившись к ржавой пушке. Мое тело сплошной комок нервов. Вверх-вниз. Вверх-вниз. Цангу нужно бы пошевелить своей задницей. Мы никогда не встречаемся в назначенное время. Один обязательно опаздывает.

Первой я вижу его сигарету. Подпрыгивает в темноте Сенг Нгои, будто светлячок в аду. Впервые, когда я увидел Цанга (ночью, когда нарисовал метки на стене квартиры), он посасывал палочку, грозящую раковыми заболеваниями, зажатую в ладони. Вытащил следующую и прикурил. Это было много недель назад, много настенных меток назад, много тайных встреч назад. Бьюсь об заклад, все окурки, которые он оставил у старых Южных ворот, можно было сложить в коробку.

Я перестал подпрыгивать и задержал дыхание, когда Цанг подошел ближе. Курение было единственным пороком, которому я так никогда и не поддался. Возможно, из-за того, что отец заставил меня выкурить целую пачку, когда поймал прикуривающим сигарету в саду камней. Тогда я был совсем зеленым, восьмилетним пацаном из Сенг Нгои.

Порой я задумуюсь, а как сложилась бы моя жизнь, если бы такой же принцип он применил и ко всему остальному?

— Что у тебя для меня есть? — Мой связной даже не останавливается.

— Лонгвей не двигается с места. Он продолжает держать меня в пределах гостиной. У меня пока еще есть парень, который работает наркокурьером... — Я замолкаю. Что, если сказать ему правду? Джин ушел, оставив в моей квартире достаточно кошачьей шерсти, чтобы меня постиг аллергический ад. Я не удивлен. Он один из самых сообразительных, с кем мне приходилось пересекаться. Вероятно, он понял, какова моя цель, и сбежал.

Мне бы хотелось, чтобы он додумался умыкнуть мою аптечку. Рану на руке нужно будет обработать еще раз.

— Что насчет шлюхи?

Шлюха... Цанг говорит о девушке в окне. Мне требуется мгновение, чтобы это осознать. Чтобы примирить это жесткое, резкое слово с той, о которой я думаю все последние дни. Вспоминаю взгляд, которым она следила за мной, когда я клал ракушку. Радость и тоска. Сто процентов концентрации.

Она посмотрела на ракушку так, словно это был лучик солнца. Самая красивая и безупречная вещь во вселенной.

И на меня она смотрела так же. Как будто на меня стоило смотреть. Чертов герой. От ее взгляда мне хотелось выпрямиться, смотреться достойно.

Она ошибалась, и это плохо. Для нас обоих.

— Я еще ее испытываю, — словно плохую пилюлю, выплевываю я: героев здесь нет. — Она пытается узнать их имена.

— До сих пор? — рычит Цанг.

— Я дал ей четыре дня.

— Четыре дня! — резко вздыхает он. Его сигарета гневно разгорается, освещая лицо. — Ужасно щедро.

— Столько ей нужно. — Четыре линии. С моей стороны это много, но то, чего я прошу, стоит гораздо больше.

— Ты должен поторопиться. Избавься от мальчишки. Он тебе больше не нужен.

Последнее, что мне нужно, чтобы тебя распотрошили из-за наркоты. Сосредоточься на шлюшке.

Избавиться от мальчишки. Сосредоточиться на шлюшке. Вверх-вниз. Вверх-вниз. Может, если я подпрыгну повыше, то смогу стряхнуть его слова. Побыстрее. Вверх, вниз, вверх, вниз.

— Ты вообще меня слушаешь? — Сигарета Цанга становится небольшим комочком, что свидетельствует о том, что мужчина находится в крайней степени раздражительности. В его глазах блестит последний пепел, пока он наблюдает за тем, как я прыгаю. Вверх-вниз.

— Они мне оба нужны. — План А и план Б. — Мальчишка — мой единственный путь в бордель. Он понадобится мне, когда девушка все узнает.

— Почему бы не поручить все это шлюхе?

Мои ноги приземляются. Стоят. Смотрю прямо на Цанга. На оранжевый огонь в центре удушливого дыма. Почти погасший.

— Перестань называть ее этим словом, — говорю я.

На лице Цанга появляется усмешка. Он смеется:

— Похоже, кто-то втюрился. Брак, заключенный на небесах: проститутка и...

— Мы закончили? — перебиваю я своего связного. Его сигарета подмигивает мне.

— На следующей неделе мне нужны результаты. — Цанг выдергивает сигарету изо рта. Бросает ее в грязную лужу, где она шипит в предсмертной агонии. — Сосредоточься, Сан Дей Шинг. Твое время на исходе.

Мей Юи

Пальцы Инь Юй очень плотно хватались за все, что она показывала мне в лакированном шкафу для сервировки. Костяшки ее пальцев настолько побелели, что я боялась, как бы она не разбила какой-нибудь графин.

Подавать вино и поджигать трубки — задача простая, но Инь Юй относилась к ним как с самому священному действу в мире. Она вручила мне мерцающее красное платье и снабдила длиннющей инструкцией.

Приходить на их зов.

Следить за бокалами, своевременно их наполнять.

Кланяться перед тем и после того, как наливать.

Не смотреть им в глаза.

Ее список все продолжался и продолжался. Голос был не мягким и не резким, но натянутым как веревка. Я не могла винить ее в том, что она расстроена. Это была ее работа с самого первого дня, когда нас с мутными глазами, трясущихся, вытолкнули из грузовика Жнецов. Это был ее первый шаг к тому, чтобы стать мама-сан. И вот она я, забираю это все, не сказав и слова.

— Я этого не хотела. — Это было самое лучшее, что подойдет для извинений, самое близкое к истине.

Улыбка Инь Юй была такой же сотканной, как и ее слова. Она опустила взгляд на свои жесткие пальцы.

— Не ты же опрокинула целый графин на мистера Смита. Честно говоря, я боялась, что все будет гораздо хуже. Похоже, мне повезло.

Я хотела все ей рассказать. Хотела рассказать про парня за окном, его ракушку и обещание вытащить меня отсюда.

Но потом я подумала про Синь, и этого оказалось достаточно, чтобы проглотить все

слова, которые готовы были вырваться наружу.

Так что я взяла поднос и пошла прислуживать. В первую ночь в гостиной присутствовали только клиенты. Никого из Братства не было. Сегодня, во вторую ночь, я от беспокойства жую губу, стараясь не выказывать страха. Завтра наступит четвертый день, что означает — парень вернется к моему окну. Если сегодня встреча Братства не состоится... если я не узнаю имена...

Не понимаю, почему от этой мысли мне становится плохо. Ведь в Сент Нгои меня ждет квартира. Бассейн, в котором я смогу плавать, не боясь, что утону.

Но я захожу в салон и первое, что вижу, — лицо хозяина. Перевожу взгляд с дивана на диван и понимаю, что на всех сидящих в зале одежда черно-алых тонов. Только у троих из них в руках трубки. Глаза присутствующих устремлены на того, кого все мы нестерпимо боимся.

Я забиваюсь в угол, плечи прижимаются к шкафу для сервировки. Напротив сидит Нуо, одетая в такое же декольтированное красное платье, ее пальцы перебирают стальные струны. Мелодия такая нежная, что я не уверена, слышу ли ее. Но мой слух нацелен на другое, я слушаю, о чем говорят присутствующие.

Десять мужчин сидят по кругу, некоторые достаточно взрослые, с седыми волосами и густыми бровями. Единственный, кого я узнала, — Фанг. Он сидит в дальнем углу, у него почти такое же свирепое лицо, как и у дракона, вытатуированного на нем.

Прислушиваюсь к именам, но эти люди и между собой не слишком-то приветливы. Вместо этого они оперируют названиями. Фанга зовут "Красный Полус". Мужчину с золотыми зубами и четыремя глубокими шрамами на щеке — "Мастер благовоний". Еще один, седовласый, — "Белый бумажный веер". Я засовываю титулы подальше и стараюсь не паниковать.

Зачем паниковать, когда на крыше есть сад? Станет ли посол приносить мне цветы, если у меня будет целый сад?

Встреча длится долго. Каждый человек предоставляет отчет, заполненный числами, прибылью, убытками и человеческими потерями. Хозяин слушает. Его губы сжались, пока он делает заметки в книге из пергамента и красной кожи.

Я продолжаю слушать, напрягая уши, пока они не начинают болеть. В конце я ухожу, унося четыре имени: Фанг. Люн. Нам. Чунь Кит. Пятеро, если включать самого Лонгвея. Но его я не включаю. Его имя и так на слуху.

Фанг. Люн. Нам. Чунь Кит. Кручу имена на кончике своего языка. Повторяю, чтобы не забыть. Снова, снова и снова. Пока они не становятся одним длинным именем: Фанг-Люн-Нам-Чунь-Кит. Я буду повторять их опять и опять, как безмолвную молитву, пока мою стаканы и убираю пустые трубки.

10 дней

Джин Линь

Потребовалось два дня, чтобы найти замену брезенту. Два дня копаний в мусорных баках. В конце концов мне пришлось все-таки пойти в магазин мистера Лама. Воспользоваться деньгами из оранжевого конверта.

Теперь, когда брезент есть, я не могу найти идеального места. Все мои любимые места заняты. Какими-то бродягами постарше: мужчинами и женщинами, втиснутыми в теплые уголки с газетами и поеденными молью пальто. Остальные — бродягами-сиротами с тоненькими ручками и ножками. Они смотрят на меня с голодной жадностью, широко

распахнув глаза. Беззубо огрызаются. Я быстро прохожу мимо, опустив голову и надеясь, что никто не запомнит мое лицо. Надеюсь, что до Куена информация не долетит. Другие места рядом с водостоками и канализационными решетками слишком открыты. Мне нужно место, которого не видно. Нужно, чтобы оно было спрятано от глаз банды Куена.

Два дня мне удавалось избегать его головорезов, что было не очень легко, даже несмотря на лабиринт темных углов. Он вышел на охоту: три раза мне пришлось ускользнуть в трещину переулка между магазинами, когда я увидела, как его стая проходит мимо. Они разбились на пары и патрулируют город. Идут по переулку в одну сторону, а потом обратно. В руках сверкают ножи.

Куен жаждет крови.

Мне просто нужно быть всегда на шаг впереди него.

Так что я просто иду дальше. Ищу место, скрытое от глаз. Безопасное. Держусь подальше от главных улиц. Подальше от бабок-гадалок, разложивших на льстивых столах свои черные карты и ублажающих судьбу своими ладонями. Подальше от матерей, стоящих на коленях у водных станций и пытающихся оттереть пятна соусов с одежды. Подальше от фабрик, где мужчины простаивают долгие часы, заливая в формы жидкий пластик.

Но глаза есть везде. Даже в самых удаленных уголках. Мимо шаркает старик, собирая металлолом, словно воробей — солому для гнезда. Он закидывает прутья в свою тачку с таким грохотом, что я начинаю дрожать. Идти быстро. Быстрее завернуть за угол. Слишком быстро. Я не остановилась, не прислушалась к другим шагам.

Парней я замечаю первой. Их двое, идут медленно. Прочесывают местность, наклоняясь к зарешеченным окнам, держа ножи наготове. Мои ноги несут меня вперед, поэтому мальчишки меня замечают.

Ближний ко мне останавливается. Он морщит нос, потом кричит:

— Это он!

Дикарка пинается. Она заправляет моими бедрами. Свет становится размытым. Под моими ногами шипит гравий. Толчок, толчок, упор. Я бегу еще до того, как замечаю, куда заведет меня следующая улица.

В стенах нет ни трещин, ни разрывов, чтобы я могла исчезнуть. Угол, за который я завернула, остался далеко позади. На этом участке в основном размещены витрины и лестничные клетки закрытого типа. Дверь одного из подъездов открыта и едва не бросается мне в лицо белой решеткой.

Убраться прочь с улицы! Дикарка даже не колеблется. Она прыгает. В дверной проем. Мимо перепуганного престарелого жильца с ключами в руке. Вверх, вверх, по ступенькам вверх.

Комплекс такой же, как у Дея. С лестничными пролетами, идущими наверх, словно нескончаемая бумажная скрепка. Звуки в таком пространстве разносятся далеко. Я слышу, что парни Куена тяжело дышат, но карабкаются по ступеням. Я беру свой драгоценный брезент и, широко его натянув, бросаю вниз. Проклятия и звук раздираемого пластика заставляют меня бежать быстрее, выше — дверь за дверью. Десять этажей.

А потом — конец. Последняя дверь. Эта не заперта. Она даже не закрыта полностью. Я легко, без сопротивления, распахиваю ее и оказываюсь на открытом пространстве.

Вода. Кругом вода. Падает с темного, темного неба. словно веснушки рассыпаются по моему лицу. Барабанит по лужам у моих ног. Заливает ботинки. Мои ноги скользят по разлившимся лужам, мимо чьего-то брошенного пляжного зонтика, между двумя

испорченными матрасами. Все пути ведут к краю.

Это здание ниже, чем его окружающие, по крайней мере этажа на четыре. Здесь есть только один край, где стена не сливается с рядом стоящим строением. Расстояние слишком большое, чтобы через него можно было перепрыгнуть. И я не уверена, смогу ли. Все окна напротив меня обычные, без решеток.

Единственный выход — вниз. Где капли воды мерцают, тускнеют и умирают. Проглоченные пропастью. И не все они черные. По другую сторону стоят веранды, косые крыши которых жмутся к стене. Но до них надо еще добраться.

Стук заставляет мои волосы встать дыбом.

Позади меня распахивается дверь, выходящая на лестничную клетку. Оба парня вываливаются на крышу под дождь.

— Попался! — замечает меня, стоящую на карнизе, первый мальчишка и останавливается. От его ног более не разлетаются брызги. Нож направлен в мою сторону. — Куен с нетерпением ждет встречи с тобой, Джин!

Драться или бежать. Я смотрю на их ножи. На скользкие и мокрые металлические крыши. С них легко упасть.

— У него на тебя есть планы, — продолжает мальчишка, подступая ближе. — Не хотел бы я оказаться в твоей шкуре, даже за всю овсянку миссис Пак.

— Или в твоих ботинках! — хихикает его дружок.

Я не могу прыгать. Слишком далеко. Слишком мокро.

Но и драться с ними я не могу. Не могу, не опасаясь быть раненой или убитой.

Дикарка подбирается к краю.

Она прыгает.

Желудок подступает все выше и выше к горлу. Пальцы сжимаются, пытаются ухватить такой же пустой, как мой желудок, воздух. Дождь вокруг меня отражается в окнах, мерцает, будто звезды. Они неподвижны. Но падаем мы вместе.

Первыми с жестяной крышей встречаются мои ботинки. Их подошва, сделанная в Дальнем городе, цепляется за влажное железо. Прилипает к нему. Колени и руки неуклюже выворачиваются, приводя меня в равновесие.

У меня получилось. На несколько секунд я просто замираю в позе лягушки. Я ошеломлена. Вместе с дождем падают проклятия преследующих меня. Поднимаю глаза и вижу, как один из парней зачехляет нож. Но он не уходит. Он встает на карниз, нервно облизывая губы и широко расставив ноги.

Собирается последовать за мной.

Подбираюсь к краю крыши. Вокруг лишь водосточные трубы да натянуты веревки для прачечной. Ничто из этого не выдержит моего веса. Все веранды забраны решетками. Между двумя зданиями есть пересечение, сплетенное из бамбука и проволоки. Достигнуть его можно еще за один прыжок.

На этот раз я прыгаю без колебаний. Мальчишка Куена присел, готовясь к прыжку. Мы одновременно делаем глубокий вдох. Отчаянные птицы с обрезанными крыльями. Мертвый груз.

Приземляюсь. Мостик покачивается. Низко наклоняюсь. Хватаюсь за проволочный край и подтягиваюсь, оказываясь в другом коридоре. Здесь старые лампы, они подрагивают, как и мост. Не уверена, прыгнул ли парнишка. Преследует ли он все еще меня. Я бегу, словно так оно и есть. Перелетаю из двери в дверь, будто из одной клетки в другую. Перепрыгиваю

валяющиеся мешки мусора. На тесных стенах плесень и остатки краски. В жестком свете все выглядит черно-белым. Словно в ночном кошмаре.

Все заканчивается на другой лестнице. Еще один выбор. Вверх или вниз?

Возглас с другого конца коридора кротко врывается в мои дебаты. У мальчишки все получилось. Его силуэт приближается. Он быстро двигается в мерцающем свете. Словно этот парень какой-то монстр.

Я выбираю движение вверх. Бедро кричат от боли, они словно стянуты в тугий узел. Просто горят огнем. Легкие одновременно расширенные и пустые. Голодные до воздуха, но неспособные его удержать. Со всеми этими ощущениями я и борюсь, поднимаясь по ступенькам. Всю дорогу до второй крыши.

Это самый высокий этаж. Много открытого пространства, все мокрое. Я не знаю, куда несут меня мои ноги. Через висящие выцветшие футболки и брюки. Мимо линии горшечных растений, стебли которых согнулись под дождем. Сквозь лес из антенн. Мимо клеток с забытыми кем-то соловьями. Их песня, смоченная дождем, звучит тяжело и заунывно.

Одна нога перед другой. Ставить, ставить, ставить. Этого требует дикарка внутри меня. И я выполняю ее требования.

Но потом я вижу нечто, что заставляет меня остановиться. Останавливаюсь.

Дей. Он сидит на карнизе. Там мы сидели несколько дней назад, поедая булочки под солнечными лучами. Он смотрит куда-то вдаль, далеко. Так же он выглядел и тем утром. Он смотрит на небоскребы, толстые и высокие, как бамбуковый лес. Их окна, словно безумные, мерцают среди дождя.

Вероятно, он пришел понаблюдать за восходом. Ему не повезло. Сегодня его не будет. Не в такую погоду.

Может, Дею и не повезло, зато мне сопутствует удача. Мальчишка Куена, увидев его, вряд ли последует за мной дальше. Не рядом с тем, кто наставил на него пистолет пару дней назад.

Я права. Мой преследователь шагает через вереницу курток и джинсов. Замирает. Его глаза прищурены, направлены прямо на Дея. Мы стоим наискосок друг от друга: напряженные, тяжело дышащие, не отводящие глаз. Ждем.

Парень Куена отступает назад. Медленно, медленно. Заходит за прачечную. Исчезает.

Дей снова сослужил мне хорошую службу, даже не зная об этом.

Я глубоко вздыхаю. У меня трясутся колени.

— Джин.

Я оборачиваюсь и вижу, что Дей смотрит прямо на меня. Его капюшон натянут на голову, мне видно только его лицо, по которому катятся капли дождя. Но за выражением лица спрятано что-то еще. Какое-то чувство, что не успело смыть водой. Печаль, ярость, потребность. Не могу понять, что именно, от этого мне становится неловко.

Я не подхожу к нему. Там слишком мокро и скользко. Поскользнусь, и меня нет. Ноги Дея болтаются так же, как и в прошлый раз. Безрассудно и дико. Слово хотят сорваться вниз.

— Ты где был? — Брови на его лице складываются домиком. — Я начал волноваться.

Да неужели? Снова смотрю на его лицо. На нем слишком много эмоций. Слишком много боли. Я не могу понять, врет он или нет. Мои инстинкты совершенно размякли.

В моей голове теснятся многочисленные тайны Дея. Такие же плотные и размытые, как дождь. Пока я здесь, могу по крайней мере попытаться узнать правду. Правду с точки зрения Дея.

Он отворачивается. Возвращается к струям падающего дождя. Делаю глубокий вдох. Слишком глубокий. Мои легкие горят, словно я тону.

— Я видел тебя.

Его плечи не шевелятся, и я понимаю, что стою слишком далеко от него. Я хочу, чтобы у меня был запасной выход, если события примут неожиданный поворот. Если я узнаю какую-нибудь тайну Дея, из-за которой меня нельзя оставлять в живых. Если он и правда психически неустойчив, как мне кажется.

— Я видел тебя, — повторяю я, — с тем мужиком. Который дал тебе денег пару дней назад.

В течение длительного времени Дей не шевелится. По его толстовке барабанной дробью стучат капли. Он храмовый идол, согнувшийся и неподвижный. Мне интересно, услышал ли он меня или мои слова унес ветер.

Но потом он поворачивается. Выражение его лица свидетельствует о том, что он слышал каждое слово.

— Кто он? — Мои ботинки ковыряются в мокрой крыше. Я готова к бегству. Рука тянется под тунуку, где под бандажом скрывается нож. — Почему он дает тебе деньги?

Дей просто смотрит на меня, сжав губы. Они странного синеватого оттенка. Он просидел здесь, под дождем, слишком долго.

— Почему ты не можешь уйти отсюда? — делаю я еще одну попытку. — Если это так опасно, что Братство может узнать, кто ты такой, почему ты все еще остаешься здесь?

Он встает, его движения быстры, несмотря на то, что край скользкий. Потом приближается ко мне, губы превратились в тонкую полоску.

С каждым шагом, что он делает ко мне, я отступаю назад.

— Ты же кто-то важный, разве нет? Зачем же еще тебе скрывать эту информацию от Братства? Ты ведешь себя как бродяга, поэтому они не задают лишних вопросов. Прячешься в открытую.

Дей засовывает кулаки в карманы. Под полумесяцем капюшона мне видно, что его губы — тонкое лезвие. Они изогнуты. Искажают его лицо. Жду, когда они раздвинутся, чтобы сказать, что я ошибаюсь.

Но он молчит и продолжает идти. Он обходит меня и идет дальше. От его ног разлетаются брызги.

Я не хочу, но, сама не понимая почему, бегу за ним. Руки соскальзывают с рукояти ножа. Хватаются за край его мокрой толстовки.

— Дей, мне нужно знать...

— Нет, — обрывает он меня, — не нужно.

Он одновременно прав и ужасно ошибается. Мне не следует знать. Но мне нужно знать. Мне нужна скала, нужен якорь. Несмотря на то, что я убеждаю себя в обратном, мне нужно кому-то доверять.

Потому что я устала. Устала убегать. Устала всякий раз оглядываться. Устала сражаться. Сводить концы с концами. Устала от одиночества. От банд, наркоты и безуспешных поисков. Я очень сильно хочу верить в то, что Дей хороший. Что он заслуживает моего доверия. Несмотря ни на что.

Я хочу чувствовать себя в безопасности.

Дей пытается уйти, но я его не отпускаю. Мои ботинки скользят, оставляя следы. Дей тащит меня через весь двор, потом останавливается и бросает взгляд через плечо.

— Джин, отпусти. — Он выдерживает толстовку из моих рук, а потом его рука летит прямым в терракотового цвета горшок. Тот падает, по земле разлетается грязь, осколки и увядшие листья. — Для тебя же лучше, если ты ничего не будешь знать.

— Это почему? — Воздух вокруг меня сотрясается, и я понимаю, что кричу. Мой вопль несется сквозь завесу капель — слишком плотно, слишком высоко. — Почему лучше?

Даже если Дей и замечает, что мои крики похожи на девчачьи, он не подает и вида. Он вообще ничего не показывает. Выражение его лица неподвижно, оно ничего не выражает. Утопленник.

— То, что ты видел... это ничего не меняет в нашей работе на Лонгвея. Я верю, ты будешь молчать.

Доверие. Это слово вкусом протухшего мяса ощущается у меня на языке. Парень напротив меня произнес его вскользь, легкомысленно. Словно отточил его произношение давным-давно.

Колесики в моем мозгу быстро вращаются. Если Дей не желает мне ничего рассказывать, я все еще могу воспользоваться тем, что увидела.

— Если я должен молчать и быть наркокурьером, мне нужно больше денег.

— Еще больше?

— Да. Мне нужно достаточно, чтобы купить время одной из девушек Лонгвея, — произнося эти слова, я не смотрю на Дея. Мой взгляд сосредоточен на разбитом горшке. Из него вывалилась земля, ставшая похожей на кровь. Темная и залитая водой.

Он, нахмурившись, прищуривается.

— Тебе нужно время с одной из девушек?

— Да. — Я стараюсь, чтобы голос вышел гортанным, словно там перестукиваются камни гравия.

— Зачем?

— У тебя свои дела, у меня свои. Если не хочешь, чтобы я все рассказал Лонгвею, ты дашь мне денег.

— Хорошо. Я отдам тебе половину от моей доли. Но не жди, что я к тебе присоединюсь.

В его словах сквозит отвращение. Я понимаю, насколько ужасно прозвучало мое требование. Часть меня хочет рассказать Дею о том, кого я ищу. Почему живу в этом вонючем лабиринте. Но между нами все так же плотно висят секреты. Моя тайна связывает меня. Дея связывает его тайна.

Он направляется к лестнице. Даже не пытаюсь его остановить.

Все меняется. Капли становятся тяжелее. Кусаются. Гул бури растет и набухает. Все вокруг становится белым.

Град. Он ревет и царапается. Гремит по крыше. Песни соловьев перешли в визг. Растения в горшках все побиты. С веревок, словно осенние листья, падает одежда.

Сгорбившаяся фигура Дея становится нечеткой, когда он бежит все дальше к лестнице. Воздух между нами превращается в размытый туман. Он похож на мельтешащий экран телевизора.

Но я вижу, как прежде чем исчезнуть, Дей замирает. Он кричит сквозь грохот падающего льда:

— Работа через два дня! Встретимся там!

А потом он исчезает. Мне тоже пора уходить. Пока не явились лакеи Куена.

Град усиливается. Белый, режущий. Он падает такой плотной стеной, что мне не видно

Дальний город. Я даже не вижу лестницу Дея. На краткий миг мне кажется, что я вообще нахожусь не в этом городе. Я одна. Снова и навсегда. Воздух вокруг меня жестокий и вольный.

Дей. Ощущение безопасности. Все это неважно. Не за этим я здесь. Не за этим пытаюсь выжить.

Я пройду через эту бурю. Я найду свою сестру.

Мей Юн

Юноша за окном выглядит уставшим. Как только он появился, я тушу фонари, чтобы отчетливее видеть его лицо. Щеки и вздернутый нос подернулись краской — смесью влаги и холода. Темные глаза блестят от воды, а кожа под ними серее, чем обычно.

Но от его вида у меня все равно захватывает дух... так бывает, когда от пара, направленного на холодную кожу, возникает покалывание. Похоже на панику, но только сильнее. Оно сокрушает все: обещание посла, синяки на моем бедре, зубоскальство членов Братства. Есть только парень и его ракушка. Я и мой раскрашенный потолок. Моя хрупкая ваза с цветами.

— Я сделала то, о чем ты просил, — говорю я, хотя и не планировала. В течение нескольких часов я взвешивала имена. Риск. И более мне это не казалось какой-то мелочью.

Парень тяжело дышит. От его дыхания образуются облачка пара, напоминая мне о том тумане, что собирался на рисовых полях во время волшебного предрассветного часа. На мгновение он становится таким густым, что я почти вижу парня. Он собирается за моим окном, скатывается вниз, словно слезы.

— Сегодня утром мне бы не помешали хорошие новости, — говорит он через окно из воды и тумана. — Я устал.

— Слишком много восходов?

— Недостаточно, — отвечает он.

Моя рука покоится на оконной решетке. Чувствуется, как от стекла идет прохлада, извивается вокруг прутьев. Сквозь щели заползает зима: медленно, спокойно, гнетуще.

У парня возникают такие же ощущения. Он весь дрожит под черной толстовкой. Она промокла насквозь, как все те тряпки, которые я использовала, чтобы очистить раны Джин Линь. Неудивительно, что его зубы стучат.

Хотелось бы мне иметь возможность открыть окно. Не только для того, чтобы забрать ракушку или ощутить капли дождя на коже. Мне хотелось бы дотронуться до парня, отдать ему чуть-чуть тепла, что заполняет мою комнату и заставляет меня потеть.

Еще одно неисполнимое желание.

Но если я не могу поделиться с ним теплом, я могу назвать ему имена. Попытаться вернуть улыбку на его лицо. Если он такой симпатичный, когда хмурится, даже представить не могу, какой он, когда на его лице появляется настоящая, искренняя улыбка.

— Прошлой ночью здесь было десять мужчин. Ну и Лонгвей. — Это имя ложится на язык худшим из грехов, но я все равно его произношу, а парень даже не дрогнул. — Они не всегда пользовались именами. Я слышала только четыре.

Парень не улыбается, но и не хмурится. Он смотрит на мои пальцы, лежащие на прутьях решетки, словно знает, насколько отчаянно я хочу миновать окно.

— Какие именно?

— Фанг. Тот, у которого на лице вытатуирован дракон. Он каждый месяц собирает для Лонгвея дань. И в его обязанности входит разбираться... разбираться с теми, кто

отказывается платить. Они называют его Красным Полюсом.

Парень кивает.

— Продолжай.

— Люн. Он следит за наркокурьерами. Есть еще человек с золотым зубом по имени Нам. Чем он занимается, я не знаю. Его они называют Ладанным мастером.

У меня в желудке поселяется беспокойство от воспоминаний опиумного дыма, от которого несколько часов назад у меня разболелась голова.

Я не должна этого делать, могу отказаться. Притвориться, что ничего не было. Что я никогда не мечтала снова встретиться с сестрой. Поехать на море. Я могу сидеть и ждать, а потом сказать послу Осае "да".

От этих мыслей я вынуждена прислониться к кровати. Бедро охватывает болью от воспоминания того, как его сжимала рука посла.

— Фанг. Люн. Нам, — считает имена парень. Его три пальца загибаются к рукаву. — Кто четвертый?

Моему зачерстневшему телу как-то тяжело дышится. Я смотрю на его пальцы, белеющие в холодном воздухе, будто оленьи рога. Они все в грязи, костяшки пальцев в ссадинах, острые ногти. Представляю, как они держат мою ракушку: бережно, словно внутри все еще есть жизнь, которая строит комнату за комнатой.

Эти пальцы никогда не оставят синяков.

— Чунь Кит, — задыхаясь говорю я. — Последнее имя, Чунь Кит.

— Хорошо, — отвечает парень. — Все верно.

— Ты... ты знал? — В горле от переизбытка чувств, словно раздувается шар.

— Да, — кивает парень. Его черные как вороново крыло волосы, словно перья падают на щеки... смягчают углы. — Я проверял тебя, чтобы понять, сможешь ты достать информацию или нет. Ты отлично справилась.

— Значит остальные шесть имен... они тебе не нужны?

— Нет, нужны. В каком-то смысле. — Парень закусывает губу, что он, вероятно, делает довольно часто, потому что кожа в том месте сухая. — Скажи, а учетная книга там была?

— Учетная книга? — объемные и неуклюжие слова скатываются с языка.

— Вероятно, она похожа на большую тетрадь, — объясняет парень. — Она состоит из чисел и имен. Официальные записи о бизнесе, который ведется Братством.

Я возвращаюсь на встречу и вспоминаю про алую книгу, что лежала у хозяина на коленях. Она вся была исписана чернилами.

— У хоз... Лонгвея была книга. Он туда что-то писал.

— Ты видела, как он туда что-то записывал?

— Да, — я замолкаю, чувствуя, как от стыда горят щеки. — Но я... я не умею читать.

— Все нормально, — мягко говорит парень. — Книга... куда Лонгвей ее положил, когда собрание закончилось?

— Я... — Мой голос затухает, когда я мысленно возвращаюсь на встречу. Мужчины не задерживаются. Большинство из них сразу же выходит в коридор. Некоторые идут в комнаты девочек. А Лонгвей... Напрягаюсь, пытаюсь вспомнить, куда делся хозяин после встречи. Я была слишком занята тем, чтобы запомнить все имена. — Я не помню. Наверное, отнес в свой кабинет.

— Кабинет?

— Он на втором этаже. Мне кажется. Я никогда там не была, — говорю я.

— Как думаешь, сможешь узнать? Что бы уже наверняка?

Выведать имена — это одно. Но рыться в кабинете хозяина... эта игра — риск. Желудок ухает вниз.

Он, вероятно, видит, как мои мысли отражаются на лице, поэтому не ждет моего ответа.

— Слушай, я понимаю... То, о чем я прошу, очень опасно. Но я бы не просил, если бы у меня был выбор. Но его у меня нет. Мне нужна твоя помощь.

Нужна. В его голосе сквозит неподдельное отчаяние.

— Почему?

— Потому что каждый день, просыпаясь утром, я мечтаю о другой жизни. И это единственная возможность ее заполучить. Единственная возможность вернуться домой. — В голосе такие же ссадины, как и на костяшках. От этого мои руки лишь крепче сжимают решетку.

Дом. Это слово разгорается в груди, словно раскаленные угли. Я хочу впитывать зелень рисовых полей и далекие склоны гор. Я хочу найти и сестру и крепко ее обнять. Я снова хочу смотреть на звезды.

— Мы... мы не должны думать о доме. Это больно ранит. — Судя по тому, как парень смотрит на меня, когда я это говорю, я вижу, что он меня понимает. Та же горько-сладкая лихорадка охватывает грудь. — Но я все равно тебе помогу.

— Откуда ты родом?

— Я выросла там, где много риса. И гор. Стада оленей прыгают сквозь утренний туман, будто рыба в воде. — Я замолкаю, понимая, что отошла от своих же убеждений. — Но это все не имеет значения. Я не могу вернуться. Мой отец... он просто продаст меня снова.

Взгляд парня становится жестким. Вижу, как ходят его желваки.

— Это твой отец сделал?

— Я была не слишком-то полезна в хозяйстве. Рис рос плохо. Мы голодали.

Неприятно, что мне приходится оправдывать отца. Человека, оставившего после себя такое количество пивных крышек, что и не сосчитать. Мы голодали, но он напивался. Я знаю, он давным-давно пропил все деньги, что выручил за мое тело.

— Это не причина... — Парень замолкает. Я знаю, он хотел что-то сказать, что-то пылкое, огнеопасное. Но он держит это при себе. Оставляет гореть внутри. — И куда ты отправишься? Когда выберешься оттуда?

Я не знаю ответа на его вопрос. Мой взгляд падает на ракушку. Ищу в комнатах своей души, что бы ему сказать, но все пусто.

Он следует за моим взглядом к ракушке и находит ответ за меня.

— Я знаю, ты хотела увидеть море.

Его рука упирается в стекло с обратной стороны от моей. Так близко. Нас едва ли разделяет дюйм. Я на мгновение закрываю глаза, притворяясь, что между нами нет ни металлических решеток, ни холода.

— Я тоже хочу, чтобы ты его увидела.

Мои веки поднимаются, и парень оказывается все еще на месте. У него бездонные глаза, которые набиты ночными звездами. Если присмотреться, то я увижу в них свое отражение. Крошечное, дрожащее созвездие. Какое однажды нашли мы с Джин Линь.

— Я постараюсь, — шепчу я. Найти учетную книгу. Увидеть море.

От его улыбки отражение в глазах, там, где я, растягивается. Взгляд лучится. Таким словом обычно Вень Ки описывает солнце на воде. Интересно, похожи ли они: взгляд и

отблеск солнца.

Голова парня резко поворачивается в сторону, словно он слышит вдалеке свое имя. Его имя. Мне оно все еще неизвестно. Я его не знаю, но чувствую себя с ним гораздо ближе, чем со всеми теми клиентами, что лежали на моих простынях.

— Я должен идти. — Его тело приходит в движение. — Через пару дней вернусь.

— Подожди. — Прижимаюсь щеками к прутьям решетки. — Я даже имени твоего не знаю.

Он замирает на полушаге, его нога парит над сломанными ребрами бутылки из-под рисовой водки.

— В другой раз. Как только назовешь свое.

А потом он исчезает. Остается лишь наutilus, слезы дождя на окне, да мои пальцы, все еще прижатые к решетке.

Джин Линь

Град не утихает. Сквозь окна и трубы утекает тепло. Проглатывает гранулы до того, как они достигают земли. К тому времени, когда я подхожу к лестнице, ощущаю невероятное тепло. Это чувство исчезает, когда раздается голос.

— А я все гадаю, когда же ты, наконец, спустишься.

Мои пальцы замирают на последней ступеньке. Застряли. Все мышцы спины напрягаются.

— Большого парня нет, как и его пистолета, ты, маленький кусок дерьма. Он давно ушел. — Слышу насмешку в голосе Куена. Она сочится из каждого его слова. — Только ты и мы.

Лакеи Куена, должно быть, успели его найти и рассказали, где я.

Я разворачиваюсь и прыгаю. Приземляюсь на корточки, словно паук.

Он прав. На улице только мы: я и Куен. На его лице все еще видна корка засохшей крови. Она старая, потемневшая. Похожа на татуировку дракона. Завивается и закручивается вокруг фиолетового носа. Рот — единственное не опухшее место без синяков. И он все так же скалится. Видны сверкающие, но желтые зубы.

Но потом я вижу, что он держит в руке, и моментально забываю про его уродливое лицо.

Кма сражается, комок серого меха отчаянно извивается. Кулак Куена сжимается крепче. Мой кот рычит. Низкий звук. Все кончено. Я его слышу, и мой желудок сжимается.

— Отпусти его.

Как только я произношу эти слова, понимаю, что зря. Они с дрожью пролетают по улице. Выдают мою слабость.

Куен выплевывает какое-то слово, очень похожее на "паразит". Перехватывает Кма за шкуру. Мой кот воем, царапается, изворачивается, но Куен держит его на вытянутой руке. Будто это мешок мусора. Свободной рукой он вытаскивает из-за пояса нож. Чистая, блестящая угроза.

Я начинаю двигаться, но нахожусь слишком далеко. Я не успею.

Нож Куена быстр. Вспышка. Злобное рычание Кма перерастает во что-то похожее на человеческий крик. Он кромсает воздух, разрывает мне грудь.

У меня нет шансов. Я маленькая и совершенно одна. Здесь, по всей вероятности, около десятка человек из его банды, у всех ножи. Они прячутся в темноте. Но я не останавливаюсь.

По всей видимости, Куен ждал, что я остановлюсь или развернусь. Он не готов к тому,

что мое тело врезается в него. Сбиваю его с ног, опрокидывая нас обоих на землю. Но даже сейчас я не готова. Я состою из ярости и импульсов. Мои кулаки попадают куда попало. Но это не идет ни в какое сравнение с ножом Куена.

Да и, как большинство парней, он сильнее меня.

Куен хрюкает и перекачивается на бок. Я слетаю с его груди. Мое правое плечо тяжело бьется о бетон. Где-то в этом хаосе я слышу крики Кма. Он все еще жив. Жив, но бьется в агонии.

Теперь Куен оказывается сверху: груда мышц и фиолетовой плоти. Уголкем глаз замечаю отблеск его ножа. Он выпачкан в крови Кма. И он падает, скользит по воздуху прямо между нами. Направляется к моему горлу.

Многие годы, проведенные по соседству с кулаками отца, научили меня уворачиваться. Уклоняюсь. Металл рисует тонкую огненную линию на моей шее. Боль кипящей водой ошпаривает кожу. Мой левый кулак взлетает и врезается в сломанную нежную носовую перегородку парня.

Куен визжит и падает на меня. Я откатываюсь как можно дальше. Встаю в самом конце переулка.

Появляются остальные мальчишки. Я ждала, что они буду в ярости, но не вижу в их глазах злости Куена. Мой взгляд перелетает между ними, я ищу Бона. Но его среди них нет. Остальные выглядят встревоженными, глядя на то, как их вожак поднимается на ноги. Со звериным рыком он идет на меня.

Порез на шее пульсирует. От этого проясняется голова, а ярость испаряется. Я отпрыгиваю в сторону. Где-то между прыжком и болью я замечаю Кма. Он свернулся на куче хлама. Его красивая пушистая шерстка вся покрыта красным. Не могу понять, где у него рана, но когда он двигается, я ее вижу.

Его красивого пушистого хвоста больше нет. Остался лишь окровавленный обрубок.

Моя первая мысль: он жив. Мое первое действие: достать нож.

Второй раз уклониться от Куена не получится. Он ослеплен отчаянной яростью, вызванной болью, и идет, широко расставив руки. Нет места, чтобы я могла шагнуть в сторону, и я прекрасно осведомлена о его приспешниках за своей спиной. Выхода нет.

Мои икроножные мышцы натянуты, как пружина. Тело легкое и невесомое, будто перышко. Все вокруг замедляется. Я вижу каждую деталь на этой грязной улице. Щербину вместо второго зуба у Куена. Размокшие окурки вкупе со шприцами и разбитыми бутылками. Тараканов, бегающих по заплесневелой стене. Кма, вялого, будто выброшенный шарф. Его желтые глаза наполнены болью.

А потом все это исчезает. Размывается от моего рывка вперед. У Куена жесткая, как доска, грудь. Врезаюсь в него. Он вздрагивает и делает шаг назад. За что-то зацепившись, Куен летит на землю.

Когда мы падает, в тело впиваются острые осколки стекла, удары и ногти. Мой нож бьется в конвульсиях, пытаюсь попасть куда угодно. Его клинок тоже сверкает. Свистит по воздуху. Признак смерти.

В боку взрывается жгучая волна тепла. Слишком тихо. Я отрываю рот и кричу, кричу, кричу.

Все кончено. Только об этом и могу думать. Нож Куена во мне, пилит сухожилия и кости. Высекает путь для моей крови. Боль просто ужасна. Она повсюду. Жду, когда она закончится. Я хочу, чтобы мой противник вытащил его и ударил снова. Чтобы все

закончилось.

Но боль больше не появляется. Остается только уже нанесенная рана: она расцветает огнем и находится где-то у меня под рукой. В глазах все мерцает: размытое, нечеткое. Если бы я могла облечь свой крик в слова, я бы молила о пощаде. Почему он его никак не вытащит?

Оглядываюсь и вижу причину.

Куен лежит рядом со мной. Из рта течет кровь, застывшие глаза открыты. Из его груди торчит мой нож. Видна только рукоять.

Мой взгляд тускнеет. Цвета становятся бледными. Красное, серое, черное. Все закручивается. Носится кругами. Пока не остается только тень. Тьма приходит ото всюду. А потом нет и ее. Даже боли больше нет...

Дей

Засовываю руки в карманы и иду. Подальше от окна. Подальше от нее. Зубы все еще стучат после посиделок на крыше. Я сидел там, промокнув и замерзнув, и ждал падения, которое так и не случилось.

Мои ноги сейчас ступают по твердой земле, но у меня такое ощущение, что их засасывает. Или просто меня затянуло. Глаза девушки цепляются за меня так же, как руки Джина за толстовку. Все умоляют сказать им правду.

Не знаю, как долго я еще смогу им врать. Правда догоняет меня. Особенно, когда я за окном... говорю о доме, своих нуждах и желаниях.

— Дей!

Значит мне не померещилось. Кто-то звал меня по имени, пока я торчал у окна. Кто-то искал меня, выкрикивая этот слог.

— Дей! Дей!

Нахожу источник голоса — мальчишка жмет к пустой ручной тележке. Мне хватает нескольких секунд, чтобы узнать его птичье лицо. Один из самых юных бродяг в банде Куена... тот, кого чуть не зарезал Джин.

— Да.

Парень выглядит напуганным. Когда я делаю шаг вперед, он отступает, втянув голову в плечи.

— Твой друг. Джин. Он попал в беду.

Внезапно я уже не чувствую холода. Кожа под толстовкой пышет жаром. Рука скользит к свинцовой тяжести пистолета.

— Что?

— Куен... он убьет меня, если узнает, что я тебе все рассказал, — взволнованно фырчит парнишка. Его костлявое лицо покрывается странным цветом. Он с трудом выговаривает следующие слова: — Но мне... Джин нравится. Я не хочу, чтобы он умер.

Что-то в том, как он разговаривает, заставляет меня понять, насколько он еще мал. Начальная школа. Должен учиться складывать и вычитать. Гонять мяч с друзьями во время перемены.

Даже посмотрев на него, могу сказать, что он слишком юн. Слишком добр. Он еще не выучил правил выживания на улицах: идти, опустив голову, и позволять людям умирать. И неважно, насколько сильно они вам симпатичны.

И сейчас я этому несказанно рад.

— Они ждали, когда он спустится с крыши, когда я побежал за тобой, — продолжает

Бон. — Куен очень зол. По-настоящему зол.

Вот черт...

— Где? — Мне не нужно никаких доказательств. Не после того, как я увидел, что тот изверг сделал с Ли. — Отведи меня туда. Немедленно.

Бон исчезает в ближайшем узком переулке, где может поместиться только ласка. Пот на моем лице смешивается с дождем, пока я бегу за ним следом. Парень шныряет и закручивает такие повороты, которые подвластны не каждой уличной крысе. Наконец он останавливается на углу улицы, оканчивающейся тупиком. Огромные ониксовые глаза Бона молчаливо указывают мне путь.

Делаю шаг с пистолетом наготове. Вижу сборище и слышу удивленные голоса банды Куена. Меня пронзает острое ощущение того, что я опоздал.

— В сторону!

Слово, которое я кричу, действует быстрее пули. Ребяшня рассыпается, становясь размытым пятном из одежды и ножей. В сторону, в сторону... исчезают в тени переулка.

Земля под ногами окрашена в красный. Лужи, которые когда-то были коричневыми, потемнели. Десятки ручейков крови стекают по бетону и похожи на корни, ищущие благодатной почвы. Они тянутся ко мне ночным кошмаром.

На мгновение я забываю, как дышать.

Джин кажется таким маленьким. Он свернулся на боку, бледный и неподвижный. Вся его одежда покрыта алым, так что мне сложно определить, откуда идет кровь. И дышит ли он вообще.

В том, что Куен мертв, сомнений нет. Он лежит, словно рыба, выброшенная на берег, его рука все еще тянется к ножу.

Кровь. Кровь повсюду. Ботинки почти прилипают к полу. Едва не роняю пистолет, вставая на колени рядом с Джином. Переворачиваю его.

Все становится зыбким. Тени, словно языки пламени, мелькают в уголках глаз. Воспоминания той ночи, которая все изменила, становятся зеркальным отражением. Слишком трудно даже глотать. Кровь. Холодный привкус смерти в воздухе. Моя рука сжимает пистолет. У моих ног три изломанных тела. Три обвинения в убийстве висят на моем имени. Три причины, по которым я не могу уйти из Хак-Нам.

Но это другое. Это здесь и сейчас. И в этот раз парень еще жив.

Руки становятся малиновыми и липкими. Опускаю взгляд на Джина. Слишком много крови. Очень много. Как в моих снах. Если даже она не вся его. Он еще может быть жив, но это ненадолго. Если я ничего не сделаю.

В Хак-Нам нет врачей, которые возьмутся за что-то столь серьезное. Аптекарь, продающий сушеные грибы и порошкообразные акулы плавники, вряд ли сможет зашить ножевую рану. А все содержимое моей аптечки просто утонуло бы во всей этой крови. Все, что нужно Джину, находится за пределами Старых Южных ворот. За границей ржавых пушек. В землях закона и справедливости. Там, куда мне дорога закрыта.

"Избавься от парня. Он тебе больше не нужен".

Цанг прав. Не похоже, что после такого Джин сможет работать, за эти оставшиеся десять дней он не оправится. Сейчас он для меня совершенно бесполезен. Я должен просто встать и уйти. Оставить этого сломанного, раненого парнишку позади. Выкинуть из зоны видимости, выкинуть из головы.

Но они никогда не уйдут оттуда, не так ли? Мой брат, Ли и девушка с волосами, что

волоклись по полу... их лица являются мне во снах, как и их последние слова, шепот. Словно в этот момент только они имеют значение.

Мой брат: "Ты хороший человек".

Ли: "Пожалуйста, не бросай меня!"

И девчонка, чей побег не удался. Лишь тишина.

Опускаю взгляд на Джина и замечаю, как заострилось его бледное лицо. Как мрамор. Молчаливая девчонка, которую тащили. Подобна смерти.

Я не могу спасти их всех. Но Джин... Джин особенный. И мне кажется, я не смогу вынести присутствие еще одного призрака.

Когда я подсовываю руки под тело Джина, мне кажется, что мое мне не принадлежит. Пальцы обжигает горячая кровь. Внутренности скручивает от солоноватого запаха железа.

Мои мысли возвращаются с бешеной скоростью, стараясь не уплыть никуда, пока я прижимаю к груди парнишку, пытаюсь не потревожить нож, все еще торчащий у него из бока. Джин легче, чем я думал. Почти невесомый. Неудивительно, что он такой быстрый.

Старые Южные ворота забиты людьми, которые в эти утренние часы заняты своими делами. Они снуют туда-обратно в Хак-Нам, волосы мокрые, на плечах лежат гранулы града. Буря утихла, когда я ушел с крыши. Крупинки, по размеру не больше брызг что остается от теста, покрывают улицы и переулки, будто глазурь — торт. Их слой такой густой, что они становятся похожи на сугробы.

Придерживаюсь края улицы. Большинство людей даже не удостоивают нас своим вниманием. Те, кто смотрят, хмурятся, но идут дальше. Окровавленные бродяги... статус-кво Хак-Нам.

Пушки стоят на месте, дразня меня ржавчиной и незримыми барьерами. Видение наручников и пожизненного заключения. Мне нельзя останавливаться. И я не останавливаюсь. Делаю глубокий вдох, чтобы набраться мужества, и продолжаю идти мимо древнего арсенала. Прохожу под деревянной двускатной крышей и наступаю на свежее белое покрытие.

Мне казалось, это будет несколько иначе, ведь я впервые вернулся в свой родной город. Свое возвращение из изгнания я представлял иначе: оно должно было быть оглушительным. А не таким тихим и незаметным.

Теперь, выйдя из Хак-Нам, я стою и не знаю, что делать. Падают последние шарики града, и я понимаю, что жду кого-то, кто меня остановит. Раньше я не планировал зайти так далеко.

Отнести Джина в больницу я не могу. Будут задавать слишком много вопросов, слишком громоздкая бюрократия и бумагомарательство. Парень истечет кровью до смерти, прежде чем они что-то сделают. К тому же, существует вероятность появления копов (искушать судьбу — это одно, а идти им прямо в лапы — несколько другое).

Есть только одно место, куда я могу пойти. Туда, где оба мы будем в безопасности. По крайней мере, в некоторой безопасности.

Водителем такси, которое я останавливаю взмахом руки, оказывается седой старик в широких уродливых очках. Он смотрит на меня, словно сова, а его глаза округляются, когда он видит, что я держу.

Мне удастся вытащить пачку денег. Увесистую пачку. Это мое месячное жалованье... значит никакой еды и квартиры. Здесь намного больше, чем он может заработать за целую неделю.

— Никаких вопросов. — Я машу перед ним банкнотами. — Вы знаете, где находится Тай Пинг Хилл?

Глупый вопрос, поскольку все жители Сэнг Нгои знают, где находится самый богатый район города. Но я склонен задавать глупые вопросы в тот момент, когда держу на руках умирающего человека.

На краткий миг водитель выглядит так, словно вот-вот упрет в пол педаль газа и унесется прочь со всей возможности мотора своего автомобиля. Но его глаза вцепились в пачку наличных. Стопка казенной бумаги достаточно объемна, чтобы убедить его этого не делать.

— Адрес какой? — машет он мне, приглашая внутрь и пытаясь не замечать, как много крови выливается на его кожаные кресла.

— Пятьдесят пять. — Перебрасываю деньги на переднее сидение и опускаю взгляд на Джина. Его кожа такая же мертвенно-бледная, что и град. Хотя и с трудом, но чувствую, как вздымается его грудь. Вверх. Вниз.

Таксист что-то бормочет себе под нос, но я не могу разобрать слов из-за включенного радио. Из колонок льется шелковый женский голос, сообщающий, что за последнее десятилетие это самая холодная зима в Сэнг Нгои. Пока колеса такси несут меня в Тай Пинг Хилл, слушаю ее рассказ, за которым следует песенка популярной певицы.

Когда я думаю об этом месте, мне представляется лето. Яркими пятнами врывается гибискус: красные, желтые и белые линии, выстроившиеся вдоль дороги, ведущей на холм. На обочине такие густые заросли вечнозеленых растений и бамбука, что можно представить, будто ты находишься в лесу, а не на холме в самом центре мегаполиса. Думаю о цикадах, о том, как они цеплялись за коричневые сосновые ветки и трещали ночи напролет.

Я так увлечен своими видениями, что вздрагиваю, когда машина останавливается. Сквозь запотевшее окно вижу ворота. Они выглядят точно такими же, как я помню. Железные шипы в окружении каменных колонн. В количестве пятидесяти пяти штук.

Такое ощущение, что град разрывает мне грудь. Это место, кажется, совершенно не изменилось. За время моего отсутствия все осталось прежним. Но что-то кажется другим... Словно эти решетки призваны не пустить меня внутрь.

— Выходить собираешься? — почти кричит таксист, и я возвращаюсь в реальность. Моя толстовка промокла насквозь от крови, которая принадлежит Джину и не только ему.

Выбираясь из машины, чувствую, как ноют руки под весом тела. Словно внезапно за время поездки оно потяжелело фунтов на тридцать. Таксист срывается с места, из-под колес летит гравий и град.

Склоняюсь над кнопками, надеясь, что код замка не сменили. От моего указательного пальца остаются кровавые мазки. Но я слышу звуковой сигнал и щелчок. Ворота раскрываются. Оставляя розоватые следы, прохожу через них прежде, чем они полностью откроются.

Вокруг особняка все белое и неподвижное, отчего пейзаж похож на кадр из фильма. Дом слишком большой, слишком идеальный со своей керамической черепицей и высокими стенами. Усиленно моргаю, пока иду по широкой извилистой террасе. Жду, что в любую минуту дом может исчезнуть.

Мне даже не приходится стучать. Двойная дверь широко распахивается. Мужчина, стоящий за дверью, теперь выглядит старше и внушает уважение. В его волосах появилось куда больше седины с тех пор, как я видел его в последний раз стоящим на этой же террасе.

— Дей Шинь!

Его взгляд смещается на Джина, лежащего у меня на руках. Кожа бледнеет и становится такой же, как мел. Так он выглядел в ту ночь, которая все изменила.

— Здравствуй, отец.

* * *

Вода обжигает, падая на мои руки, и жжет между пальцами. Кровь Джина смывается в мраморной раковине: сначала ярко-алая, потом бледнеет и становится розовой. Наблюдаю за тем, как она, закручиваясь, исчезает, и после нее остается лишь белизна. Словно так всегда и было.

Ванная выглядит абсолютно так же, как раньше, — деревянные полы и перегородки из рисовой бумаги с древней каллиграфией. Здесь ничего не изменилось: ни коридор, ни комнаты, ни сад камней. Словно два прошедших в Хак-Нам года были лишь страшным кошмаром.

Опускаю взгляд и понимаю, что все еще держу руки под обжигающей струей воды. Когда я вытаскиваю их, кожа розовая. Руки трясутся, будто листья момидзи, попавшие в осенний шторм.

Стягиваю с себя толстовку, она все еще тяжелая от невидимой крови, и аккуратно держу на весу. Все вокруг такое чистое. Или это я слишком грязный. Оставленные мной на деревянном полу розовые следы говорят о последнем.

В конце концов кладу толстовку в раковину, где из крана все еще течет вода. Вокруг одежды бурлит вода, такого же цвета, как те конфеты из корицы, что давал мне дед, когда я был мальчишкой.

— Дей Шинь?

Оглядываюсь на раздвижную дверь. Ее медный замок блестит невероятно ярко... такого блеска в Хак-Нам не встретишь.

— Неужели это и правда ты?

Голос за дверью принадлежит моей матери. У нее такой же акцент, как у Осаму, но с ее губ он слетает гораздо мягче. Если я закрою глаза, смогу представить ее лицо: идеальные брови выгнуты дугой, словно сам мастер каллиграфии вывел их на коже; щеки бледные и напудренные; губы покрыты помадой цвета изысканного темного вина. Она обязательно будет их кусать, как делает всегда, когда нервничает.

Тянусь к щеколде, позволяя двери распахнуться. Вот и она, мама, какой я ее помню. Она заходит в освещенную ванную, и я замечаю следы, оставленные временем. Черные волосы — это подделка, созданная химическим красителем. Только пристально ее рассмотрев, я понимаю, что два года действительно прошли.

— Ох, Дей Шинь, ты дома.

Ее голос полон трагизма, но и света. Она протягивает тонкие руки. Они куда тоньше, чем я помню: кожа, кости да голубоватые вены, похожие на улицы.

Я уклоняюсь от ее объятий:

— Нет... не трогай меня.

— Но...

— У меня... здесь кровь, — слетает с моих губ объяснение.

Ее взгляд опускается вниз, как будто она впервые видит на мне окровавленную

футболку. И шрам. Все еще там, всегда там. Выпуклый и яркий. По ее лицу проходит дрожь, ложится на губы. Я знаю, она думает о той же самой ночи, что и я. Тогда на моей рубашке крови было в десять раз больше. И только часть была моей.

— Это не имеет значения, — шепчет она. Ее руки оборачиваются вокруг меня, окровавленного, запятнанного. — Ты же мой сын.

Единственный оставшийся... Проглатываю эту мысль и думаю о том, что вот-вот испорчу ей блузку от Гуччи. Естественно, когда она отстраняется, на белом шелке остаются мокрые розовые разводы.

Она, похоже, их даже не замечает. В глазах матери стоят слезы, пока она меня разглядывает.

— Почему ты вернулся?

Не об этом она на самом деле спрашивает, ведь ответ очевиден. Он брызгами лег на мою рубашку и растянулся в гостевой комнате, пытаюсь не истечь кровью. Чего моя мама не может понять, что она хочет знать, — почему я так сильно рискую.

Не думаю, что смогу ей объяснить. Отчасти потому, что не смогу облечь мысли в слова, но по большей части потому, что сам не уверен. Утренний адреналин исчез, прихватив за собой всю яркость операции спасения.

Единственно, что знаю наверняка, — я не мог бросить Джина умирать. Я не такой безжалостный преступник, каким считает меня Цанг, каким я хотел казаться. Еще один труп на свой счет я записывать не стану.

— Доктор еще здесь?

Я понятия не имею, сколько времени провел в этом запотевшем туалете.

— Он сейчас с парнем.

— Хорошо.

— Схожу, принесу тебе одежду из твоей комнаты. — Мама выскальзывает за дверь, приоткрыв ее немного. Пар выходит наружу, напоминая мне, что мир снаружи чист. Холоден. — Попрошу Эмио, чтобы принесла тебе чая.

Она уходит прежде, чем я успеваю ответить. Прежде чем мне удастся напомнить ей, что моя старая одежда не подойдет. Слишком много времени прошло, слишком большое расстояние отделяло меня от этого места.

Это откровение эхом проходит через меня. Прячется в каждом углу каждой комнаты, которую я пересекаю. Я изменился. Я больше не принадлежу этому месту. Это не мой мир.

Теперь это Хак-Нам. Все годы, проведенные на краю крыш, стоя там и глядя вдаль, я страстно желал, тосковал и тянулся к этому месту. Или же я так думал.

Возвращение домой — это не ответ на вопрос. Это не приносит мне покоя.

Так что для меня есть свобода? Освобождение? Что может меня излечить?

Дверь в гостевые апартаменты зарыта. Эмио уже стерла кровь. Пол еще влажный и скользкий. Никогда до Хак-Нам не знал, как пахнет чистота, но теперь я не могу не обращать внимание на острый запах химии, ударившей мне в нос.

Стою в последнем оставшемся мокром пятне и прислушиваюсь. Слова, звуки... хоть что-нибудь, что скажет мне, жив мой друг или умер. Мои уши вознаграждаются смесью шагов и резких приказов. Ничего не могу разобрать, они перемешаны, наполнены терминами, которых я не понимаю. Не могу стоять неподвижно, так что начинаю ходить кругами по гостиной. Пальцы тревожно барабаниют по темным пятнам на моих джинсах.

Мама с чистой одеждой так и не возвращается. Зато через какое-то время появляется

Эмио. В ее умелых руках балансирует поднос с зеленым чаем.

— Мастер Дей, — прочищает она горло, и чашки дребезжат. Этот набор мама привезла из своей страны. Его обожгли в печи и разрисовали кувшинками и цветущим лотосом.

— Пожалуйста, просто Дей, — поправлю я. Даже когда я был моложе, обращение "мастер" мне не нравилось. Сейчас это похоже на абсурд.

Эмио просто улыбается, словно ей лучше известно, как правильно, но она не осмеливается высказать это вслух.

— Ваша мама передала.

Подмышкой у нее зажата одежда. Белая рубашка на кнопках и брюки. Явно принадлежащие моему отцу.

Горничная ставит поднос и протягивает мне одежду. Ее глаза ускользают прочь, и я следую за ними. Несмотря на все мои старания, взгляд снова упирается в пол.

— Спасибо, Эмио.

— Хорошо, что вы дома, сэр. — Служанка кланяется. — Мы скучали.

Она очень милая. Все здесь очень мило. Со своими объятиями, улыбками и чистой одеждой. Ведут себя так, словно ничего не случилось. Все забыто, и все простили. Хотелось бы и мне посмотреть на себя сквозь такие же розовые очки.

Эмио спешит прочь из комнаты, прежде чем я успеваю что-то ответить. Наконец я позволяю себе выпрямиться и стою, сжимая в руках дорогую рубашку. Я уже собираюсь натянуть ее, когда дверь отъезжает в сторону. Мужчина, стоящий в дверном проеме, кажется мне знакомым — доктор Кван, наш семейный врач. Рукава его рубашки закатаны выше локтя. Остальная часть одежды окрашена почти в такой же цвет, что и моя.

Доктор Кван замирает прямо передо мной, топчась на месте некоторое время. Потом спрашивает:

— Где ваш отец?

— Я не знаю. — Я не видел его с тех пор, как он бросился к телефону, чтобы позвонить доктору Квану. Но прямо сейчас меня это мало волнует. — Как Джин?

Он вздыхает, как будто его тяготит мой вопрос.

— Ей лучше. Потеряла много крови, но я ее остановил. Важные органы нож не задел. Разрез чистый. Я уже позвонил в больницу, чтобы привезли несколько пакетов с кровью. Ей необходимо переливание.

— Хорошо. Я... — Меня догоняет местоимение, которое употребил доктор. Оглушает, ударив по черепу. — Ей?

Понимаю, что у меня отвисла челюсть, старательно закрываю рот.

Ей. Она. Мне требуется минута, чтобы это осознать.

Не может быть...

Возможно, я сказал это вслух или доктор прочитал на моем лице.

— Ты не знал? Она приложила много усилий, чтобы это скрыть. Но, да. Она однозначно принадлежит к женскому роду.

Джин — девчонка.

А я-то думал, что единственный, у кого есть тайны.

9 дней

Мей Юи

Не могу уснуть. Каждая клеточка, каждый мускул моего тела никак не расслабляется, все еще цепляясь за оконные мысли. Когда парень ушел, мой разум ушел вместе с ним,

рассекая воображаемые улицы, ведущие к дому.

Я бегу по грунтовой дороге мимо полей яркой и зеленой травы, как бутылка из-под спиртного. Мимо бродячих псов, выпрашивающих у фермеров комки сухого риса. Мимо далеких фиолетовых гребней гор. Обхожу отца с мокрой от пота спиной, согнувшегося и стоящего по колено в мутной воде рисового поля. Обхожу маму, развешивающую белье на дереве, ее руки покрыты пятнами синяков. Иду до тех пор, пока не дохожу до сестры, чтобы мы могли воссоединиться. Как она и хотела.

Отправлюсь ли я домой, если найду способ выбраться из этой комнаты? Или поеду посмотреть на море? Бесконечные возможности пугают, как и его глубины. От мысли о том, чтобы оказаться во внешнем мире одной, перехватывает дыхание.

Но буду ли я одна? Есть парень, который сказал: "Я тоже хочу, чтобы ты его увидела". Что-то в его голосе, его глазах заставляет меня думать о том, что я не единственная, у кого внутри разгорается пожар.

Но я не знаю. Не знаю наверняка. И чем дольше он отсутствует, тем дальше ускользают мои мысли, как будто сон растворяется в предрассветных часах.

Мое измученное тело извивается, скручивается от каждой мысли, когда раздается гул. Такой звук мог бы издавать дух... мягкий, причитающий. Он просачивается под мою дверь и зовет туда, откуда пришел.

Коридор завернут в темноту, все фонари погашены, от них не поднимается дымок. Звук (тоненький, похожий на песню) скользит сквозь щель двери Синь, просачивается через дверной замок мама-сан. За ним следует удар, словно на меня обрушивается гора.

Когда я подбираюсь поближе, плач замирает. Кто-то скребется, раздается шорох тапочек по полу, и тяжелый стук ладони по дереву сотрясает дверь.

— Пожалуйста! Пожалуйста, дайте еще, — громко кричит Синь. Слишком громко. — Я буду вести себя хорошо! Обещаю!

Замираю в коридоре, глядя на погашенные фонари. Они висят ровными рядами, неподвижные и похожие на луковицы. Пурпурные луны, собранные и развешенные на просушку.

— Еще один! Пожалуйста! — кричит Синь. — Я сделаю все, что скажете! Все, что захотите!

Дверь содрогается снова. Ярость позади нее лишь растет, как будто по ту сторону находится не девушка, а дикая кошка. Она шипит, плюется, рычит, пытаясь добраться до своих детенышей. Но детенышей здесь нет. Только я и — где-то в лабиринте темных фонарей — игла, которая только и ждет, как вонзиться в вены Синь и даровать ей несколько часов облегчения.

— Мне это нужно! — Ее рычание переливается в рыдания. — Пожалуйста!

И в этих словах я слышу все, что потеряла Синь. Независимо от того, сколько раз на спину девушки опускался ремень мама-сан, независимо от того, сколько мужчин проходило через ее кровать, Синь всегда оставалась сильной. Мечтательницей.

Мне это нужно.

Мне.

Это.

Нужно.

Слова отдаются эхом, наполняются и разбухают, проносясь по узкому коридору. Они такие громкие, что я не слышу шагов Фанга. Он, словно ночной кошмар, нависает надо

мной, от него падает длинная тень. У него в руках шприц, а губы изогнуты в ухмылке. Глаза темные-темные, словно угольки, которые мама обычно вываливала в мусор за нашей хижинкой.

Мое тело дрожит в ожидании его крика или резкой пощечины, но Фанг не делает ни того, ни другого. Он просто некоторое время меня разглядывает. Темные-темные глаза и дракон ничего не выдают.

— Тебе лучше вернуться в свою комнату, — рычит он.

Я подчиняюсь. Возвращаюсь в свою спальню и окну с решеткой.

Здесь нет места для грез. Нет места риску.

И там для меня места нет. Вернее, не совсем так. Как я и сказала парню, я не могу поехать домой, не увидев сестру. Там ждет отец, у которого жажда и пустой кошелек. Он снова меня продаст, а мать будет стоять в стороне и просто наблюдать, а глаза с синяками под ними наполнятся слезами.

А я даже не знаю, где находится это море. Или что я буду делать, если до него доберусь.

Посол не заставляет мое сердце петь, но мне знакомо каждое пятнышко на его теле. Я знаю, что его любимым блюдом является угорь, обжаренный с грибами и побегами бамбука. Я знаю, что он всегда икает три раза подряд. Я знаю, что он младший ребенок, родившийся у двух заводских рабочих. А еще я знаю, что он даст мне квартиру.

Парень даже имени своего мне не назвал.

Зарываюсь головой глубоко в подушку, но все еще слышу Синь. Ее крики проносятся через дверь, бьются в барабанные перепонки, словно металлические палочки. Преследуют меня иглами и последствиями от неудачи, тем, чего это мне может стоить.

Может быть, я и правда истинная дочь своей матери.

Джин Линь

Сначала мне кажется, что я умерла. Открываю глаза. Обнаруживаю, что мое тело запеленато в белую ткань. Она чистая и хрустящая, будто похоронный саван.

Такой красивой комнаты я прежде никогда не видела. Пол и потолок глянцевые, из темного дерева. От электрических ламп под абажурами из рисовой бумаги на изящную мебель падает легкий свет. Даже стены — сплошное произведение искусства: разрисованы журавлями и низкорослыми елями.

Только когда я начинаю двигаться, понимаю, что не умерла. Боль еще при мне. Горячая и белая. В лопатке. И пульсация в шее. Это напоминание о всех тех местах, где побывал нож Куена. Что-то тянет руку, и я понимаю, что в мою вену воткнута игла. От нее к пакету с чем-то красным змеится проводок. Кровь.

Кладу голову обратно на подушку. Перевожу взгляд на стропила. В чем можно быть уверенной наверняка, так это в том, что я не в Городе-Крепости. Там такого славного места не найти. Так как же мне удалось выбраться? Почему я до сих пор жива?

— О, хорошо. Ты очнулась, — перебивает мои мысли мужской голос. В нем сквозит металл, он похож на храмовый гонг.

Я узнала его сразу. То, как он стоит в дверном проеме, как опущены его плечи, — все в точности, как я видела. На его голове нет капюшона, но я знаю, что это тот самый мужчина, что встречался с Деем в Дальнем городе. Тот, что принес деньги.

— Как чувствуешь себя?

Мужчина остается стоять у раздвижной двери, сцепив руки за спиной. Мне приходится щуриться, чтобы разглядеть детали его лица. Я не привыкла к такому обилию света.

— Я в замешательстве.

Продолжаю разглядывать черты лица мужчины. Он не толстый, в нем нет ничего уродливого, в отличие от Лонгвея. У него куча морщинок, но лицо заостренное, с хитрецей. Он похож на лису, наблюдающую за курятником.

Дей похож на отца.

— Позову медсестру. — Мужчина отворачивается.

— Нет... подождите, — кричу я и мгновенно об этом жалею, когда тело взрывается болью. — А Дей здесь?

Имя каким-то образом воздействует на мужчину. Меняет его. Острые черты смягчаются: видна разница между охотником и жертвой. Он отворачивается к двери, пытаюсь это скрыть.

Я лежу в тишине, гадая, вернется ли мужчина. Сгибаю руку и смотрю на пакет с кровью. Висящая в пакете кровь кажется странно густой, в таком отдалении от тела вызывает боль. Похоже на соус миссис Пак в тарелках с курицей.

Мне требуется некоторое время, чтобы узнать Дея, когда он заходит в комнату. Он одет как богач: белая рубашка, отглаженные брюки, волосы зачесаны назад. Такое ощущение, что Дей принадлежит одному из тех небоскребов, и единственное, чего ему не хватает, — это портфель.

Но потом он засовывает руки в карманы, и я вспоминаю, кто такой Дей. Парень, который сидит на крышах, свесив ноги, и дразнит смертельную высоту. Парень, который долгие часы проводит под лезвием ножа Лонгвея в ожидании, когда я вернусь с наркозабега. Парень, состоящий из шрамов и тайн.

Дей прокладывает себе путь к краю моей кровати. Я знаю, что он собирается сказать. Понимаю по его взгляду, по тому, как он смотрит на меня. В его глазах настороженность.

— Ты девушка.

— А ты богач.

Мой ответ объемный, немногословный. Не могу в это поверить, после всего того, что он от меня скрывал, он же на меня и злится.

Дей пожимает плечами, кулаки так и остаются в карманах. У него подмышкой что-то зажато. Что-то продолговатое и плоское, такого же цвета, как мои ботинки. Не могу посмотреть внимательнее, поскольку Дей отворачивается. Он не смотрит ни на меня, ни на кучу трубок вокруг кровати. Лишь рассматривает причудливую комнату. Вещи, которым самое место в музее.

— Тут у меня был не такой уж большой выбор.

— Как и у меня. — Чувствую мрачный взгляд. — Прости, что разочаровала тебя.

— Я... — Он облизывает губы, пытаюсь подобрать нужное слово. — Вообще-то я впечатлен. Эту тайну не слишком просто хранить.

Я не знаю, что сказать, поэтому закрываю глаза. В боку пульсирует и болит.

— Зачем ты это скрывала?

Приоткрываю один глаз и вижу гладко выбритое лицо Дея. Он хмурится, значит вопрос задан вполне серьезно.

Говорить больно, но я все равно это делаю.

— Ты же видел, что там случается с девушками.

— Я хотел сказать... почему от меня скрывала?

— Полагаю, по той же причине, по которой ничего не рассказывал ты. У нас у всех есть

свои тайны. Были, — поправляю я сама себя. — Кроме того, разве это что-то изменило бы?

Он сжимает губы и слегка пожимает плечами.

— И зачем тогда тебе нужны были деньги, на которые ты хотела купить время девушки в борделе Лонгвея? Зачем тебе на самом деле нужны были деньги?

Вопросы вылетают из Дея, словно пули. Скорострельные. Они заставляют меня почувствовать неловкость. Я не из тех, кто сразу выкладывает все карты на стол. Мне не стоит этого делать. Не сейчас, когда нас окружает обман.

— Скажу, только если ты ответишь на мои. — В висок бьет молния боли. Стискиваю зубы. Жду, когда отпустит. — Где мы? Кто ты?

Жду, что он в очередной раз увернется от ответов. Как уже было много раз. Вместо этого Дей подтаскивает к моей кровати деревянный стул с высокой спинкой. Он кладет то, что принес, на пол. Я бросаю на его ношу быстрый взгляд. Книга.

— Длинная история.

Он усаживается на лакированное дерево. Похоже, это не очень удобно.

— Ну и прекрасно. Я тут, по всей видимости, застряла. — Поднимаю руку с воткнутой в нее иглой и маню Дея к себе. Алые трубки покачиваются. — Если хочешь ответов на свои вопросы, ответь на мои.

Дей вздыхает. Звук выходит тяжелым, заполненным годами и молчанием. Он что-то очень длительное время хранит внутри. Очень давно. Что-то, что сейчас готов отпустить.

— Я здесь вырос, в этом доме... К тринадцати годам это было почти все, что меня окружало. Репетиторы. Мерседесы. Частные школы. Поездки за границу. Конечно, я тогда был ребенком, поэтому не понимал, насколько это здорово.

Я даже представить себе не могу ту жизнь, что он описывает... мир, что меня окружает здесь. Но что еще труднее понять, как Дею удалось все это потерять. Почему он здесь больше не живет? Что случилось с его репетиторами и дорогими машинами.

Об этом его и спрашиваю.

— Я уже как-то говорил тебе про своего брата, — говорит Дей. — Ты мне его напоминаешь. Его звали Хиро.

Звали. Это слово очередным наркотиком просачивается в мое тело. Такое ощущение, что меня сейчас вырвет. Знаю, что у этой истории не было счастливого конца. Я просто не знала, что она будет так близка с моей.

— Я потерял его.

Голова Дея опускается к коленям. Руки вонзаются в волосы. Из-за того, что он на меня не смотрит, я начинаю думать, что он плачет.

— Между нами два года разницы. Я старше, но голова на плечах всегда была у Хиро. Он был примерным ребенком: честный, спортсмен и все такое. Он бы стал тем, кем захотел. Я же был сплошным бедствием. Крал машины, чтобы покататься, обманывала на экзаменах, таскал у отца выпивку... если что-то было против правил, я с головой в это окунался. Когда мы были помладше, Хиро всегда за мной таскался и говорил, чего делать не стоит. Этаким маленький ангелочек на плече. Порой я даже к нему прислушивался.

Он говорит, а я вижу Мей Юи. Но это не те добрые времена, когда мы ночами лежали под деревом гинкго и наблюдали за туманом, что окутывал горы, или когда мама заваривала чайные листья и приносила нам слабенькую заварку в чашках со сколами. Нет. Мне видится лишь последнее время. Ночь, когда пришли они. Страх на ее лице. Разрывающий мою грудь ужас. Тоже самое я слышу сейчас в голосе Дея.

— Когда мне исполнилось четырнадцать, мать с отцом отправили меня в школу-интернат на другом краю Сент Нгои. Большинство детей были из богатых семей и оказались совершенно скучны... Но некоторые мои одноклассники тоже влипали в неприятности. Все мальчишки порой нарушали правила. Что-то типа того, чем занималась ты. Мы контрабандой проносили сигареты и алкоголь. Грязные журнальчики.

Он снова помолчал.

— Я был молод. Глуп. Связался с парнями, которые прыгнули выше головы. Шантажировали других учеников. Торговали наркотой. Это было весело. Кайф. Ощущение власти. Остальные мальчишки смотрели мне в рот. Хотели работать на меня.

Первые два года все шло хорошо. Никого не поймали. Внутри школы мы создали свое маленькое королевство. Ничто не могло нас остановить. Но потом в школу пошел Хиро. Ему не потребовалось много времени, чтобы понять, чем я занимался. Как только он выяснил, попытался вызвать меня на разговор, как и всегда. Но я не слушал.

В любом случае, мы основательно поссорились перед одной из тех ночей, когда мне нужно было предпринять очередную вылазку, чтобы пополнить запасы наркотиков. Хиро пытался меня остановить... схватился за толстовку и сказал, что я хороший человек. Я вырвался, оставил его в школе, решив, что отделался от него.

Нашим поставщиком был Лонгвей. Его человек встретился с нами за пределами Сент Нгои, и мы произвели обмен. Там был я и сын мэра. Парень, его звали Пэт Инь, был довольно нервным. Он принял дозу до того, как мы вышли. Я же любил ходить на дело с ясной головой.

Тем вечером Хиро увязался за нами. Я не знал, пока...

Дей замолчал. В его глазах заблестели слезы. Позади него я видела темноту той длинной ночи. Темень на улицах. Ярость и страх сражались в его груди. Он очень сильно любил брата. Тяжелая, давящая вина сгибала его спину. Ломала голос.

— Дела пошли... плохо. Начался спор о количестве. Пэт Инь начал дерзить и спорить с человеком Лонгвея. Пэт Инь вытащил нож, а я попытался его остановить. Он был очень высоким и не сразу понял, что это я, потому отмахнулся ножом.

Дей поморщился, и я вспомнила про шрам, который змеился по его руке.

— У человека Лонгвея был пистолет. Ножа оказалось достаточно, чтобы он вытащил его и начал стрелять. Все случилось очень быстро. У меня болит рука, а тут еще внезапно появляется Хиро, кричит. Вокруг стоял такой шум, когда Хиро рухнул на землю. А потом и Пэт Инь. Но крови я не видел. Однако увидел пистолет, он лежал у моих ног. Почему-то человек Лонгвея выронил его. Я никогда прежде не стрелял из пистолета, но увидев брата лежащим на земле, я подобрал оружие. Человек Лонгвея прыгнул на меня, а я даже об этом не думал. Я просто нажал на курок.

Дей закрывает глаза. Не знаю, вспоминает он или борется. Может быть, и то, и другое.

— А когда все закончилось, остался только я с пистолетом в руке. Всё лежало на земле. Наркотики. Наличные. Хиро и Пэт Инь. Люди, которых я убил.

Хиро... — Имя брата некоторое время висит в воздухе, отягченное воспоминаниями и печалью. — Ему было всего четырнадцать. Он мог стать тем, кем захочет... Вся его сраная жизнь лежала у его ног! Он поверил в меня, подумал, что я сделаю правильный выбор. А вместо этого умер у меня на руках.

Я не знал, что мне делать. Пэт Инь мертв. И он, и Хиро застрелены из пистолета который я держал в руке. Как и человек Лонгвея. Я вернулся сюда, домой. Рассказал отцу о

случившемся.

Мне было шестнадцать. Достаточно, чтобы меня судили как взрослого. Достаточно, чтобы меня посадили в тюрьму. Мой отец все это понимал. Он знал, что они придут за мной. Поэтому, недолго думая, он отвез меня в Хак-Нам. Никогда прежде не видел, чтобы он сам вел машину... Он закинул меня на заднее сидение и отвез в Город-Крепость. Сказал ждать здесь, пока все не уляжется, поскольку здесь полиция до меня не доберется. Я ждал, ждал. Сначала он приходил к Старым Южным воротам каждую неделю, принося деньги и новости. Но тянулись недели, а имени моего он очистить не мог. Мои отпечатки были на оружии, из которого были выпущены пули, убившие троих.

На данный момент я в бегах уже два года. Если выйду за пределы Хак-Нам, полиция сможет меня арестовать и посадить в тюрьму за убийства и торговлю наркотиками. Даже несмотря на все влияние, которым обладает мой отец, я кончу плохо.

— Значит ты убил одного из людей Лонгвея, а сейчас на него работаешь? А ты не боишься, что он обо всем узнает? Если отец давал тебе деньги, зачем вообще работать? Зачем рисковать?

Мне требовалось время, чтобы принять его рассказ. Голова кружилась. Мне даже не нужно было двигаться.

— Мы никогда не пользовались именами. Я знаю, что Лонгвей сможет дойти до меня, если потянет за ниточку более дотошно. — Кадык Дея дергается. Это больше, чем просто история. — Джин... — Дей замолкает. — Это твое настоящее имя?

— Джин Линь.

— Ты знаешь, откуда вообще возник Хак-Нам? Почему там царит беззаконие?

Из-за пуховой подушки тяжело трясти головой. Но я стараюсь изо всех сил.

— Это бывший форт. Потому у Старых Южных ворот стоят пушки. Около сотни лет назад приехали иностранцы и взяли город в аренду. Но так как Хак-Нам был фортом, он частью контракта не являлся. Правительство сменилось, были приняты другие законы, но про Хак-Нам просто забыли. Ни политикам, ни полиции он был не нужен и со временем превратился в то, что есть сейчас.

Его рассказ о правительстве и политиках звучал, словно на каком-то иностранном языке. Это было трудно понять. Стараюсь изо всех сил. И киваю.

— Контракт с иностранцами истекает после Нового года. Сформирован новый городской совет для решения финансовых вопросов. Они решили снести Хак-Нам. Они только что приняли постановление, которое позволяет им войти в Город-Крепость и очистить его. Сравнять с землей. Как только наступит новый год, они отправят туда отдел по обеспечению безопасности.

Я пытаюсь понять, что он говорит. Больше не будет Города-Крепости. Не будет Лонгвея. Никаких шансов найти Мей Юи.

— Но... что насчет Братства? Это же город Лонгвея... Он без боя не сдастся.

— Постановление пока держится в строжайшей тайне. Лишь несколько официальных лиц о нем знают, так что информация до Лонгвея не дойдет. Но если они арестуют Лонгвея и остальных членов Братства, у отдела по обеспечению безопасности должны быть доказательства. А сейчас они даже не знают, кого точно следует арестовать. Братство очень тщательно скрывает своих участников.

— А тебе откуда известно о постановлении? — интересуюсь я.

— Для отдела обеспечения безопасности не является тайной, что я прячусь в Хак-Нам.

Они понимают, что после нового года я окажусь в весьма трудном положении. А еще им известно, что у меня в Городе-Крепости есть связи. Они связались со мной несколько недель назад и предложили сделку: полное помилование в обмен на малюсенькую улику.

— И какую именно?

— Лонгвей содержит свои записи по старинке. Имена. Номера банковских счетов. Сделки. Он все это записывает. У него есть учетная книга. Это самый ценный приз для отдела по обеспечению безопасности, отличная улика в деле против Братства. Нечто, что они смогут использовать против них. Лонгвей и его люди были арестованы несколько раз, когда выходили из Хак-Нам, но отдел по обеспечению безопасности никак не мог их задержать надолго. Их свидетели всегда отказывались от показаний, они просто были запуганы. Боялись того, что Лонгвей сделает с их семьями и с ними самими, если у суда окажется недостаточно доказательств для его задержания.

Страх. Да, им следовало бояться. Я могу думать лишь про шрам наркобарона, о том, как сияет дракон на рукаве, когда Лонгвей смеется.

— А почему они просто не отправят полицейского, чтобы он забрать книгу?

— Не могут. Не сейчас. У них нет никакой юридической силы в Хак-Нам. Если бы они отправили туда копа под прикрытием, чтобы забрать учетную книгу, она стала бы незаконным доказательством. Оно было бы совершенно бесполезно в суде. Они боятся, что, пока будут ждать разрушения города, Лонгвей уничтожит книгу.

Я единственная лазейка. Если смогу достать учетную книгу, она станет доказательством. У Братства не будет ни единого шанса выйти под залог. Я должен украсть учетную книгу и передать ее отделу по обеспечению безопасности до нового года.

Украсть учетную книгу наркобарона? Только лишь мысль об этом страхом стреляет в мой позвоночник. Не удивительно, что они предлагают Дею свободу. Невыполнимая работа.

— А если у тебя не получится?

— Лонгвей и его дружки спокойно уйдут. А я попаду за решетку. — Дей прикусывает губу. Его нога постукивает по полу точно так же, как в борделе Лонгвея. — Или того хуже.

— Так вот почему ты остаешься в борделе, когда я работаю? Ты хочешь найти способ добраться до учетной книги... — замолкаю я.

Он кивает.

— Прости, что не был до конца честен с тобой. Я подумал... Думал, что смогу это сделать один. Они под присягой заставили меня поклясться, что я никому не расскажу. Если кто-то узнает и до Лонгвея дойдет хотя бы слух о рейде, все пропало.

Я должна быть в ярости. Дей подверг меня еще худшей опасности, чем я понимала. Попасться с наркотой — ничто по сравнению с этим. Но гнев и ярость не появляется. Знаю, если бы я была на месте Дея, сделала бы тоже самое. Ну, в некотором смысле. Я заставила бы его сидеть, если бы могла спасти сестру.

— Сколько осталось до нового года? — Должно быть, немного, воздух уже достаточно холодный. В это время Дальний город одевается в красное, а небо горит огнем. На улицах пляшут бумажные драконы. Счастливые дети (не бродяги) бегают в новых туфлях и размахивают красными конвертами с наличностью. Бросают на землю петарды, чтобы отпугнуть Ниана — того, кто крадет детей.

— Девять дней, — он выплевывает слова, словно горящие угли.

— Это линии, что нарисованы у тебя на стене... — понимаю я. — Но ты... сейчас же ты не в Городе-Крепости.

— Да, я не там.

И эти четыре слова говорят мне о том, насколько он рисковал, когда вез меня сюда. Он рисковал своей свободой. Его жизнь в обмен на мою. Эта мысль странно согревает. Всю свою жизнь защитницей была я, именно я спасала людей. И всегда одна.

— Не думаю, что отдел по обеспечению безопасности арестует меня сейчас, — объясняет Дей, глядя на меня. — Им слишком нужна учетная книга.

— Но это все же было слишком рискованно.

Дей пожимает плечами. Движение выглядит забавным из-за его рубашки. Жесткой. Неудобной.

— Я... я не мог позволить тебе умереть.

— Нет, мог. — Перевожу взгляд на пакет с кровью. Он кажется пустым, сверху появилась пена. В меня вливается жизнь. — Большинство просто оставило бы меня в переулке. Но ты нет. Ты меня спас.

Выражение его лица такое, как будто я только что пырнула его ножом.

— Спасибо, — добавляю я.

Некоторое время он смакует мое слово. Пробует его на вкус. Чем дальше, тем менее ранимым кажется его лицо.

— Пожалуйста, — наконец отвечает он, прежде чем сменить тему. — Твоя очередь. Я ответил на твои вопросы. Как насчет моих?

Внезапно я чувствую себя уставшей, отяжелевшей. Как будто весь рассказ Дея тяжким грузом лег мне на грудь. Давит. Всем весом.

— Не такая уж и длинная история, — начинаю я. А потом начинаю говорить. Рассказываю ему обо всем. Про рисовую ферму и про то, какие тяжелые у отца кулаки. Про сестру и ту ночь, когда приехали Жнецы. Переживаю каждое мгновение: запрыгиваю на велосипед и мчусь за грузовиком. Отрезаю волосы, превращаюсь в мальчишку. Ищу, ищу, всегда ищу свою сестру. Зубами и ногтями.

Мой рассказ длиннее, чем я думала. Даже Дей к его окончанию выглядит уставшим.

— Ты думаешь, твоя сестра в борделе Лонгвея?

— В других местах ее нет, — объясняю я. — А как думаешь, что будет с девочками? После нового года?

— От многого зависит. Если я доберусь до учетной книги и отдел безопасности арестует Братство, они станут свободными.

— А если нет?

— Отдел на некоторое время задержит Лонгвея, но он найдет способ освободиться, как бывало и раньше. А без имен, которые написаны в книге, отдел не сможет найти других его членов. Найдутся люди, которые... перераспределят активы Братства. Выведут девушек и организуют бордели в другом месте. — Дей бледнеет. Как будто кровь, стекающая в мои вены, берется из его собственных. — Твоя сестра. Как ее зовут?

— Мей Юи. — Впервые за несколько лет я произношу ее имя вслух. — Ее зовут Мей Юи.

Его рука ползет по кровати и находит мою. Пальцы касаются пальцев. Он аккуратен, не касается ни трубок, ни иглы. В том, как он сжимает руку, чувствуется сила. У него теплая кожа. Человеческая.

— Нам не обязательно справляться в одиночку, Джин Линь. Я помогу тебе найти сестру. Если она там, мы ее найдем.

Вот, наверное, что значит иметь брата. Я думала об этом много раз, хотела, чтобы он у меня был. Когда моя спина болела, согнувшись над многими рядами риса. Когда отец бормотал что-то нечленораздельное, а костяшки его пальцев врезались в меня. Когда Жнецы приехали и не нашлось никого сильного, кто смог бы их остановить.

Я перестала мечтать об этом много лет назад. В последнюю мамину беременность, окончившуюся выкидышем, я поняла: если родится мальчик, мне придется защищать и его тоже.

Но сейчас Дей держит меня за руку, и я должна быть сильной. Мне больше не нужно быть одной. Сжимаю его пальцы. Игла сильнее впивается в вену, пульсирует. Обжигает, словно крапивой.

— А я помогу тебе достать учетную книгу, — обещаю я. — До нового года.

Девять дней опускаются на лицо Дея. Его рука отползает от моей.

— Тебе нужно отдохнуть. Доктор Кван считает, что тебе нужно находиться в кровати не менее двух недель. И никакого напряжения в последующий месяц.

Но он не произносит вслух то, что мне придется задержаться здесь, однако это написано на его лице. Я хочу вступить в схватку сейчас, но сейчас даже дыхание причиняет боль.

— Я принес тебе кое-что, чтобы скоротать время. — Он нагибается и поднимает книгу. Ее обложку покрывает тонкий слой пыли. Он смахивает ее. Протягивает книгу мне. — Карта звездного неба.

Эта книга достаточно увесиста. Она тяжелая от всех тех вещей, которые мне неизвестны. И которые я хочу узнать. Кладу книгу себе на грудь и пролистываю страницы, которые пахнут лаком и годами. Она написана на неизвестном мне языке: буквы чрезмерно сжаты и заковыристы. Но в книге есть картинки: синяя бархатная основа и белая паутина линий, соединенных множеством точек. Если присмотреться, то я их узнаю.

— Кассиопея там тоже есть, — говорит Дей. — Если прочитаешь эту, наверху есть еще. Океанология, зоология, археология. Целая полка того, что заканчивается на — логия. Хирс никак не мог решить, чем же ему хочется заниматься.

Его фраза стихает. Грустно. Словно рисовые поля моего отца, на которые дни и недели не падала и капля дождя. Пытаюсь перевернуть страницу, но плечо взрывается болью. Приходится стиснуть зубы.

Дей встает. Ножки стула медленно скребут по полу.

— Позову медсестру. Она даст тебе что-нибудь от боли.

Позволяю книге соскользнуть в ту сторону, которая не болит. Глаза закрываются, я погружаюсь в сон. Никогда прежде я не чувствовала себя такой уставшей. Но есть еще один вопрос, который я не задала. Ответ на который мне точно нужно знать.

— Подожди... а ты... ты не видел Кма? Он в порядке?

— Кма? — говорит Дей и замолкает.

— Куен отрезал ему хвост. — Вижу нож. Кма скользит. Меня снова охватывает ярость.

— Ты убила парня из-за кота?

От этих слов причина нашей драки кажется такой простой, слишком жестокой, когда Дей подразумевает: жизнь человека за жизнь кота. Сердце за хвост.

На этот раз сделка не очень справедливая.

Качая головой, Дей тянется к двери.

— Я его не видел.

Он уходит. Я упираюсь взглядом в черный потолок. Все, что я вижу, — черные зрачки Куена, смотрящие в никуда. Может быть, он это заслужил. Может быть, моя рука просто соскользнула.

Но он по-прежнему мертв. И я тому причина.

Куен мертв. А я жива.

Так почему у меня такое ощущение, что это я что-то потеряла?

8 дней

Мей Юн

Я жду посла. Крики Синь все еще стоят у меня в ушах, а с языка готов слететь положительный ответ. В теле как будто подожгли фейерверки, которыми соседи отмечают Новый год. Никогда прежде я не видела салюта такого цвета — вишнево-красного, он просто прожег дыру в моем сознании. Фейерверк был настолько красивым, настолько не соответствующим моему миру, что с меня было довольно. Но потом запал закончился, в небо поднимался лишь серый хвост дыма. Чернота ночи заполнилась другими цветами: алым, зеленым и сапфировым.

Вид такой красивый, что я заплакала.

А когда открывается дверь, я готова разрыдаться. Внутри так много всего: страх, потеря, приобретение, невысказанные желания, мое согласие — трещит, плюется и пылает, словно фейерверк. Так трудно все это держать внутри.

Но что-то в том, как посол заходит в комнату, заставляет меня хранить молчание. Сегодня он кажется большим и неповоротливым в своем плаще. Ткань такая же черная, как и у медведя. В руках посол что-то держит, мне невидно, что именно. Но что бы это ни было, это не цветы.

Он не здоровается и даже формально не кланяется. Проходит до стола и хватает вазу за обод.

— Достойных букетов не нашлось, — бросает он мне через плечо. — И мне захотелось принести тебе нечто особенное. Показать, насколько я сожалею о случившемся.

О случившемся. Мне очень хотелось, чтобы он это сказал, чтобы он извинился за синяки, вместо того, чтобы приносить щедрый подарок. Мне бы очень хотелось, чтобы он придерживался заведенного порядка и принес букет.

Посол делает шаг назад, и я вижу, что на месте потемневших гвоздик стоит небольшой горшок. Из мелкого гравия возвышается деревце. И это не саженец, а вполне себе взрослое растение с ветками, корой, листьями и корнями. Дерево, которое должно быть выше меня, на самом деле не длиннее моей руки.

— Ч-что это? — смотрю я на дерево, и мое согласие моментально забыто, я пытаюсь представить, что это дерево ограничили в росте при помощи клетки. Похоже на волшебство, это невероятно.

— Кипарис. — Посол наклоняется к листьям, бережно отирая их ухоженными пальцами.

— Как... а почему оно такое маленькое? — Я чувствую себя глупой. Раньше я никогда прежде не видела кипарис. Большинство деревьев в моей провинции были вырублены к тому моменту, как я родилась, освобождая место для рисовых плантаций. Возможно, все кипарисы именно такого размера, просто мне об этом не известно.

— Это специальная техника выращивания, называется бонсай. Садоводы выращивают деревья так, чтобы те не вырастали слишком большими. Поэтому их можно держать в доме.

Ради твоего удовольствия.

Продолжаю паять на крошечное деревце. Пытаюсь представить, каким бы оно было, если бы его не заключили в границы горшка. Если бы человеческие пальцы и ножницы постоянно его не подрезали.

— Цветов больше не будет? — спрашиваю я.

— Они имеют свойство засыхать, — говорит посол, словно мне это неизвестно. Как будто в моей комнате не появляется сладковатый гнилостный запах всякий раз, когда вянут лепестки. — Мне кажется, тебе понравится что-то более постоянное.

Теперь у меня не будет ничего, что можно поставить на окно и предупредить парня.

Эта мысль застает меня врасплох, острая и тяжелая, словно камень, выпущенный из рогатки. Это не имеет значения. Не должно. Скоро окна не будет. И стен. И пластиковой орхидеи с плоскими звездами.

Как только я скажу "да".

Посол перестает возиться с деревом. Появляется его пиджак. Он снимает его вместе с плащом. Посол подходит к моей кровати. Его тело на матрасе отзывается болью в моих синяках.

— Ты подумала над моим предложением?

"Да. Просто скажи "да". Скажи, и все закончится".

Мой клиент сидит рядом со мной, но я по-прежнему смотрю на дерево. У него керамический, глазурованный синий горшочек. Такой же мягкий оттенок ложится на лицо парня от уличных фонарей. Мне становится интересно, а такого ли цвета волны.

Мои губы разлепляются, но вместо ответа я задаю вопрос. Такой же, как раньше:

— Ты отвезешь меня на море?

Посол хмурится и становится не очень привлекательным, в отличие от молодого человека за окном. Только морщинки становятся глубже, коварнее.

— Будет не очень хорошо, если люди увидят нас вместе. Но не переживай. Тебе не придется выходить из здания. Кроме того, если тебе захочется посмотреть на океан, ты всегда сможешь сделать это с крыши дома. Когда пойдешь в сад.

— Ты... ты можешь посмотреть на него с крыши? — У меня перехватывает дыхание от мысли, что море совсем рядом. Все это время оно было рядом, а я и не знала.

— Да. Сент Нгои — портовый город. Мы находимся очень близко к воде. — Его слова вылетают быстро и щелкают на лету, словно остатки фейерверка. — Но хватит уже о ерунде. Каким будет твой ответ?

От его голоса волоски на коже встают дыбом. Ищу свое "да" — то, что устроилось на гребне моего языка и только и ждет, чтобы его выпустили, — но сейчас оно где-то глубоко. Даже воспоминания о криках Синь не могут толкнуть его вверх. Вместо бассейна и садов на крыше, вместо роскошной еды я могу думать только о двери квартиры. Мне никогда не будет позволено выйти из здания. Решетки там не будет, но и парня тоже. Никто не пообещает мне свободу.

Могу ли я обменять одну клетку на другую?

Достаточно ли кусочков моря?

— Мей Юи, ответь мне. — У него слишком громкий, слишком горячий голос.

Есть только один путь домой. Для юноши. Для меня.

Если сейчас я скажу "да", я подведу парня, разрушу его надежду вернуться домой. Я подведу саму себя, уничтожу все свои желания.

Есть только один путь, и это не он.

— Нет. — Я ожидала, что мой голос будет похож ветку вербы: тонкий, гибкий, эластичный. Таким мне кажется мое мужество. Но вместо этого он как бамбук: острый и хлесткий.

Посол чувствует это. На краткий миг он даже похож на человека, в которого воткнули нож. Челюсть ослабевает, глаза стекленеют.

— Я хочу остаться здесь со своими друзьями... — Сила в моем горле исчезает, когда я вижу, что поднимается вверх из глубины глаз моего клиента. Грозовая туча, демон.

— Ты изменяешь мне, да? Есть кто-то еще! Знаю, что есть! — Его крик похож на гром и пожар. Его будто выворачивает, слюна попадает мне на лицо.

— Нет! — протестую я, но это уже не имеет значения.

И эти руки, эти пальцы ломают установленный порядок и бросают меня вниз, сжимают с силой, которой я в них прежде не знала. Острые шпильки упираются в затылок, когда голова прижимается к подушке.

Так много пота и кожи. Повсюду. Оборачивается вокруг меня все плотнее и плотнее. И боль. Меня разорвали, растерзали, разрушили. Открыли и закрыли. Открыли напоказ и задушили.

Нет. Нет. Нет. Возможно, я произношу это вслух. А может, и нет. Я больше ничего не слышу. И не вижу. В глазах стоят пятна, похожие на синий лишайник. Так бывало, когда я таращилась в окно и ждала парня.

Только когда посол отпускает меня и откидывается на спину, я понимаю, что он все это время сжимал мне горло. Воздух заполняет легкие. Вдох за вдохом мир возвращается ко мне. Пыльный пластик искусственной орхидеи. Десятки невидимых синяков на руке и шее. Горячая алая струйка стекает по моим ногам, пачкая простыни.

Он соскакивает с постели, застегивая свои многочисленные кнопки и пуговицы. Даже не смотрит ни на меня, ни на бонсай. Дверь открывается, и уже на выходе посол оборачивается.

Не понимаю, что написано на его лице. На нем сплошные закорючки и точки. Что бы он ни чувствовал внутри, эти ощущения сильны. Словно страх, ярость и любовь бросили в один котел. Очень похоже на фейерверк.

— По сути неважно, здесь ты или там. Ты моя. Запомни это.

Он закрывает дверь. Ваза с мертвыми цветами исчезает вместе с ним.

* * *

Посол хотел меня сломить. Такая мысль приходит мне в голову, когда я подхожу к зеркалу и вижу отпечатки пальцев у основания шеи. Приходится тратить лишние минуты на дополнительный макияж, наносить на ключицы пудру слой за слоем. Но сколько бы ее там не было, я все равно вижу оставленные послем отметины. И макияж их не скрывает.

Он хотел меня сломить. Но я сильнее, чем ему кажется. Я сильнее, чем думаю сама. Единственное, что удалось сломать послу, — мое представление о нем, то мнение, которое я создала о нем за эти месяцы; мысль о том, что он может вытащить меня из этого места.

Есть только один выход. И к послу он никогда не имел никакого отношения.

Другие девушки замечают синяки, но вопросов не задают. Это милосердие, поскольку я не знаю, как бы объяснила их происхождение. Никогда не смогу рассказать им о

предложении посла: как я отказалась от рая на блюдечке с голубой каемочкой, а он меня за это наказал.

Вместо этого они собираются в моей комнате и говорят про девушку, чья доля оказалась гораздо хуже нашей.

— Они по-прежнему заставляют Синь обслуживать клиентов, — говорит Нуо, изо всех сил сражаясь с иглой и ниткой. Крестики складываются вместе: карп с огненно-белой чешуей плывет в сапфировом потоке.

— Хозяин будет держать ее здесь до тех пор, пока она будет приносить деньги, — говорит Инь Юй, почти не разжимая губ. Она держит мою руку в своей, орудуя палочкой с лаком для ногтей. Она наносит последний штрих, почти не касаясь ногтя.

Нуо хмурится. Ее игла тяжело вонзается в ткань, и девушка вытягивает нить с другой стороны.

— Я думаю, что... — продолжает Инь Юй. Кисточка наносит слой лака на мой мизинец. — Но это лучше, чем могло бы быть. На улице она долго не протянет. Никто из нас не протянул бы долго.

Она заканчивает — и говорить, и красить ногти — и завинчивает бутылочку с лаком.

— Мне нужно идти, — внезапно говорит Инь Юй. Лишь когда она выпрямляется, я понимаю, насколько она похудела. — Нужно кое-что помыть в западном крыле. Мама-сан разозлится, если я не выполню работу.

Я тоже встаю, пытаюсь не обращать внимание на боль в бедрах.

— Ты слишком много работаешь. Позволь мне помочь тебе.

— Ты и так помогла мне достаточно. Кроме того, испортишь ногти, — отмахивается от меня Инь Юй и исчезает в темноте за дверью.

Теперь мы остались вдвоем, сидим в тишине. Вень Ки смотрит на дверь, словно это пасть морского чудовища, которое вот-вот проглотит ее тщедушное тельце. Нуо втыкает иглу в ткань. Пальцы соскальзывают, и игла глубоко вонзается в кожу. Когда она кладет пораненный палец в рот, с ее губ слетает ругательство.

— Инь Юй просто цветет, когда есть работа, — говорит она, вытаскивая палец и прижав его к шелковому платью. — Это поддерживает в ней жизнь.

— Знаю.

Девочки смотрят на меня. В четырех глазах темнота и куча вопросов — бездонные колодцы. Не могу слишком долго выдерживать их взгляд, поэтому перевожу свой на занавешенное штормкой окно. Ткань по цвету совпадает с лаком на моих ногтях.

Все еще ощущаю на себе взгляд Нуо.

— Почему ты забрала себе ее обязанности? Хочешь стать мама-сан?

— Так Инь Юй сказала, — пищит Вень Ки.

Если и было бы подходящее время, чтобы все им рассказать, то вот оно. Воспоминания (призрак парня и его обещаний) огнем вспыхивают у меня в голове, словно монахи в ярко-оранжевых рясах. В сердце горит пламя, оно скручивается и тянется наружу, чтобы подарить им свет. Алый цвет занавески кажется ярким, в нем больше кровавых оттенков.

Я хочу ее отдернуть, показать им ракушку. Но всякий раз, когда я об этом думаю, до меня доносятся отчаянные мольбы Синь, в моей голове слышится царапанье ее когтей. Я знаю, остальные меня не поймут. Я бы на их месте не поняла.

Они всего лишь попытаются меня остановить. Как я когда-то Синь.

— Скоро начнется встреча, — меняю тему разговора. — Мы должны быть готовы.

Нуо подносит палец к глазам. Кровь все еще сочится и ложится ровным слоем, словно вторая кожа. Вероятно, игла вошла очень глубоко. Я думаю о том, что струны на ее цитре сделаны из стали.

— Играть сможешь?

Она хмурится и прячет вышивку под мышкой.

— А у меня есть выбор?

Все молчат, поскольку знают ответ.

* * *

На этой встрече мои руки уже не дрожат. Черный лакированный поднос устойчив, когда я хожу по комнате, разливаю вино и подношу зажигалки. От трубок и сигарет Братства стоит такой дым, что вскоре я не могу различить даже Нуо. Я знаю, что она здесь, потому что она играет на своем инструменте. Несмотря на забинтованный палец, мелодия плывет по воздуху, упрямая и сильная.

Несмотря на боль в ногах, я хожу прямо, приклеив улыбку на лицо.

Мы сильнее, чем они думают.

Лонгвей не выпускает учетную книгу из рук. Она маленькая — такого же размера, что записная книжка Синь, в которой она делала наброски наших лиц. Размером с кирпич и толщиной в палец. Обложка ярко-красная, как раненый палец Нуо, на ней изображен сияющий золотой дракон, увенчанный гребнем. Каждые несколько минут Лонгвей перелистывает страницы, пробегая по странным символам, написанным несколько недель и месяцев назад. На протяжении всей встречи он что-то дописывает. Я узнаю некоторые цифры — символы, которые нам показывала Синь, когда пыталась научить нас читать. Иногда он настолько сосредоточен, выводя чернильные линии и петли, что мужчинам приходится повторять свои слова несколько раз, чтобы он их услышал.

Когда встреча заканчивается, я быстро собираю пустые стаканы, отчаянно желая, чтобы Лонгвей со своей книгой оставался на месте. Бокалы чокаются, их пурпурные ободки борются за место на моем подносе. Я стараюсь двигаться медленно, но в отражении шкафа вижу, что Лонгвей поднимается на ноги, учетная книга крепко зажата в его руках. Он направляется к коридору, ведущему в сторону лестницы. Составляю стаканы, все еще покрытые остатками сливового вина, в нижней части серванта и следую за ним.

Я никогда прежде не была наверху. На самом деле, я только два раза видела лестницу. Она находится в конце восточного коридора, рядом с дверью, ведущей в комнату мама-сан. Она, будто моя раковина, закручивается и закручивается вверх, прямо в темноту.

Я жду в конце коридора, когда хозяин исчезнет на втором этаже, прежде чем делаю следующий шаг. Каждая частичка моего тела дрожит, когда я принуждаю себя идти дальше в темноту.

Не знаю, получится ли у меня.

Глубоко внутри я чувствую, как просыпается трусость, она умоляет меня вернуться к себе в комнату. Сесть на кровать и ждать. Извиниться перед посланцем и принять его предложение. Извиниться перед Инь Юй. Сказать парню, что я не могу выполнить его просьбу. Быть достойной дочерью своей матери. Держаться стойко.

Но я помню демона, что скрывается позади глаз посла и знаю, что уже не будет как прежде. Даже если он никогда больше не поднимет на меня руку, каждое его прикосновение

будет напоминать мне о той ночи.

Я закапываю страх, иду по залитому тенями залу и дальше вверх по лестнице. Дверь на втором этаже с треском открывается, заливая ступени золотистым светом. Здесь пахнет иначе: тяжелый запах плесени, кожи и чернил. Ароматы богатства и избалованности. Они застревают у меня в горле, когда я подношу костяшки пальцев к дверному проему.

Дверь открывается. За ней стоит Лонгвей, заполнив большую часть просвета. Его лоб усеивают капли пота, а грудь бешено вздымается и опускается. При виде меня на его лицо набегают туча, а вокруг глаз появляются морщинки. Девушки сюда не поднимались никогда.

— Что ты здесь делаешь?

Его слова падают тяжело и точно, словно он режет ножом.

— Я... я хотела поговорить с вами, сэр. — Я слегка кланяюсь, в поле моего зрения попадает кусочек его комнаты. Вся стена увешана оружием: мечи, пистолеты, винтовки, ножи. Моги глаза мечутся по комнате. Ни следа учетной книги.

Мой поклон длится чуть больше, чем положено. Я слишком хорошо это понимаю, выпрямляясь и чувствуя на себе взгляд Лонгвея.

— Я занят. Со всеми проблемами вы должны идти к мама-сан, — отмахивается он от меня, показывая на лестницу. От этого движения мне открывается еще частичка комнаты. Ловлю взглядом кровать и экран, на котором движутся картинки. Телевизор. Книги нет.

— Я... — Сознание бешено мчится вперед, пытаюсь оправдать мое присутствие на этом этаже. Мне нужно достаточно времени, чтобы найти учетную книгу. — Я не могу пойти к мама-сан. Это я доверить ей не могу.

Лонгвей хмурится:

— И почему же?

Мое сердце выкрикивает ругательства. Я не шпионка и никогда ею не была. Ложь, которую я должна скормить дракону, которую я придумывала долгими часами, кажется негодной и тухлой. Он выплюнет ее обратно.

Но отступать некуда.

— Она любит выбирать фаворитов. — Я чуть-чуть привстаю на цыпочки, пытаюсь заглянуть в комнату. Но в спальне нет никаких ярких цветов. Почти все черное с вкраплениями коричневого. Мебель, пол, обои. Единственные яркие пятна — телевизор и аквариум с рыбками. Они дарят комнате хоть какой-то призрачный свет.

Наконец я ловлю мимолетный отблеск красного. Только уголок чего-то, торчащего из недр ящика стола. Это она.

— У большинства людей так. — Громкий голос хозяина заставляет меня упереться взглядом в пол.

— Это... это Инь Юй. — Я ужасаюсь своим собственным словам. Мои вены закупоривают чувство вины, словно кровь остановилась. — Она... она завидует тому, что я забрала часть ее обязанностей. Я боюсь, она распространяет обо мне слухи, рассказывает что-то мама-сан. И я опасюсь, что они дойдут до вас или до посла. Что вы услышите обо мне какую-нибудь неправду.

— Ты считаешь, что Осаму платит за какие-то черты твоего характера? — Его губы изгибаются в подобии улыбки. — А я что-то типа преподавателя этикета в школе?

Я качаю головой и выдавливаю из себя маленькие, маленькие слова:

— Я не хочу закончить, как Синь.

— Так будь умницей, — говорит Лонгвей. — Это все?

— Д-да.

Я отступаю на шаг назад, помня, что лестница совсем близко. Каблуки повисают на краю ступеньки. В этот момент мое падение стало бы благословением. Несколько ссадин и царапин кажутся мне гораздо предпочтительнее того, как Лонгвей на меня смотрит. Словно на кусок мяса.

— Больше не беспокой меня по пустякам, — рычит Лонгвей.

— Спасибо, сэр.

Я снова кланяюсь, бросая взгляд на книгу. Она все еще там, в ящике.

Лонгвей фыркает и закрывает дверь. Я на деревянных ногах спускаюсь по лестнице. Составы хрустят при каждом шаге. На полпути я прохожу мимо Фанга, который смотрит на меня своими темными-темными глазами. Лестница такая узкая, что наши плечи соприкасаются. Мне приходится вжаться в стену, чтобы дать ему пройти. Мы так близко друг от друга, что он не может не заметить мою дрожь.

Но он молчит. Единственное, что он из себя выдавливает — это слово "осторожнее", прежде чем, не оглядываясь, продолжить восхождение.

У меня получилось. Я узнала, где Лонгвей хранит свою учетную книгу. Я рискнула.

Джин Линь гордилась бы мной.

Мое сердце настолько переполнено мыслями о сестре, парне и море, что я забываю, что нужно помыть стаканы, стоящие в гостиной. Я направляюсь напрямик к северному коридору. В гробовой тишине прохожу мимо комнаты Синь. Мимо закрытых дверей Нуо, Вень Ки и Инь Юй. Прохожу весь путь до конца.

6 дней

Дей

Когда я был младше и мне нужно было время подумать, я приходил к пруду с карпами. Это была одна из маминых слабостей — напоминание о родине, — установленная в задней части дома, где возвышалась стеклянная стена с видом на сад камней. Часть пруда находилась в самом доме. Другая его половина выходила за стекло во двор с тщательно разровненным гравием.

По краю своего маленького мира плавали кои, их чешуя переливалась всполохами белого жидкого янтаря. Движения рыб были плавными и обтекаемыми, словно под гипнозом. Это приводило мой разум в покой.

Всякий раз, когда Хиро уставал от чтения своих нескончаемых энциклопедий, он спускался сюда и бросал в воду монетки. Они оставляли на поверхности рябь (кометы из серебра, золота и меди), опускаясь в водоросли на дне. В рыбу он никогда не целился.

Хиро. Я вздыхаю и глубже погружаю пальцы в воду. Мое признание Джину, Джин Линь, — это первое за долгое время упоминание его имени. Я так много времени провел за тем, чтобы стереть его и забыть. И много раз повторял его в своих кошмарах. Пытался обрубить и отрезать всё и вся.

Призрак моего брата везде. Словно шепчет только в мои уши. Если бы я только прислушивался. Если бы я только был хорошим братом. Если бы...

Я провел в Хак-Нам семьсот тридцать восемь дней, предпринимая все возможное, чтобы выбраться и вернуться домой. Но дом — это не то, что мне нужно. Разговаривая с Джином, Джин Линь, рассказывая ей свою историю, я лишь еще глубже запытал ее в глубины своего разума. Модный дом в Тай Пинг Хилле не поможет мне. И попытка забыть эту историю тоже не поможет. И никогда не заслужит прощения от моего брата. Молчание

призраков...

Я опустил руку еще ниже, погружая в воду все запястье. Кои уплывают врассыпную, мерцая, словно маленькие факелы в ночном небе. Интересно, кои Хиро все еще живут на дне, прячась под многолетними водорослями и рыбьим дерьмом?

Я решаю, что вода в прудике слишком холодная. Убираю руку и вытираю её о рубашку. Насчет пятен я не переживаю, а вот отцу они не понравятся.

После нашего разговора Джин Линь засыпает, лекарства принуждают ее тело к отдыху. Рядом сворачивается звездный атлас Хиро, занимая опустевшее место кота. Я же никогда прежде не чувствовал себя таким бодрым. От открывшихся возможностей голова идет кругом. Мысли о Джин Линь и ее сестре. Девушка и учетная книга. Новый год и шесть дней до него.

Девушка... все эти дни мои мысли занимает только она. Как ожили ее глаза, когда я протянул ей ракушку. Как руки прижались к решетке. Как я смотрю на окно и должен видеть свое отражение, а вижу её; вижу её, складывающую осколки моего отражения в единое целое. Как её слова возвращают улыбку на мое лицо, словно вытягивают кролика из шляпы фокусника.

Я так не смеялся уже давным-давно.

Более живым никогда себя не чувствовал.

Шарканье ног заставляет меня поднять взгляд, и я вижу Эмио, стоящую у дальнего края пруда. Ее суставы такие белые, что кажется, будто видно открытые кости.

— Мастер Дей, к вам посетитель, — вырывают меня из реальности слова Эмио.

У меня даже вопроса не возникает о том, кто это может быть. Дым я могу учуять даже здесь.

— Спасибо, Эмио.

В фойе стоит мой связной. Когда я вхожу, он притворяется, что занят, разглядывая гобелен с воробьями и цветущей вишней. Уголек его сигареты светится в опасной близости от ткани.

— Здесь не стоит курить, — говорю я.

Цанг выпрямляется, стреляя глазами туда, где стою я. Потом вытаскивает сигарету изо рта и зажимает ее двумя пальцами.

— А тебе не стоило уезжать из Хак-Нам. Но вот мы оба здесь.

— А ты как узнал? — выгибаю я бровь, пытаюсь не выказать страха, поселившегося в животе.

— Ты пропустил нашу встречу. К тому же пару дней назад в полицию поступил весьма интересный звонок от одного из таксистов. Он сказал, что довез до Тай Пинг Хилла двух окровавленных мальчишек. Было не так уж трудно сложить два и два.

Я пропустил встречу... Неужели я здесь уже так долго? У этого дома есть особенности замедлять время. Дни, месяцы, годы. Ничто не меняется, кроме наших лиц. Что еще я пропустил?

— Я мог бы тебя арестовать, — продолжает мой связной, — если бы захотел.

— Я должен был кое-то сделать, — говорю я. — Мой бегун умирал.

— И ты сделал. Неважно при этом, что я велел тебе от него избавиться, — рычит он. — Теперь ты просто прижал задницу к стулу. Тратишь время. Следишь за бегом минутных стрелок.

Я выпячиваю челюсть. Не могу смотреть ему в глаза или на родинку, которая находится

у него на подбородке. Вместо этого я опускаю взгляд на сигарету и пепел, оседающий на пол.

— Я был терпелив по отношению к тебе. Но у нас мало времени. — Запястье моего связного дергается — слишком резко, чтобы было похоже на наигранный жест. Горячий белый пепел сыплется на половицы. Отсюда он очень походит на снег. — Я хочу, чтобы сегодня ты вернулся в Хак-Нам.

Я обижен, поэтому бросаю ему вызов:

— Или что?

Цанг лезет в карман. Сначала мне кажется, что он хочет достать новую сигарету (эта почти истлела), но вместо этого он вытаскивает лист бумаги. Он держит его так, чтобы я разглядел написанное: мое имя, мое преступление, мое прощение. С печатью и подписью одного из самых влиятельных судей в Сенг Нгои.

Свежие чернила — шаткая бумажная свобода. Так близко, что я могу дотянуться и вырвать ее.

— Принесешь мне его записи... доставишь задницу Лонгвея мне на блюдечке — и получишь это. Если же нет... — Цанг подносит бумагу к кончику зажженной сигареты. В воздухе возникает запах паленой бумаги. — Всего один звонок. Один, и с тобой покончено.

Он думает, что это меня напугает, заставит отказаться задавать какие-либо вопросы. Должно было напугать. Срок в комбинезоне с подносом в столовой и постоянные оглядки за спину. Но все, о чем я могу думать, — обещание, которое я дал девушке. И я должен его выполнить.

— Девушки из борделя Лонгвея. Что будет с ними?

Я думаю о том, насколько легко будет им выскользнуть через какую-нибудь из многочисленных щелей Хак-Нам. Просочиться обратно в черноту улиц и мужскую похоть.

— Ты не о шлюхах переживай, а о себе. — Цанг складывает бумагу в опасной близости от сигаретного огонька.

— Что здесь происходит?

Ко мне подходит отец, но смотрит не на меня. Он полностью сосредоточен на представителе отдела по обеспечению безопасности. Губы прямые, но взгляд острый, колющий, как у разъяренного добермана. Уверен, у него такое же лицо в те моменты, когда он пытается перетянуть часть правления на свою сторону, решая вопросы индустрии Сан. Именно поэтому наша семья довольно состоятельна, чтобы позволить себе жить в Тай Пинг Хилл.

— Всего лишь перекидываемся с вашим сыном парой слов, мистер Сан.

Мой связной прячет руки за спину, чтобы не было видно сигарету.

— Уже поздно, — говорит отец, хоть это и не так. — У вас, полагаю, много работы.

— Я уже заканчиваю. — Связной улыбается такой тонкой улыбкой, что она не может сойти за искреннюю. — Выход найду сам.

И уходит. Дверь открывается и закрывается, впуская внутрь холодный воздух, от которого запах дыма лишь обостряется. Пепел на полу закручивается вихрем, а потом снова затихает.

— Что они заставляют тебя делать?

Отец смотрит на пепел. Мы палимся на него вместе.

— Невозможное, — говорю я, потому что это самый простой и короткий ответ. И это правда.

— Есть и другие пути, Дей Шинь.

— Неужели? — я поднимаю глаза. Отец стоит рядом со мной. У нас одинаковые рубашки, хотя моя все еще немного влажная. Впервые замечаю, что я выше, чем отец. — Даже все твои деньги не смогут выкупить освобождение от торговли наркотиками и трех трупов.

Отец закрывает глаза. Его веки трепещут, как будто ему больно.

— Ты можешь сбежать. У нас есть связи за рубежом. Ты хорошо говоришь по-английски. И документы я уже оформил.

Побег. Интересно, почему он говорит об этом только сейчас. Он попросил меня ждать, вынудил рисковать, чтобы очистить мое имя. Наше имя. Фамилию Сан.

Выражение его лица говорит мне обо всем. Если я улечу из страны, это покроет позором нашу семью. И этот малюсенький шанс очистить имя (или социальный статус, если это действительно лишь формальность), улетит вместе со мной. Поэтому его слова звучат как ультиматум. Это его последнее предложение.

Я могу сбежать. Начать все с начала вдали от Хак-Нам, от Сенг Нгои, от своей семьи. Подальше от отдела по обеспечению безопасности и учетной книги Лонгвея. Вдали от девушек.

Не думай о шлюхах. Переживай о себе.

Именно так я и делал все это время. Прикрывал свою собственную задницу. Переживал, переживал, всегда переживал. Предупреждение: в результате получаете бессонницу и эгоистичного ублюдка.

Вспоминаю, какой маленькой показалась рука Джин Линь под моей. Думаю про девушку за окном с ее темной как ночь косой и призрачным свечением надежды. Даже думаю про этого проклятого кота — бесхвостого и одинокого, оставшегося в Хак-Нам и мяукающего где-то там.

Эти мысли ворочаются, ворочаются и ворочаются у меня в голове. Они приводят меня к одной-единственной неопровержимой истине: сейчас уже дело не только во мне.

А может, так всегда и было.

И внезапно я понимаю, чего все это время хотел. Боль, ее нельзя унять. Искупление. Шанс сделать все правильно. Я не могу вернуть брата, но могу помочь девушкам. Освободить их мне вполне по силам.

Я не могу доверить отделу безопасности вопрос поиска сестры Джин Линь или свободы девушки за окном. Это я должен сделать сам.

На этот раз я не уйду.

— Я должен остаться. Должен все исправить. — Глаза отца по-прежнему закрыты, когда я произношу эти слова. — Я возвращаюсь в Хак-Нам.

— Там тебя ничего не держит, — напряженным голосом говорит отец.

Десять дней назад он был бы прав. Но сейчас... Я глаз не закрываю, но передо мной маячит лицо девушки, внутри меня сильнее бьется пульс... выворачивает всю правду наружу. Я вспоминаю гладкую раковину под своими пальцами.

Мое обещание не должно оказаться пустышкой. Может быть, я не очень хороший человек, но я могу им стать. Я могу написать новый ответ: герой для девушки за окном.

Я не говорю об этом вслух, ведь даже если я произнесу эти слова, отец их не услышит. Он никогда не был особо хорошим слушателем.

Его глаза открываются, сейчас они напоминают мне не глаза добермана, а клювы

воронов. Хитрые. Острые. Они изучают меня, изучают каждую деталь. В такие моменты я удивляюсь, почему у него ко мне нет ненависти. Почему он все эти годы поддерживал мою жизнь, снабжая деньгами.

— Вызову такси, — говорю я.

Джин Линь

Они дают мне лекарства, чтобы унять боль. Препараты, от которых я словно тону в своей же голове. В основном, я плаваю во тьме. Тяжелой, тяжелой тьме. И я не сопротивляюсь. Не хочу.

Я понимаю, что дни меняются только тогда, когда приходит медсестра с новым оборудованием. Подвешивает новый пакет с лекарством, а пустой забирает.

...

...

...

А потом Дей. Дей? Он стоит у моей кровати. Что-то говорит. Я пытаюсь слушать, но сон вламывается мне в уши, словно ватный тампон. До меня доносится лишь пара слов.

— Прощание... вернуться... сестра... нужен отдых... не ходи следом...

Вернуться? Дей возвращается? Я хочу сесть. Хочу быть рядом. Хочу заставить его взять меня с собой. Он не может оставить меня одну, сонную, на мягких подушках, пока сам пытается найти Мей Юи.

Я пытаюсь ему это объяснить. Пытаюсь открыть рот, протянуть руку и схватить Дея, но все кажется таким тяжелым.

Вместо этого он хватает меня. Берет за руку. Сжимает ее в своей.

На этот раз я слышу каждое его слово.

— Я найду ее. Я верну её.

Какое-то время, пока на меня не наваливается тьма, я ему верю.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Дей

Моя комната кажется меньше, чем раньше. Словно великан прислонился к другой стене и вжался в нее. Не в первый раз я захожу и ощущаю, какая пустота царит внутри. Но это впервые, когда пустота меня задевает.

У меня есть почти все что нужно. Эмио удалось оттереть почти всю кровь с моей черной толстовки и джинсов. Пистолет все еще лежит у меня в кармане. Есть лишь единственная причина, по которой я здесь.

Нужно найти очень многое: сестру Джин Линь, учетную книгу, кота без хвоста. У меня нет времени расслаиваться. Я и так уже много его потерял, и девчонка за окном ждет меня. Я даже не снимаю ботинок, когда захожу в комнату. Три шага — и я у дальней стены. Четырех плевков достаточно, чтобы стереть мои метки. Палец становится таким же черным, как и одежда. Никогда прежде я не стирал их так много за один раз.

Шесть.

Пора с этим заканчивать.

Мей Юи

Парню даже стучать не нужно, я чувствую, что он там, за стеклом. Ждет.

Отдергиваю занавеску и прижимаюсь лицом к решетке. Что-то в нем изменилось. Разглядываю сквозь прутья сильные плечи под толстовкой. Всё так же. И волосы те же — огибают скулы и челюсть. Он по-прежнему выглядит замерзшим, засунув руки в карманы.

Дело не во внешности. Он такой же, как и раньше, как и в предыдущие наши встречи. Что-то изменилось в его глазах и походке.

Словно кто-то потерянный отыскал свой путь снова.

И не он один. Я не та девушка, которая сидела за стеклом неделю назад: затаившая дыхание, напуганная. Я знаю, какое желание загадала бы, если бы Джин Линь была здесь. Если бы начался звездопад.

И я сделаю все возможное, чтобы оно исполнилось.

— Привет. — Его голос тоже изменился. В каждом слове чувствуется сила, уверенность. Они эхом отдаются в сердце и потрясают меня до глубины души.

— Я нашла то, что ты ищешь. — Трудно говорить негромко, но эта новость достойна чуть большего, чем шепот. — Я была права. Лонгвей хранит ее у себя в комнате. В верхнем ящике стола.

Я удивлена, что парень меня понимает, ведь слова так быстро вылетают из моего рта. Но он понимает. Я знаю, потому что вижу его глаза, вижу, как они наполняются тем же светом, что наполняет мои вены.

— В комнате наверху?

— Да, — отвечаю я, вдохновленная надеждой на его лице. — Лестница находится в конце восточного коридора. Возле комнаты мама-сан.

Парень закрывает глаза и упирается лбом в шлакоблочную стену. Но он все еще достаточно близко, я могу разглядеть каждую его ресничку. Я замечаю, что на этот раз у него чистые руки. Хотя один из пальцев черный, будто покрыт сажей. Интересно, от чего?

Я настолько погружена в эти детали, настолько увлечена разглядыванием черт моего мальчика, что, когда он заговаривает, я вздрагиваю.

— Я не знаю, что делать, — говорит он с закрытыми глазами.

— Тебе же нужна учетная книга, да?

— Да. Это... часть сделки, которую я заключил с некоторыми важными людьми. Людьми, которые смогут вытащить нас с тобой отсюда.

— Как ты планируешь добраться до книги?

— Я... я не знаю, — говорит он и его плечи опускаются. — У меня был план. Но все сорвалось. У моего напарника ножевое ранение.

Боль. Болезнь. Смерть. Лонгвей не врал насчет улиц Крепости. Мое дыхание распадается на сотни кусочков. Мне требуется некоторое время, чтобы собрать его в единое целое и заставить голос не дрожать.

— А если ты не найдешь учетную книгу, эти важные люди... что будет?

— Ничего хорошего.

Это значит, что он останется там, я буду все так же заперта здесь. Буду задыхаться от дыма благовоний и пудры, что покрывает мои синяки, — оба шанса на другую жизнь разбиты напрочь. Оглядываюсь через плечо на дверь. Смотрю на кипарис, который никогда не вырастет.

Перевожу взгляд на ракушку и парня за ней. Его глаза все еще закрыты, лицо обращено к небу — такое же бледное, что и хвост сгорающей кометы. Мои пальцы еще крепче хватаются за решетку, тоскуя по той стороне, где находится он.

Просто одно из моих желаний.

Чего бы это ни стоило.

— Я помогу, — говорю я ему. — Я достану учетную книгу.

Глаза парня распахиваются и упираются в мои. Свет позади этих глаз сверкает, он свиреп.

— Если они поймают тебя, когда ты будешь забирать книгу... если Лонгвей узнает, к чему все это... — Лицо молодого человека становится суровым, как у человека, узнавшего, что жить ему осталось неделю. — Это слишком рискованно. Он убьет тебя. А я не могу этого позволить.

Моя кожа трепещет точно так же, когда до нее дотрагивались пальцы посла. Они старались давить изо всех сил, нажимать, деформировать. Запереть меня в своем крошечном мирке. Сделать из меня человека, которым я не являюсь.

Это единственный способ.

Но в голове проносятся картинки о том, как выгибается, кричит и воеет Синь. Я слышу, как вливается в вену игла, вижу мечтательный взгляд на её лице. Чувствую темноту коридора, где звучит хор голосов: это мое. Мне это нужно. Мне это нужно.

Желания стоят куда больше, чем умирающие звезды.

— Я знаю, — говорю я, потому что действительно знаю. — Но я не могу так больше. Порой мне кажется, уж лучше смерть, чем то, как я существую сейчас. Если есть хотя бы шанс, хотя бы малюсенькая щелка, я готова.

— Даже если это кажется невозможным? Даже если за дверью дракон?

Даже тогда. Но я не произношу этого вслух, потому что парень произносит это таким голосом, как будто уже знает, каким будет мой ответ.

Мы смотрим друг на друга. Глаза в глаза. Его взгляд разбивает стекло, пронзает металл. Он гудит в моем теле, словно электричество. Он полон сияния, надежды, возможностей.

— Дей, — говорит он. — Меня зовут Сан Дей Шинг. А тебя как?

Дей. Не такое имя дала ему я. Это слишком короткое, слишком резкое, слишком иностранное. Но я позволяю ему кружить у себя в голове. Пусть осядет на его волосах, глазах и коже. Чем больше я думаю о Дее, чем больше смотрю на него, тем больше имя начинает ему подходить.

Парень — Дей — пошевелился, и сапфировый свет с дальних улиц прожилками упал на его лицо. Я напрягаю глаза, пытаюсь изо всех сил пробить темноту, что пролегла между нами. Открываю рот, но из него не вылетает ни звука, словно в горле полнейшая засуха.

Безымянна.

Дей отклоняется, снова попадая в полосу света. Что-то в этой жуткой, электрической синеве меня утешает. Снова начинаю дышать, делая вид, что воздух вокруг меня не наполнен запахом ладана и мужского пота. Вместо этого думаю о горах. О дереве гинкго и о том, как мать снова и снова произносит мое имя.

Не должно быть настолько трудно назвать его. Но мне кажется, что последние несколько раз я говорила его тем, кто был не достоин его услышать. Лонгвею, который произносит его так, словно паук плетет паутину. Осае, который произносит его так, словно знает меня.

Но этот парень сидит напротив, его руки сложены, лицо затемнено, и это не Лонгвей. Не Осама. Это Дей. Он доверил мне свое имя. Поэтому я должна доверить ему свое. Довериться ему полностью.

— Меня зовут... — пытаюсь протолкнуться сквозь осиплость голоса. Мои слова становятся тверже, яснее, как синие глаза Дея. — Меня зовут Мей Юи.

Дей

При звуке её имени из моих легких выходит весь воздух. Сажу прислонившись к стене, и сквозь рубашку просачивается влага. Меня одолевает озноб. Эта зима слишком холодна для простой толстовки. Стоит подумать насчет куртки.

Вот какие мысли вертятся у меня в голове, пока я разглядываю лицо девушки. Может быть, потому что мне так проще. Тепло — куртка — это я могу контролировать. Что-то, с чем способен справиться.

Но это... она... это нечто большее, чем просто заботы о тепле. Она огонь, душа, имя. Мей Юи вибрирует в меня в голове, расходится по моим венам. Застрывает в груди, как шрапнель. Она нечто более мощное, чем полкило С-4. Неконтролируемо.

Мей Юи. Которая выросла на рисовой ферме, окруженной горами. Как и Джин Линь. Каковы шансы?

Изучаю её лицо, пытаюсь найти схожие черты. Сходство не идеальное, но чем больше я вглядываюсь, тем яснее его вижу. То, как изгибаются губы, когда она нервничает. Пышность и наклон ресниц.

Но очень сложно сказать наверняка. Мей Юи не очень редкое имя, а многие девушки в борделе берут себе другое. Вспоминаю таблички на дверях. Алые персонажи, почти невидимые при свете.

И я не могу быть уверен, пока не спрошу.

Я отталкиваюсь от стены.

— У тебя есть сестра?

— Была, — отвечает она. — Раньше. А почему ты спрашиваешь?

Этого достаточно. Для меня. В её словах сквозит грусть, но в них нет смертельной потери. Они не содержат той пустоты, что мои, когда я говорю про Хиро. Сестра Мей Юи жива, она где-то есть. И это "где-то", бьюсь об заклад, находится в особняке на Тай Пинг Хилл.

Все еще ощущаю ладонь Джин Линь в своей руке, она сжимается, когда я произношу слова своего обета. Он кажется таким нерушимым, простое обещание — там, на холме, окруженном забором и прудами. Здесь, на земле, он звучит несколько иначе.

На краткий миг я подумываю ей всё рассказать. Но если Мей Юи не сестра Джин Линь (или хуже, все-таки она и есть, а я не смогу вытащить её оттуда), я не вправе дарить ей ложную надежду. Это слишком жестоко.

— Обычный вопрос, — я стараюсь произнести это как можно небрежнее. Мое сердце бешено скачет, изо всех сил стараюсь побороть волнение. Страх.

Мой предлог пробраться в бордель лежит сейчас на кровати вместе с Джин Линь, а это значит — книга вне пределов моей досягаемости. А без учетной книги я не могу гарантировать Мей Юи свободу. А без Мей Юи я не могу добраться до книги. Не могу гарантировать ей безопасность, не рискуя её же жизнью, бросая вперед, словно королеву на шахматной доске.

Вспоминаю о молчаливой девушке с волочащимися по земле волосами. Кровавый, оборвавшийся побег, который пошел не так. Мое сердце подскакивает и сжимается где-то у горла.

Не хочу рисковать. Рисковать ею. Но, наверное, во мне просто говорит эгоистичный ублюдок.

Забавно, насколько все быстро меняется.

Пальцы Мей Юи тычутся сквозь решетку, словно тоненькие белые стебельки. Они

нежные, ищущие солнечного тепла. Она проталкивает их так далеко, что я вижу ярко-красный лак на ногтях. Этот цвет ей совершенно не соответствует. Слишком резкий и яркий.

— Я достану эту книгу, — говорит она.

— Будем действовать вместе, — отвечаю я. — Я не хочу, чтобы ты хватала учетную книгу Лонгвея при первой подходящей возможности. Он наверняка заметит её пропажу. Нам нужно понять, как вынести книгу. Плюс ко всему, тебе нужно, чтобы их кто-то отвлек, пока ты поднимешься наверх и вернешься, чтобы они тебя не заметили.

Мой разум похож на один из тех часовых механизмов, что Хиро коллекционировал и разбирал на части (это был этап — "клево тут все устроено внутри, я хочу быть инженером"). Вот только сейчас он работал как единое целое. Причем работал на предельных скоростях.

— Сколько времени тебе потребуется? Чтобы взять ключи и подняться наверх?

— Трудно сказать. Ключи мама-сан почти всегда держит при себе. За исключением... — Мей Юи замолкает, теребя рукой косу. Та оборачивается вокруг запястья, словно веревка. — За исключением того времени, когда они у Инь Юй.

— Инь Юй?

— Одна из девушек. Она убирает комнату мама-сан, а значит у нее есть доступ к ключам.

— Ты ей доверяешь?

Руки Мей Юи замирают. Больше её запястий я не вижу, их поглотила прекрасная чернота.

— Да. Если... если расскажу, ради чего это все. У тебя есть деньги?

Ее вопрос застает меня врасплох.

— Немного.

— Другие девушки тоже способны помочь. Учетная книга довольно маленькая. Но всё же через решетку она не пролезет. — Мей Юи кивает на перекрестия прутьев. Не очень большие отверстия, куда едва ли пролезет палец. — Мне придется выйти. Когда я заберу книгу, ты должен будешь купить время девушки по имени Нуо. Жди в её комнате, я принесу книгу туда.

— Эти девушки, Нуо и Инь Юй, откуда ты знаешь, что они тебя не предадут?

— Несколько недель назад одна девушка, Синь... Мы знали, что она собиралась сбежать. Некоторые из нас попытались ее остановить. Но мы ее не выдали.

— Молчание несколько отличается от воровства, — говорю я. — Но скажи им, если мы достанем книгу, я смогу вытащить их оттуда.

Мей Юи смотрит на меня. То, как она разглядывает меня, не моргая, напоминает мне детей, пришедших в зоопарк. Я, должно быть, какое-то животное, запертое по другую сторону решетки, говорящее и делающее такие вещи, что она совершенно не может понять.

— Это правда? — наконец спрашивает она.

Сглатываю, припоминая пепел Цанга и его апатию. Полиции нет дела до девушек, это точно. Но как только у меня будет учетная книга, как только повально пройдут аресты, как только я преподнесу им на блюдечке задницу Лонгвея, не останется никого, кто сможет держать клетку взаперти. Никто не сможет запретить им убежать.

Я киваю:

— Большого я тебе рассказать не могу, потому что это тайна. Но, да. Достань книгу, и вы все будете свободны.

— Другие девочки помогут, — говорит Мей Юи, быстро и уверенно.

— Просто... будь осторожна. — В груди становится как-то неуютно. Даже довериться этим двум девушкам, двум сестрам, довольно сложно, а если добавить еще тех невидимых, смесь становится крайне опасной. Слишком много переменных, слишком много шансов на то, что что-то пойдет не так. — Осмотрительна.

— Когда начнем?

Вовлечение девушек во все это меняет многое, особенно сроки. Прежде, когда только моя (и Джин Линь) шея лежала на плахе, мне хотелось найти учетную книгу как можно быстрее. Но я могу сбежать, а вот эти девушки... они просто мышки, пойманные в ловушку. Если Лонгвей узнает, кто украл книгу, он может уничтожить их всех (и сделает это).

Но даже если бы я действовал в одиночку (купил бы время одной из девушек), это не остановило бы Лонгвея, он все равно мог наказать любую из тех, что попалась бы ему на пути. Кто станет сопротивляться в последнюю очередь. Хорошо это или плохо, но сейчас мы все связаны.

Это единственный путь, которым мы можем воспользоваться.

Нужно все проделать очень быстро, чтобы Лонгвей даже не понял, что книга исчезла, до тех пор, пока к нему не придут копы. Наш удар должен случиться в самую последнюю минуту.

— В канун Нового года. Через пять дней, начиная с сегодняшнего. Я приду к этому окну до того, как войду внутрь. Отвлеку Лонгвея и мама-сан на время, достаточное, чтобы ты успела подняться наверх и уйти оттуда. Потом куплю время Нуо и буду ждать в её комнате, когда ты принесешь книгу. Потом уйду, и Лонгвей ничего не узнает. А затем я вернусь за тобой.

Мей Юи сглатывает:

— А что будет до того, как ты вернешься?

— Постарайся удержать его внизу, в курилке. До полуночи.

— А как я могу быть уверена, что ты вернешься?

Вопрос девушки, которую постоянно бросали. Снова и снова, и снова.

Коса соскальзывает с запястья, и я вижу какую-то отметину. Хищное пятно посреди белизны. Слишком странное, чтобы оказаться тенью, смазанное, как отпечаток пальца преступника. Подпись одного старого эгоистичного ублюдка.

Чертов Осаму.

Я смотрю на её лицо, и все это становится неважно. Не имеет значения, что отец продал её за копейки. Что она может быть сестрой Джин Линь. Моя свобода, моя жизнь — все это теперь в её руках. Не имеет значения, что ракушка была сделана на фабрике.

Даже несмотря на все эти синяки, я не видел никого прекраснее ее. Мей Юи.

— Я вернусь за тобой. Чего бы это ни стоило, — льются из моего рта слова гребанного героя. Лучшая часть меня (та, что разбудила во мне эта девушка) тянется к ней сквозь стекло.

Не знаю, говорил ли я еще когда-либо слова, в которых было больше истины, чем в этих.

* * *

С дедушкой я провел вместе всего несколько лет, но некоторые воспоминания о нем так и не забылись. То, как он всегда замирает от звука летящего самолета. То, как он сжимает трость и на правой руке выступают вены.

Мне было пять, когда я наконец осмелился спросить его про колено.

У него задрожал подбородок — облако седых волос вздрогнуло, словно его причесал ветер.

— Давным-давно, еще до того как родилась твоя мама и ты, я был на войне. Ты знал об этом?

Качаю головой.

— Я служил пилотом. Не боевым, скорее работал на перевозках. — Он помолчал. Обе руки сжали трость, казалось, он всем весом оперся на этот кусок дерева. — Я выполнял задание, когда мой самолет подбили. Я выжил, но катапультировался неудачно. Целый кусок железа застрял у меня в коленной чашечке. После этого ходить прямо я уже не мог никогда.

Своим юным умом я никак не мог понять, насколько для мужчины обидно, когда не можешь нормально ходить. Это остается с тобой навсегда.

Но сейчас, когда я стал старше, веду свои войны и стреляю из своих орудий, я понимаю. В моем сердце эхом отдается боль, пока я все дальше удаляюсь от окна Мей Юи, словно меня тревожит старая рана. Боль, которой я толком и объяснить не могу. Боль, что никогда не позволит мне забыть.

Я думал, что провел эти два года, пытаюсь все стереть. Засунуть свою боль подальше туда, куда могли добраться лишь ночные кошмары. Но все просто замерло: боль застыла во времени.

Я иду проторенными дорожками. Мимо заводов и фабрик, мимо истощенных людей, работающих с неутомимыми машинами. Мимо угла, где в изъеденном молью одеяле ютится беззубый старик, протянув руки лодочкой, словно чашу из плоти и сухожилий. Мимо проституток с оголенными плечами, сидящих ссутулившись на порогах домов. Вокруг бегают босые дети. Мне интересно, куда они бегут. Или от чего. Они играют или пытаются скрыться.

Мне нравилось ходить по этому пути, ничего не чувствуя. Дальше, дальше — прочь. Я вглядывался в эти лица: морщинистые, раскрашенные, невыразительные, испуганные, пустые, — и ничего не ощущал. Даже булавочного укола. Теперь мое сердце готово взорваться от боли. Боли за Джин Линь, и Бона, и Ли, и Куена, и Кма, и за всех тех, кто голодает на этих улицах.

Но это не просто боль, это пробуждение. Боль уходит гораздо глубже, лавой вгрызаясь в кости. Надрыв, что заставляет чувствовать себя очнувшимся, живым. Агония, зажатая в моем сердце. Шрапнель, что никогда его не покинет.

Я не голоден, но, когда прохожу мимо светящейся жаровни мистера Кунга, покупаю полный пакет ча-сио-бао. Их жар проникает сквозь бумагу, обжигая пальцы и ладони. Вспоминаю о Джин Линь. Я должен поговорить с ней, найти телефон и позвонить Эмио.

А может быть, не должен. Она должна соблюдать постельный режим — правило, которое она нарушит в мгновение ока, как только узнает. А если мой план не сработает, а если мы не сможем достать учетную книгу... в первую очередь, именно для Джин Линь будет лучше так ни о чем и не узнать.

У моих ног раздался протяжный низкий вой. Довольно громкий, чтобы заставить меня остановиться и надеяться, что не ошибся. Всю дорогу я оглядывал окрестности. Смотрел, наблюдал, разглядывал кошек без хвостов.

Опускаю взгляд. Сначала я вижу лишь мерцание электрических вывесок на лужах, словно золото, разливающееся у моих ног.

Мр-р-р-р-о-о-у-у?

Перевожу взгляд на правый ботинок. Мне в глаза смотрят желтые зрачки Кма. Он трется о мою ногу, оставляя на джинсах клочки длинной свалывшейся шерсти. То, от чего чихаю. На шерсти сгустки засохшей крови. Вижу, что осталось после ножа Куена. Но я видал и похуже.

— Ну и как ты? Уже пятая жизнь? — интересуюсь я и опускаюсь на колени посреди улицы. Розовый нос Кма тычется в пакет с фаршированными булочками. Его урчание становится все громче и громче. Лезу в пакет и отщипываю кусочек от одной из булочек. Кма проглатывает его целиком: тесто, сок и мясо. Все исчезает за секунду. Кот обнюхивает землю, а потом смотрит на меня.

Еще. Это скорее не просьба, а требование. Озвученное с таким авторитетом, на который способен бесхвостый кот.

— Ах ты мой хороший...

Кма! Кма! Мой поток любви прерывается его чихом. Даже с соплями на носу, кот выглядит достойно. Кма!

Похоже, Джин Линь права. Кошачье чихание звучит иначе.

Мне хочется, чтобы Джин Линь была здесь. Чтобы она увидела — все, что было потеряно, найдено.

2 дня

Джин Линь

Я никогда прежде так долго не спала. Ночи в Городе-Крепости коротки. Без сновидений. Но здесь... проглоченная перинами, простынями и трубками, я не могла отличить сон от яви. Передо мной сменилось множество лиц. Какие-то приходили и что-то говорили: Дей, моя мать, Мей Юи. Другие — медсестра и отец Дея — просто смотрели на меня и наполняли комнату звуком своих шагов. Порой мне чудился Кма, свернувшийся вокруг меня, согревающий и урчащий. Временами над моей кроватью нависал отец. Когда он исчезал, я дрожа просыпалась вся в поту.

А потом я очнулась полностью. Глаза открыты, в голове ясность. Никакого тумана. Оглядываюсь и вижу, что медицинские пакеты, наконец, исчезли. Больше не будет наркотического сна. Сажусь, медленно разминая мышцы. Под плечом все еще чувствуется боль. Горячая и суровая, но терпимая. Сухожилия и суставы затекли. Как будто веревка, очень долго пролежавшая на солнце. Во всем теле трещат кости.

Как долго я спала?

— Есть кто-нибудь? — Мой голос срывается. Несколько дней прошло с тех пор, как я последний раз говорила вслух. Может, и того больше.

Мой оклик эхом раскатывается по голым деревянным полам. Так странно находиться в месте, где стоит такая тишина. Даже на ферме всегда было слышно завывание ветра или звук закипающей воды.

Здесь тихо как в могиле.

— Эй! — снова зову я, на этот раз чуть громче.

В комнату заходит женщина. Она не старая, но уже и не молодая. Примерно такого же возраста, как моя мать, только менее измученная. К ней не притрагивалось солнце и пьяный муж. Ищу на её лице черты Дея. Но их там нет.

Она кланяется, когда подходит к кровати, и я решаю, что это служанка.

— Что-нибудь принести?

— А... а Дей еще здесь?

Служанка хмурится.

— Он ушел некоторое время назад. Могу позвать миссис Сан. Она готовится к новогоднему вечеру.

В желудке всё тут же переворачивается. Сначала я даже не понимаю почему. Но потом возвращается память. Новый год — день, когда все изменится. День, до которого Дею нужно достать учетную книгу. Вещь, которую я обещала помочь найти.

Дей прощается. И уходит без меня.

— Когда... скоро Новый год?

Поддеваю ногтем пластырь. Зубы сжимаются, когда волоски на руке выдираются, а игла глубже впивается в вену.

— Через два дня. — Глаза служанки распахиваются.

Замираю. С руки свисает наполовину оторванный пластырь. Из-под него виден синяк. Два дня до Нового года? Не может быть. Я снова сплю.

— Вы здесь уже восемь дней, — говорит служанка, разглядывая оторванный пластырь.

Смотрю на то, что причиняет боль моей руке. Пытаюсь понять, что говорит женщина. Восемь дней. Как мне удалось потерять целую неделю?

— Вы себя хорошо чувствуете? Может, мне позвать медсестру?

Рву пластырь пальцами. На этот раз он поддается. Следом тяну трубку. Игла выскальзывает. Не обращаю внимания на боль в руке и плече. Выбираюсь из кровати.

— Что... что вы делаете? — Служанка поднимает руки и пытается меня остановить. Да ей и не требуется. Голова кружится, от чего совершенно невозможно подняться на ноги. Закрываю глаза, жду, когда пройдет головокружение.

— Я должна вернуться в Город-Крепость. Немедленно.

На лице горничной разливается паника. Руки взлетают по бокам, словно у птицы, танцующей перед грудой разделанной рыбы.

— Вы не можете вернуться. Вы должны отдыхать. Доктор хочет, чтобы вы остались здесь еще на несколько недель. Он должен снять швы.

Когда я открываю глаза, мир кажется более стабильным. Опускаю глаза и понимаю, что на мне почти ничего нет — только тоненькая хлопковая рубашка. Отдых. Я должна отдыхать. Так сказал мне Дей. У меня такое ощущение, будто по моему телу прошли колотушкой, которой отбивают куриную тушку. Но время, которое мне отпущено, чтобы найти сестру... утекает сквозь пальцы. Дей может решить, что ему удастся выкрасть учетную книгу в одиночку, но я была в логове Лонгвея. Видела, что это невозможно.

— Нет! — Я выдавливаю из себя это слово так громко, как только могу. Я не должна подвести Дея. Возможно, мое тело изранено и болит, но я не могу упустить свой последний шанс найти сестру. Отдохну, когда она будет в безопасности. — Где моя одежда?

Служанка хмурится, мечется между мной и дверью.

— Вы не том состоянии, чтобы вернуться туда.

Мой первый порыв — бежать. Думаю над тем, как увернуться от неё. Но жжение в боку говорит мне этого не делать. К тому же я понятия не имею, где мы находимся. Мы можем быть на многие мили, может быть, провинции, далеко от Города-Крепости. Без своего оранжевого конверта и ботинок я просто прикована к этому месту.

Единственное оружие в моем случае — это правда.

— Я должна помочь Дею. Он должен кое-что сделать до Нового года. Кое-что очень важное. — Я сглатываю. В горле саднит до самых нервов. Сухо от того, что говорю так быстро. — Если меня там не будет, чтобы помочь ему... все может плохо закончиться. Для

него.

Служанка переминается с ноги на ногу. Под её весом скрипит пол. Она разглядывает меня, словно паршивую собаку. Жду, что она откажет мне. Побежит за медсестрой.

Но она всё мнется. Такое ощущение, что это дерево разговаривает с нами на своем измученном языке. Туда-обратно. Туда-обратно. Пока наконец:

— Мне не удалось отстирать с вашей одежды всю кровь. Пришлось от нее избавиться.

Ощущаю под своими пальцами тонкую ткань. В этом я и десяти минут не протяну.

— А есть здесь что-нибудь, что мне подойдет?

— У Хиро бы примерно ваш размер, когда он пошел в школу. Но это одежда для мальчика...

— Пойдет. — И представить не могу, что вернусь в Город-Крепость в платье. Только не после всего случившегося. — А где мои ботинки? Конверт и нож?

— Не было никакого ножа. — Ее взгляд меняется. В её глазах я место грязной шавки становлюсь оскалившим желтые зубы шакалом. — Все остальные ваши вещи лежат на стуле.

Она права. Ботинки стоят на сияющем паркете — два потрепанных солдата. Конверт зажат между ними. Все еще оранжевый. Все еще толстый. А позади стоит книга о звездах, что подарил мне Дей.

— Принесу вам одежду. Потом решим вопрос с машиной.

Служанка с поклоном пятится к двери.

Я же направляюсь к стулу. Мои шаги гораздо медленнее, чем мне бы хотелось. Каждый вдох напоминает мне о схватке. В воспоминаниях пустое, сияющее ужасом лицо Куена. Конечно же, ножа нет. Он остался где-то в подворотне. Погребен где-то глубоко в тканях и костях. Гниет со всем остальным.

* * *

Город размывается за окном автомобиля Сана. Так много неба и солнца. Только над облаками остались шрамы от самолетов. Все кажется таким чистым. В красивых платьях, на высоких каблуках по улицам идут женщины. Крошечные белые собачки тянут поводки из драгоценностей. Мужчины вцепились в свои портфели, словно в рулевое колесо, лавируют между едальнями и лоточниками. По ровному асфальту катятся автобусы и такси. Улицы сходятся и расходятся подобно молниям.

Все вокруг — это признак моего потерянного времени. Магазины покрыты алыми фонарями и замысловатыми бумажными фигурками змей. С лотками, полными мандаринов и фимиамов, ходят торговцы. В течение двух дней улицы будут разрываться красным цветом, пирогами и барабанным боем. Будут взрываться фейерверки. Львы и драконы станут танцевать на мостовой — мужчины в костюмах отгоняют злых духов.

Город-Крепость вряд ли можно пропустить. Вверх взмывают жилые кварталы из ветхих кирпичей. Все они закрыты решетками. Клетки на вершине клетки. После особняка Сано это место кажется уродливым. Не могу себе представить, что чувствовал Дей, когда оказался здесь после жизни, проведенной на холме.

Водитель остается сидеть на месте, когда подкатывает к Южным воротам. Я открываю дверь и выталкиваю себя из машины. Мусор, плесень и грязь бьет мне в нос. Воняет просто ужасно. Но здесь пахнет домом.

Мне требуется довольно много времени, чтобы добраться до двери, ведущей в подъезд

Дея. Каждые пять ступеней приходится отдыхать, переводить дыхание. Огонь в боку разгорается все ярче. Сжигает спину и ребра. Воздух холодный, но мое лицо блестит от пота.

Главные ворота оказываются закрытыми, когда я до них добираюсь. С облегчением опускаюсь на ступеньку. Мне не хватит сил, чтобы преодолеть всю лестницу. Голова опять идет кругом. В глазах мерцает синим и желтым.

По соседству стоит ресторан морепродуктов. Он полон морской соли, нарезанной рыбы и курящих посетителей. Наблюдаю за тем, как через синие пластиковые столики переговариваются клиенты. Своими палочками они выбирают окуня с чесноком или угря. Бездумно пихают их в рот. Как и любую другую еду.

Правда ли все закончится через два дня? В это трудно поверить. Сидя здесь я гадаю, а что делали бы они, узнав о том, какой выпущен приказ? Стали бы они искать новую работу или новый дом? Или они так и жили бы дальше, пока обстоятельства не вынудили бы их все поменять?

Похоже, ходьба и поиски вымотали меня. Я тону в боли в боку и не обращаю внимания на звездочки в глазах. Я не могу бежать. Я не могу драться. Я не могу искать сестру.

Все, что мне остается, — сидеть и ждать.

Дей

Две линии.

Смотрю на них, скрестив ноги и подергивая пальцами. Они таращатся в ответ — тонкие и черные. Как пара тоненьких обожженных деревьев или кошачьи зрачки.

Я мастер ожиданий. Четыре дня — довольно много времени, чтобы придумать второй план (или в моем случае, третий, четвертый, пятый или шестой). Я сидел четыре дня, проигрывал в голове наш план, прокручивал все вероятности. Сотню раз я проникал в бордель и уходил оттуда с книгой. Брал руку Мей Юи в свою и убегал. И больше сотни раз меня ловили, потрошили ножом Фанга, а Лонгвей все это время улыбался.

На самом деле все может пойти как угодно. Так много всего на кону. Одно неверное движение, и со мной покончено. С нами покончено.

Хмыкаю, глядя на отметки. Кма поднимает на этот звук голову, его ушки стоят торчком, а лапы вытянуты вперед. Последнее время он слишком пуглив. Но, думаю, и я был бы таким же, если бы от меня отрезали кусок.

Я ожидал, что кот скроется в одном из проулков, как только прикончит пакет булочек. Но, как и любой уважающий себя представитель кошачьих, он сделал все прямо наоборот — держится поблизости, давая понять, что каждый дюйм моей квартиры принадлежит ему. Из-за его шерсти меня мучает аллергия, но мне не хватило духа выгнать кота на улицу. Хотя скоро всех нас здесь и так не будет.

Кма встает и, потягиваясь, выгибается такой аркой, что мне тоже хочется двигаться. Он крадется, где-то в недрах груди слышится урчание.

— Проголодался? — Мои глаза случайно падают на контейнер из-под курицы в липком, сладком соусе — еда, что мы с котом разделили на двоих. Одно из творений миссис Пак. Еду мы приговорили пару часов назад. — Похоже, пора подкрепиться.

Уже много дней я не испытывал голода. У меня внутри так много переживаний, что для другого места не остается. Я покупаю еду для Кма, но сам ем крайне мало.

— Тогда шагаем вниз.

Кма уже у двери. Его глаза настороже, он в ожидании, пока я достану ключи.

Мы рысью спускаемся по лестнице, двенадцать пролетов, прежде чем Кма ломает

строй. Смотрю вниз, а его уже нет, — серебряная вспышка. Впервые за несколько дней он от меня убегает. Мои носовые пазухи рады, но брови сходятся у переносицы. Что-то здесь не так.

Я могу предположить лишь одно: только один человек может заставить его двигаться так быстро. Эта мысль заставляет и меня бежать быстрее, так что я уже не бегу по ступенькам, а просто перелетаю их.

Коготки Кма уже царапают входную дверь, оставляют невидимые следы. Когда я её открываю и отпираю ворота, он вылетает на улицу, словно стрела.

Нет. Не на улицу. На колени Джин Линь.

Сначала я её не узнаю. На ней старая одежда Хиро. Огромные джинсы раздуваются, словно парашюты, а куртка вообще полностью поглотила девушку. Со спины, из-за всей этой мешковатой одежды и растрепанных волос, она очень похожа на моего брата.

Но потом она поворачивается. Иллюзия рассеивается как последний вопросительный знак.

Не Хиро. Джин Линь. Та, которую я спас.

Сейчас, когда я знаю, мне в глаза бросается её девичество. Изгиб носа, пухлость щек. Как завиваются вверх её ресницы. Было бы ошибкой думать, что все это придает ей хрупкости. Сам факт, что она сидит здесь спустя восемь дней после ножевого ранения, лишь подтверждает это.

— Джин?

Ее пальцы пробегают по шерстке Кма. Она поднимает на меня взгляд. На лице возникает улыбка.

— Ты нашел его.

— Ага, я прям в одном дне от того, чтобы стать отшельником с котом. Что ты здесь делаешь? — Смотрю на её бок — тот, по которому полоснули ножом. Под зимней курткой Хиро никаких повреждений не заметно. Но то, что ничего не видно, не значит, что ничего нет.

— Я обещала помочь тебе достать... — Ее глаза перескакивают на рты жующих лапшу и морепродукты посетителей. — Ну, ту вещь, которая тебе нужна.

— Ты должна лежать, — говорю я. Даже сидя на ступеньках, она выглядит очень усталой и крайне бледной. — Как ты вообще сюда добралась?

Она, не обращая внимания на вопрос, косится на меня.

— Это потому что я девушка?

— Нет. Это потому что тебя пырнули ножом. Едва неделя прошла.

Ее пальцы зарываются глубже в шерсть Кма. Даже отсюда я слышу его мурчание.

— Но я здесь. И я тебе помогу. Я обещала.

— Я не требовал с тебя никаких обещаний. Справлюсь сам. Тебе нужно лежать, чтобы швы не разошлись.

На её лице расцветает боль, она колет меня. Кма тоже таращится на меня своими прищуренными, слишком яркими глазами. Они свирепы, как блики солнца, как будто это не я кормил его все четыре дня и обрабатывал хвост перекисью водорода, заполучив двадцать новых царапин и два укуса.

Слишком упряма. Что кошка, что девушка.

— Если ты думаешь, что я буду просто сидеть и упущу свой шанс найти сестру...

Последнее слово Джин Линь бьет меня под ребра. Сказать или промолчать. Я чувствую

себя ребенком, стоящим в центре качелей, упорно пытающимся сохранить их неподвижность. Я хотел бы подарить ей надежду. Но она ложна... если Мей Юи не является той, что я думаю, или, того хуже, я не смогу её освободить... этого я не перенесу.

— Что? — Джин Линь выпрямляется. Вероятно, она заметила на моем лице напряжение. У меня не очень хорошо получается скрывать эмоции, как хотелось бы.

Этот секрет я больше хранить не могу.

— Твоя сестра. Мей Юи?

Она смотрит на меня так, словно свисает на веревке с крыши, а я держу другой её конец. Мои легкие замирают, я словно окунаюсь в ледяную воду. Мне едва удастся выдавить из себя слова.

— Думаю, я ее нашел.

Мей Юи

Каждый день поливаю кипарис. Делала это уже четыре раза с тех пор, как ушел Дей. Дерево умирает; его зеленые ажурные листья начали портиться. Опадать. Может быть, я поливаю слишком обильно, но не думаю, что проблема в этом. Дерево не предназначено для темного, задымленного борделя.

С моих губ срывается вздох, когда я ставлю чашку с водой на стол. Не понимаю, зачем я еще сопротивляюсь. Конец близок. Скоро мы или спасемся, или нет, это дерево я никогда больше не увижу.

Девочки позади меня сидят на своих привычных местах. Эти последние четыре дня прошли в молчании и ожидании. Они до сих пор ничего не знают про Дея и окно. Четыре дня — это довольно продолжительное время, чтобы хранить тайну в месте, подобном этому.

Нуо слышит мой вздох и тревогу за ним.

— Что случилось, Мей Юи?

Поглаживаю маленькие отростки у деревца. Листья иголками колют мне кожу.

— Я должна вам кое-что сказать. Доверить вам кое-что.

Когда я поворачиваюсь, все трое смотрят на меня.

Эти четыре дня я колебалась, словно разгуливая на ходулях. Эти девушки (мои сестры), я знаю, они смотрят на эту клетку так же, как и я. Хотят оказаться где-нибудь в другом месте. Я слышала, как они говорят о доме, море и днях, где нет стен. В их дыхании слышна надежда.

А еще они видели, что случилось с Синь. Стояли рядом со мной, пока она билась, кричала и тонула в лужах крови и героиновом угаре. В них поселился тот же страх, что и во мне, расплываясь по венам, словно наркотик. Этот паралич должен длиться дни, месяцы, годы. Должен держать нас здесь вечно.

Если я расскажу им, доверюсь, ситуация может развернуться в любую сторону.

Единственное, что меня подкупило, стало окончательным фактором в моем решении, — их молчание о Синь. То, что они ничего не рассказали, когда подруга сбежала. Такое ощущение, что прошло уже много лет с тех пор, как мы сидели кружочком, а Синь говорила. Ее губы двигались так быстро, что я не успевала улавливать некоторые слова. Я была поражена тому, как разругались её щеки, как горят глаза.

Они тоже сидят молча. Ждут, ждут, ждут, что же я им скажу.

— Я нашла способ освободиться.

— Что? — пищит Вень Ки, сидя у моих ног.

Девушки смотрят на меня, моргая по очереди. Внезапно я чувствую себя очень высокой,

поэтому возвращаюсь на край кровати.

— Ну, вообще-то он меня нашел... — говорю я, чтобы заполнить тишину.

— О чем ты говоришь? — Инь Юй уже не сидит, она почти поднялась на ноги, словно кошка, готовая к прыжку.

Мое сердце трепещет, наполняя разум тысячей предупреждений. Теми же самыми, что я забивала голову сама себе, теми же самыми, что пульсировали в моих синяках последние две недели.

«Слишком опасно. Не надо. Еще есть время отступить. Есть время сказать «да».

Так что я делаю именно то, что делаю, когда подбирается страх. Мои пальцы танцуют по алой занавеске и тянут её в сторону.

Ракушка все еще здесь. Лежит снаружи. Её невозможно не заметить. Мои тайны через стекло выставлены напоказ всему миру.

— Что... что это? — Нуо опирается на кровать, чтобы получше разглядеть то, что за окном. То, как она смотрит, напоминает меня с Джин Линь, когда мы разглядывали жевательные липкие и сладкие комочки риса на местном рынке.

За меня отвечает Вень Ки — слово вылетает у нее изо рта, словно молитва.

— Наутилус.

Обе мои подруги таращатся в окно, словно за ним свершается какое-то волшебство. Но Инь Юй смотрит иначе. У нее другой взгляд, в нем больше переживаний, чем очарования. Так смотрели бродячие псы, которых мы с сестрой подкармливали. Они в любую минуту могли показать свои зубы.

— Откуда? — Вень Ки наконец смотрит на меня, всё её маленькое тельце дрожит от возбуждения. — Как?

— Её принес для меня один парень, — отвечаю я. — Он последнее время приходит меня навестить. Мы обмениваемся разной информацией.

— Что за информация? — пищит Вень Ки.

— Насчет Братства. — Я пристально смотрю на Инь Юй. — Я брала на себя твои обязанности не затем, чтобы стать мама-сан. Я делала это затем, чтобы шпионить. Добыть информацию.

— Ты что... — Инь Юй замолкает, понижая голос до шепота. — ...шпионила? За Братством?

— О чем он хотел узнать? — спрашивает Нуо.

— Сначала только имена. Потом ему понадобилась информация о том, где Лонгвей хранит свою учетную книгу.

Пока не замечаю, как три пары глаз распахиваются при звуке имени хозяина, не понимаю, что сама же его и произнесла.

— Он обещает вытащить нас отсюда. Всех. — Мои слова падают, словно камни на неподвижную поверхность пруда. Они заполняют комнату дрожащей рябью. Нуо с Вень Ки смотрят на меня так, будто я собственноручно распахнула перед ними входную дверь.

Инь Юй не двигается.

— И какова его цена?

— Мы должны достать учетную книгу Лонгвея.

Тишина. Дрожь.

— Красная тетрадь? С драконом на обложке? — Пальцы Нуо танцуют по бедру, будто она наигрывает какой-то мотив. — Зачем она ему?

Игнорирую вопрос, на который у меня нет ответа. Лично мне легко довериться Дею — электричество его глаз, глубина голоса, а что там, за стеклом, значения не имеет. Понимаю, что девушкам с этим таинством смириться будет не легко.

— Лонгвей хранит книгу наверху, в верхнем ящике своего стола. Мы должны выкрасть её завтра ночью. Ну, вернее, я должна её выкрасть. Но мне, девочки, нужна ваша помощь.

Парень купит время с Нуо и будет ждать в её комнате. Я возьму ключи у Инь Юй и проберусь в кабинет, пока Вень Ки будет отвлекать Лонгвея и мама-сан. Когда я заберу книгу, занесу её в комнату Нуо, и парень уйдет.

Нуо и Вень Ки вздрагивают при имени Лонгвея. Инь Юй остается безучастной. Челка черная и короткая, падает ей на глаза. Она приглушает тяжесть и жестокость во взгляде девушки.

— И где та часть, в которой мы отсюда уходим? Откуда нам знать, что он не просто трепал языком и не бросит нас? Когда хозяин обнаружит пропажу книги...

— Парень за нами вернется. Он дал слово.

Стараюсь, чтобы голос не дрожал. Надеюсь, сделала для этого достаточно.

— Ты собираешься довериться какому-то оборванцу? Мей Юи, да он же тебя просто использует!

— Вовсе нет! — Как бы мне хотелось, чтобы Дей сказал мне больше слов. Что-то солидное и конкретное. Я не могу с легкостью перевести те слова, что сидят в груди. — Инь Юй, что-то происходит. И это что-то гораздо масштабнее нас.

Инь Юй поднимается, её платье горит красным, словно пламя.

— Пусть парень со своими проблемами разбирается сам. А нам достаточно своих.

В её словах только истина. Вызов, в результате которого мне нужно склониться и подчиниться. Пару недель назад я бы так и поступила, но сейчас я стала жестче. Тоже поднимаюсь на ноги.

— Инь Юй, это наш шанс. Другого может и не быть. — Я смотрю на других двух девушек, нахохлившихся на моей кровати, будто цыплята. — Если ты не хочешь этого делать, позволь хотя бы им самим принять решение.

Нуо кивает:

— Я помогу.

— Я тоже. — Маленькое личико Вень Ки искажает гримаса. Она смотрит на Инь Юй. — Я не хочу оставаться здесь.

— Нет. — Инь Юй делает шаг ко мне и замолкает. — Мы никогда не уйдем отсюда! Неужели вы не понимаете? Теперь наша жизнь именно такова. Единственный способ уйти отсюда — быть завернутой в ковер или мешок для трупов. Вы же видели, что случилось с Синь. Не думайте, что хозяин не сделает того же и с нами. Мы все для него расходный материал!

Глаза чернее ночи сверкают. Они темнее, чем комната без света. Я гляжу в них и понимаю, она для себя все решила давным-давно. Когда кричала и билась Синь, когда игла вошла в её вены.

Продолжаю смотреть на неё, стараясь не потеряться в отчаянии её глаз.

— Значит мы справимся без тебя.

— Нет. — Она вытягивает руку, берется за дверную ручку. — Не справитесь.

Пропасть в животе внезапно становится больше, расплзается, словно она снаружи, а не внутри. Я думала, на худой конец она просто откажется. Но теперь, увидев её белые пальцы

на дверной ручке, я понимаю, что она способна на худшее.

— Инь Юй. Не надо.

Вижу, как ручка продолжает поворачиваться. Она продолжает на неё давить.

— Я не могу позволить, чтобы это случилось снова. Не могу позволить тебе уничтожить нас! Уничтожить их! — Инь Юй смотрит на Нуо и Вень Ки. — Однажды вы двое всё поймете. Я делаю это ради того, чтобы защитить нас.

Она смотрит на меня:

— Выхода нет, Мей Юи. Хозяин обо всем узнает. Нам не удастся его обмануть. Он поймет, что произошло и подсадит нас на наркотики. А может, вообще убьет.

Она продолжает давить на ручку. Давит, давит, давит. К моему горлу подкатывает тошнота. Обволакивает каждый волосок. Каждую вену.

Я никогда раньше не дралась. Ни как Синь, ни как моя младшая сестра. Кулаки, зубы, броски. Но что-то внутри меня щелкает, толкает меня вперед. Внезапно оказываюсь у двери, упершись в её плечом. Бедро с такой силой бьет по запястью Инь Юй, что оно трещит.

Поначалу она удивлена. Потом пытается оттолкнуть меня. Её свободная рука вцепляется мне в лицо. Чувствую, как острые ногти прорезают дорожки по моей щеке. Отклоняюсь, использую всю силу и еще сильнее прижимаю её к стене. Теперь даже её хрупкая оболочка ничего внутри меня не затрагивает.

— Нет. — Из всех сил прижимаю её к стене. — Нет, нет, нет, нет.

Это все, что я могу сказать. Только одно слово. Но даже произнося его, я вижу свои шансы, свою другую жизнь, отличную от этой, свою сестру и её звезды, Дея и его море... И все это поглощено. Поглощено темнотой глаз Инь Юй.

— И что ты сделаешь? Убьешь меня? — Её голос спокоен и отстранен. Так же она и плывет по жизни здесь. — Я пытаюсь выжить. Это все, что вы должны здесь делать, Мей Юи! Успокойся и следуй правилам! Выживай!

Я держу её, напрягая каждый мускул. И вся дрожу. Она права. Я не могу её остановить так, чтобы не вызвать при этом подозрений у Лонгвея и мама-сан. Не вовлекая при этом Вень Ки и Нуо.

Я не смогу удерживать Инь Юй вечно.

— Мы можем выбраться отсюда, — твержу я. — Мы можем вернуться домой. Увидеть море.

Другие девочки смотрят на меня так, как будто я говорю на другом языке, говорю такие вещи, какие она не в силах понять.

Смотрю на Нуо и Вень Ки. Отпускаю.

Инь Юй отступает в сторону. Дверь открывается. Девушка выскальзывает в коридор, яркая красная вспышка исчезает в темноте.

— Мей Юи...

Такое ощущение, что голова мне больше не принадлежит. Глаза упираются в коврик. Натыкаюсь на взгляд Нуо. Рядом с ней дрожит Вень Ки.

— Уходите, — говорю я. — Пока они не пришли.

— Это неправильно. Она не может так поступить.

Это Вень Ки. По её словам, по тому, как дрожит голос, понимаю, что она сердится.

Согнув ноги, усаживаюсь на кровать.

— Инь Юй поступает так, как считает нужным. Она пытается вас защитить.

Они не сводят с меня глаз. Руки Нуо снова дергаются. Вень Ки часто дышит, её грудь

быстро поднимается и опадает.

— Уходите, — опять говорю я. — Пожалуйста.

— А что насчет парня? — настаивает Вень Ки.

— Это уже неважно. Все кончено.

Нуо качает головой. Сначала мне кажется, что она просто со мной не согласна. Но потом я вижу её повлажневшие глаза. Она наклоняется, обхватывая руками меня за плечи. От её волос пахнет корицей и гвоздикой.

Мы больше ничего не говорим. Времени нет. Я крепко обнимаю Вень Ки, а потом они исчезают. Рассеиваются, словно семена на ветру.

В памяти всплывает лицо Дея за окном — светящееся и сильное. Представляю, как он возвращается, ждет, но ничего не знает. Как я подвела его.

Ракушка, конечно же, все еще на месте. Неизменна в моем переменчивом мире. За решеткой и стеклом, все еще никем не тронута.

Оглядываю через плечо комнату с бесполезными, красивыми, умирающими вещами. Ищу что-нибудь тяжелое, чтобы сломать окно. На туалетном столике лежит нефритовая заколка, подаренная мне послем. Подношу её к решетке, острый конец отлично через неё проходит.

Я должна предупредить Дея. Должна до нее дотянуться.

Рукой прижимаю заколку, подсовывая её под окно. Спустя совсем краткий миг, стекло поет. Кусочки разлетаются, будто драгоценные камни. Некоторые сверкая падают на мою кровать.

Потом наступает холод. Он влетает в дыру, и я понимаю, насколько теплой была. Зима просачивается под кожу, заряжая меня свежестью и свободой.

Пальцы скользят сквозь решетку, мимо острого стеклянного края. Они добираются до ракушки, продолжая давить. На какой-то миг я дотягиваюсь до наutilus, ощущаю кожей его гладкость, снова и снова слышу обещания Дея.

"Я смогу вытащить тебя оттуда".

"Я тоже хочу, чтобы ты его увидела".

"Я вернусь за тобой. Чего бы это ни стоило".

Потом выступ заканчивается, и ракушка падает, исчезая с моих глаз. Потеряна.

В мои пальцы впивается стекло. Но я его даже не чувствую. К тому моменту, когда я закрываю дыру одним из платьев, кровь из пальца все еще идет. В последний раз я задерживаю занавеску.

Неподвижно сижу на кровати, пытаюсь остановить кровь, и жду, когда они придут.

Джин Линь

Существуют такие моменты, которых ты ждешь. А потом еще такие, которых ты тоже ждешь. Моменты, которые ты тратишь на ожидание других моментов. Моменты, которые успешно проходят, переворачиваются. Толкают тебя в абсолютно другом направлении.

Мы с Деем стоим в конце переулочка. Дышу часто, в боку все сильнее разгорается огонь. Не обращаю на это никакого внимания. Разглядываю мусор под ногами. Считаю, сколько шагов потребуется, чтобы дойти до сестры.

Из-за переизбытка эмоций меня всю трясет. Дей ведет меня, и я следую за ним, для равновесия балансируя одной рукой, чтобы удержаться на скользких камнях. Я рада, что Дей идет впереди. Не хочу, чтобы он видел, насколько мне трудно держаться.

До окна остается несколько футов, Дей останавливается. Его тело замерло. Моя нога

наступает на пластиковую бутылку, раздаётся хруст. Голова Дея поворачивается ко мне. Миндалевидные глаза сужаются, он прикладывает палец к губам.

Мое сердце бьется чаще — с рыси переходит в галоп. Что-то не так.

Мы стоим неподвижно. Прислушиваемся в темноте. Я ничего не слышу. Дей делает еще несколько шагов вперед. Словно кот перебирается через мусор. На него из окон падает алый свет. Дей смотрит на закрытое окно, словно видит привидение. Он приседает, пальцы шарят среди старых фантиков и крышек от бутылок. Дей что-то подбирает. Что-то изогнутое и тяжелое. Ракушка.

— Что это такое? — шиплю я. — Что не так?

Челюсть сжимается. Палец взлетает к губам, а глаза говорят: "Молчи!"

Я злюсь, уже готовая зашипеть снова, когда по ту сторону стекла раздаётся шум.

— Она призналась в чем-нибудь? — сквозь занавеску голос Лонгвея звучит бодро. Умный, острый, настороженный.

— Мей Юи? Конечно нет. Она просто сидит там как идиотка, — говорит женщина. У нее тонкий и пронзительный голос. Ужасно горький. Услышав, каким образом она произносит имя моей сестры, я съеживаюсь. Но она не оставляет места для сомнений. Моя сестра должна быть здесь. За этим самым стеклом.

— Комнату обыскали?

— В окне есть дырка. Была заложена ее платьем. Однако ракушки нет.

Пальцы Дея смыкаются на моей руке. Он бросается к стене прямо под окном. Я следую за ним. Мои швы бьются о шлакоблоки, и я стараюсь не закричать. Вместо этого прикусываю губу. Соль и железо ощущается у меня на языке. Аллея наполняется слезами.

Свет над нами меняется. Из красного становится желтым. На противоположную стену падает тень — силуэт Лонгвея и какой-то женщины.

— Даже если оно разбилось случайно, почему она держала это в тайне? — раздаётся ясный женский голос. Очень близко.

Рука Дея по-прежнему крепко сжимает мою. Я не смею шевельнуться. Даже посмотреть на него. Слышу дыхание Лонгвея. Тяжелое и густое. Невыносимо близко.

— Порез у нее на руке есть?

— Я... я не заметила, — в голосе женщины слышится испуг. — А что?

— Кровь. — Лонгвей произнес лишь одно слово, но его было достаточно.

— Вы думаете...

— Отправлю Фанга, пусть проверит переулок.

На этот раз у меня хватает сил посмотреть на Дея. Он глядит на меня в ответ. Его лицо похоже на маску пугала: губы плотно сжаты, мешанина разных эмоций и чувств. Глаза упираются в конец переулка. Проницательные и выразительные.

Нам нужно выбираться отсюда.

— Что будем делать с Мей Юи? — спрашивает женщина.

— Пусть сидит на месте. Я найду к ней через минуту.

— А если объявится посол?

— Скажи ему, что она заболела. Предложи другую девушку.

Когда он произносит эти слова, к горлу подкатывает тошнота. Приходится с усилием её проглотить. Удержать внутри последний проглоченный кругляш риса и тунец, которыми кормила меня служанка Санов. Я всегда знала, что ад Мей Юи гораздо хуже моего. Но слыша, как Лонгвей торгует моей сестрой, ад для меня становится очень, очень реальным.

Сердце горит жарче, чем швы. С меня довольно, я жажду крови, готова бежать.

Переулок опять погружается в алое. Голоса затихают, прерванные скрипом петель. Дей вскакивает на ноги, тянет меня следом. У меня такое ощущение, будто я двигаюсь во сне: мышцы устали и болят, но я никуда так и не перемещаюсь.

— Идем, Джин Линь. — Дей тянет сильнее, и я встаю. — Ты должна идти.

— И мы просто так уйдем? Но Мей Юи...

— Ты слышала, что сказал Лонгвей, — перебивает он меня. — Сейчас придет Фанг.

Не могу мыслить здраво. Не сейчас, когда так больно. Не сейчас, когда он тащит меня.

— Но Мей Юи. Книга. Мы не можем уйти!

— Джин Линь. Посмотри на меня.

Это единственное, на что я способна. Все остальное кружится, словно игрушка, висящая над ребенком. Я выбираю одну точку — складку между бровями Дея. Пытаюсь на ней сосредоточиться.

— Мы и не уходим. Уходишь ты. — Дей роется в кармане джинсов. Вытаскивает небольшую пачку денег. — Ты выберешься отсюда и наймешь такси до Тай Пинг Хилла. Номер шестьдесят два. Попроси встречи с послан Осаму.

Посол? Неужели тот придет ради Мей Юи? Он использует её... Во рту становится сухо. Плечи начинают трястись.

Рука Дея сжимается крепче, приводя меня в чувство.

— Скажи, что Мей Юи в беде. Он должен за ней прийти.

— И все?

— Этого достаточно. Это заставит его прийти. — Он засовывает деньги мне в карман. — И это даст нам время, чтобы все исправить.

Чувствую себя не очень хорошо. Голова кружится так же, как в первый день в доме Санов. Мир кренится, даже когда я стою на месте.

— А ты что собираешься делать?

Дей идет, его рука тянет меня, словно плуг, в который впряжен вол. Пока мы идем к главной улице, под ботинками хрустит мусор. Добравшись до перекрестка, Дей отпускает мою руку.

— Мне сейчас лучше всего находиться внутри борделя.

Мне кажется, я неправильно его расслышала, но его рука снова касается моей. Металл, холодный и твердый, опалает кожу. Он внезапным весом отягощает мои пальцы. Опускаю взгляд и понимаю, что именно дал мне Дей, — свой револьвер.

— Сохрани его для меня. — Он прижимает оружие к моей ладони. Тяжелая-тяжелая сила в моей руке. — Если Фанг найдет его, со мной будет покончено.

— Нет! Я тебя здесь не брошу. Я обещала...

Дей всовывает мне в руку пистолет.

— Я помню о твоём обещании. Но помню и о своем. Но нас двое, Джин Линь. У нас два шанса спасти твою сестру. Если мы зайдем туда вместе, мы пропадем. И будь я проклят, если позволю тебе войти туда первой.

— Но, Дей... — Его имя вылетает у меня изо рта. — Лонгвей. Он тебя убьет.

Дей продолжает говорить, он ничего не упускает.

— Если такое случится... забудь про учетную книгу. Вытаскивай сестру. Бегите как можно дальше от города. И не оглядывайтесь.

Таким план и был всегда. Но внезапно мне кажется, что одна я его осуществить не

смогу. У меня больше нет слов. Просто стою и смотрю на парня. В горле комок, а в боку все болит. Руки оттягивает револьвер. Последняя защита, которую отдал мне Дей.

Меня снова трясет.

— Я... я не умею им пользоваться.

— Отводишь боек, нажимаешь на курок, — резко говорит Дей. — Здесь шесть патронов, пока будет возможность, постарайся их не использовать.

Я не хочу оставлять его здесь. Одного. Безоружного. Я хочу остаться с ним и сражаться вместе. Но мой бок говорит об обратном. Я должна идти. Должна отпустить Дея, чтобы он сделал то, что я не могу.

— Давай, тащи свою задницу сюда вместе с Осаму.

Дей смотрит мне через плечо. Туда, где лежит вход в бордель.

Не знаю, получится ли у меня. Но я должна. Мои пальцы крепче сжимаются вокруг пистолета.

— Запомни, Тай Пинг Хилл. Номер шестьдесят два. Посол Осаму. — Дей вбивает информацию в мой мозг. Но ему и не нужно. Каждое слово уже там, пылает огнем. — И возьми вот это на всякий случай.

Он вкладывает мне в руку ключи от квартиры и отпускает, подталкивая меня.

— До встречи.

Надеюсь, он прав.

Я бегу, несмотря на то, что бок разрывается, и мне необходимо заставлять себя передвигать ноги. Пистолет лежит глубоко в кармане, замедляя своим невозможным весом. Каждый шаг просто ужасен. Но ботинки продолжают стучать по мостовой. Бегу по улицам и проулкам. Напрямую к Южным воротам.

Мей Юн

Какая-то часть меня ждала, что я моментально окажусь в гостинной и стану примером здесь и сейчас. Я была готова к этому, готова, что резинка перетянет мое предплечье. Готова, что игла вонзится мне в вену и я познакомлюсь с совершенно другой вселенной. Была готова и к другим вещам — тяжелый звук пистолета, приставленного к моей голове, или острое лезвие ножа, перерезающего горло. Я была готова к концу.

Единственное, к чему я оказалась не готова, — это к комнате Синь.

В птичьей руке мама-сан позвякивают ключи, пока она отпирает замок, подперев бедром дверь. Несмотря на всю пудру и краску, на её лице ясность; все ужасные эмоции, которые она когда-либо переживала, отражаются на нем. Никогда не видела её такой, даже когда Синь, вся переломанная, в крови лежала на полу.

Думаю о той ночи. О затрещинах и криках, когда мы оставили её наедине с Лонгвеем. О синяках, которые она так яростно пыталась скрыть под пудрой и острыми словами. Совсем не важно, что мама-сан держит ключи. Ни один из них не выпустит её наружу. Она в такой же ловушке, что и мы.

Из открытой двери веет запахом, который невозможно скрыть. Моча, отходы и болезнь. Воздух наполняется им, заползает мне в ноздри, в глотку. Я осязаю все те дни, что Синь провела здесь, гнивая под единственной мерцающей лампочкой.

Комната пуста, в ней нет ни мебели, ни декора. Единственное, что есть, — куча подушек, сваленных в углу. Тело Синь, поддерживаемое в течение двух недель героином и небольшим количеством еды, почти невидимо под бледным светом и расписной тканью. Она растянулась на полу в неподвижности, так похожей на смерть.

Мама-сан, похоже, не замечает, привыкла к вони. Она бросает на меня взгляд, и её лицо застывает.

— Глупая девчонка!

Я жду вопросов. Или, возможно, пощечины. Но не такого. Мама-сан сурово смотрит на меня, поджав губы, на которые нанесен толстый слой макияжа.

— Ты могла бы выбраться отсюда. Если бы разыграла карты правильно. И посла могла вокруг пальца обвести. — Она вытягивает мизинец. Лак на ногте такой же красный, как и на губах. — У тебя был шанс, а ты его упустила. Коту под хвост!

— Я ничего не сделала. — Щелкаю внутри выключателем. Тем, что пользуюсь, когда посол залезает ко мне в кровать. Тем, от которого я чувствую себя омертвевшей и внутри, и снаружи. — Просто Инь Юй мне завидует. И распространяет обо мне слухи.

Когда я произношу имя Инь Юй, во мне не возникает чувства вины. Не в этот раз.

— А это не имеет значения. Неужели ты не понимаешь? Там, где есть слухи, живет надежда. А где есть надежда... — Её алый коготь упирается в кучу, лежащую на полу. Там, где на подушке лежит кожа да кости, что остались от Синь. — В местах подобных этому её быть не может.

— Глупая, — бормочет мама-сан и качает головой. Она даже не посмотрела на меня, прежде чем потянулась к двери, чтобы закрыть её.

Сейчас света становится еще меньше. У меня такое ощущение, что меня заперли внутри гробницы.

"Глупая". Слово, произнесенное мама-сан, эхом разносится в темноте. Когтями, словно истина, впивается в меня. Мне никогда не следовало ничего рассказывать девочкам. Никогда не следовало ожидать, что они слепо доверятся парню, которого прежде никогда не видели.

Из угла доносится гремучее дыхание, как будто на пронзительном ветру стучат кости. Теперь, когда в комнате темно, гора подушек трансформируется в толпу неповоротливых духов, подзывающих меня к себе. Они хотят поглотить меня так же, как мою подругу.

Дыхание становится громче, словно сотни сухих листьев сталкиваются и трутся друг о друга. Одна из подушек кренится и падает на бок, за ней что-то шевелится. А потом раздается громкий, ужасный звук.

— Хе-е-е-е-ш-ш-ш...

— Синь? — шепчу я, поскольку не уверена, что хочу, чтобы она меня услышала. Вспоминается тот последний раз, когда я стояла по другую сторону от её двери. Как она бросалась на неё, словно дикий зверь.

Но я не думаю, что она так будет себя вести и сейчас. Демон-подушка не двигается. И только свист, вырывающийся из легких Синь, говорит, что она всё еще там. Делаю несколько шагов вперед и жду, когда глаза привыкнут к темноте.

Она бледнее, чем белые простыни. От неё почти ничего не осталось, ничего от той девушки, что я знала: одна оболочка. Не знаю, сможет ли она вообще встать, даже если попытается.

Но она не шевелится. Вытягивается лишь её рука. Несмотря на то, что движение очень медленное, я отскакиваю назад. Это слабое движение кроет в себе замысел схватить меня за ногу.

Тяжелые вздохи превращаются в слова. Мне приходится напрячься, чтобы их расслышать.

— Ещ-щ-е-е...

— Синь. — Я присаживаюсь, сохраняя дистанцию. — Это я, Мей Юи.

Её глаза открыты, но пусты, словно она вообще ничего не видит. Она просто смотрит и смотрит. Рука лежит спокойно, вывернута, будто кусок бечевки. Синь кажется мертвой. Лишь её ужасное, булькающее дыхание говорит об обратном.

Меня, начиная с шеи и распространяясь дальше по спине, охватывает дрожь. Ухожу обратно к двери и сажусь, подтянув колени к груди. Сажу закрыв глаза. Очень хочется, чтобы можно было закрыть еще нос и уши.

Ракушки нет. Парня нет. А я похожа на падающую звезду, несущуюся во тьму, что гораздо хуже смерти.

Дей

Это было молниеносное решение. Одно из тех, которые вы принимаете, а мозг еще его обдумывает. Я стою у входа в переулок, из которого на широкую улицу вылетает мусор. Нет времени на долгие размышления, но они все равно возникают, впиваясь в меня акупунктурными иглами.

Я понятия не имею, что буду делать, оказавшись за той дверью. Как стану отвлекать Лонгвея до тех пор, пока Осаму не приедет. Я знаю только, что время Мей Юи становится намного короче, чем мое. И у меня есть невыполненные обещания.

Без пистолета в кармане джинсов тело кажется очень легким. Словно от меня оторвали кусочек. Наутилус все еще лежит в рукаве моей толстовки. Неопровержимая улика. Опускаюсь на колени и нахожу пустой пакет из-под сушеных водорослей. Такими мы с Хиро бросали друг в друга во время уроков. Логотип (жеманный облизывающийся мультяшный кот) давно выцвел. Никто и не подумает его подбирать.

Засовываю ракушку в него и отбрасываю к стене. Под ботинками раздается шелест целлофана. Хрустят блестящие осколки стекла. Они острые, как хирургический скальпель. Отлично разрезают кожу, разрывая вены.

Моя рука парит над ними, пока я взвешиваю возможные риски.

Я могу отправиться туда, не имея плана, но черта с два я пойду туда без оружия.

Хватаю самый крупный осколок и засовываю его в передний карман.

Будет лучше, если в этом переулке меня не застукают. В данный момент мой мозг выделяет много адреналина. Дважды подчеркивает и выделяет звездами все решения, как Хиро делал пометки на полях своих тетрадей. Делаю себе пометку (чего я никогда не делал, когда учился) выскользнуть на главную улицу и пройти по ней.

Я не так далеко от входа в переулок, как мне бы хотелось, когда из-за угла появляется Фанг. Для такого габаритного человека, он слишком быстр. Когда Фанг замечает меня, он удваивает свой скоростной режим. Я едва успеваю вздрогнуть, как он оказывается возле меня, схватив за толстовку, будто за собачий загривок.

— Ты, — рычит он. — Что ты здесь делаешь?

— Иду к Лонгвею, — говорю я, стараясь, чтобы голос звучал властно. Это сделать не очень просто, глядя на пистолет Фанга, висящий у него на бедре.

— Неужели? — Брови бандита выгибаются, от этого чудовище на его лице движется, словно танцующий дракон в Новый год. Тот, который скоро пройдет по улицам Сенг Нгои. — Забавно. Он тоже желает тебя видеть. Ты застопорил продажу наркотиков.

Черт. Наркокурьер. Как я мог забыть? В любом случае, сейчас я не на многое способен.

Фанг не выпускает из рук мою толстовку. Он тянет меня к двери в бордель, задержавшись лишь для того, чтобы снять обувь. Я чувствую себя грызуном, которого тащат

в гнездо орла. Он ждет, что скоро его разорвут когтями и клювами.

В гостиной сидит несколько курильщиков, но диванчик Лонгвея пуст — только участок потертой ткани и просевшие подушки. Фанг тащит меня сквозь дым. Мы проходим мимо диванов и прислуживающих девушек. Вглядываюсь в их лица, надеясь, что одной из них окажется Мей Юи. Что слова, которые мы слышали под окном, это просто ужасная, нереальная иллюзия.

Но здесь её нет. Она не держит ни поднос, ни цитру. Она даже не маячит в тени.

Такое ощущение, что у меня вся грудь заполнена жидким свинцом. Эту же боль я вижу и на лицах других девушек.

Фанг продолжает тащить меня по коридору.

Восточное крыло.

Мы шагаем мимо дверей с именными табличками до самого конца, где вверх завивается лестница. У нижней ступеньки бандит отпускает мою толстовку, подталкивая вперед.

— Наверх.

Я преодолеваю каждую ступеньку, стараясь не думать о пистолете, который Фанг приставил к моей спине. Вместо этого я думаю о том, насколько близок к учетной книге. Думаю о том, что свобода никогда еще не была так далека от меня.

Когда мы добираемся до верха, мой пульс скачет рысью. Точно так же, как кулак Фанга стучит в дверь.

Когда Лонгвей открывает её, куртки на нем нет. Он одет так же, как Фанг, только более элегантно. Рубашка, застегнутая на все пуговицы. Блейзер. Слаксы. Все черное. Западный бизнесмен собирается на похороны. Вот только западные бизнесмены не носят золотых цепей на шее и пистолетов на бедре.

И я очень, очень надеюсь, что сегодня не будет ничьих похорон.

Главарь Братства замечает меня. На челюсти выпирает шрам от ножа — фиолетовый и блестящий. В своем нарядном одеянии он сейчас как никогда похож на хищника.

— Мне кажется, я просил тебя проверить переулок. — Он стреляет взглядом мне за плечо, глядя на Фанга.

— Я так и сделал, сэр, — быстро отвечает охранник. — Вот этот ошивался поблизости.

— Не знал, что улицы Хак-Нам перекрыты. — Я стараюсь, чтобы во взгляде сквозило недоумение.

— Будут, если я прикажу. — В глазах Лонгвея нет дымовой завесы. Нет лени в движениях. Если раньше он был коброй, то теперь похож на мангуста. Его взгляд упирается в Фанга. — Продолжай искать. Оставь мальчишку здесь. Нам есть что обсудить.

Мои руки крепко прижаты к бедрам; Фанг уходит, спускаясь по лестнице. Сквозь джинсы чувствую остроту стекла.

Лонгвей отходит от двери, и комната открывается передо мной полностью. Первое, что я вижу, — огнестрельное и холодное оружие, висящее на стене. Целый стенд металла и спусковых крючков, мощи и боли пялится мне в лицо. Осколок в моем кармане кажется неудачной шуткой.

Стараюсь не рассматривать оружие слишком долго. Здесь есть на что еще посмотреть. Огромный экран телевизора венчают кроличьи уши и фольга. Полный аквариум аквариум простирается вдоль стены. В нем плавают тропические рыбки. Здоровенный лакированный письменный стол. Верхний ящик с золотым замком.

"Я очень, очень близко. Только если Мей Юи права".

Мэй Юи. Поднимаясь по лестнице, я думал, что она будет здесь. Но в тених комнаты кроется пустота. Она где-то там, внизу, за одной из многочисленных дверей.

Лонгвей выходит в центр комнаты, где стоит стол со стеклянной поверхностью. Идеальные линии из белого порошка протянулись по нему: альбинос с тигровыми полосками.

Я весь напряжен, страх сражается с ощущением, что я добыча. Добыча, оказавшаяся в самом дальнем углу логова зверя. Надеваю на лицо такую маску, которую использовал, когда был младше и отец собирался меня наказать. Смотрю отчужденно, приподняв брови. Как будто никто в этом мире не способен меня остановить.

— Проблемы?

— Тебя не касаются. Пока. — Лонгвей стоит за столом, и я понимаю, что стекло — это зеркало, сияющее своим собственным внутренним светом. — Меня больше интересует, почему ты пропустил нашу последнюю встречу. И предпоследнюю тоже.

— У моего напарника ножевое ранение. Замены я пока не нашел. Не всякий согласится работать на вас.

— И тому есть объяснение. — Лонгвей приподнимает пояс. Его пистолет поблескивает в тропическом свете, исходящем от аквариума. — Ты не выполнил нашего соглашения. Подобное не прощается.

— Да, я слышал что-то такое. — Чувствую у себя в голове каждую унцию крови, которую перекачивает сердце. Удар за ударом. Но я сохраняю маску на лице. Хладнокровен. Не смотрю на стену с острыми-острыми ножами. — Если вы убьете меня, это станет гарантией того, что никто никогда больше не будет работать на вас. И неважно, какие деньги вы предложите. Самое важное — выжить.

— А ты очень опасный малый. Умный. — Лонгвей убирает руку с пистолета, потирая гладко выбритый подбородок. — А я-то думал, что ты сгодишься мне лишь на один раз.

Стараюсь изо всех сил не смотреть на стол. Так близко. Я очень, очень близко. В шаге от книги. Требуется лишь отвлекающий маневр и молниеносное движение. Пуля или клинок в голову.

Но все это оружие на стене может быть вообще не заряжено. В отличие от пистолета в кобуре Лонгвея. Даже если я достану учетную книгу и доберусь до первого этажа, я не знаю, где Мей Юи. А искать её у меня не будет времени.

Сейчас не самый подходящий момент. Но существует вероятность, что лучшего уже не будет. Вот в чем дело.

— Ты мне нравишься, Дей, — говорит наркобарон, — именно поэтому все части твоего тела на месте, а в голове нет пули. Ты умен. Придерживаешься системы. Доводишь все до конца. Мне нужны люди вроде тебя.

Из легких выходит весь воздух. Я смотрю на зеркальную столешницу. Там раздваиваются кокаиновые линии, их кажется больше, чем на самом деле.

— Мне нужны люди вроде тебя, — повторяет он, — но также мне нужно знать, могу я тебе доверять или нет. Должен понимать, что мои интересы ты принимаешь близко к сердцу.

— Это приглашение? — Я даже не имитирую того, что мне не хватает дыхания. Меньше всего я ожидал, когда тащился через эту дверь, приглашения в Братство. Цанг бы от радости нассал в штаны.

— Это зависит от того, как ты на это смотришь. Постарайся поглядеть на это с моей

точки зрения. Ты и правда считаешь, что я позволю тебе соскочить? После всего того, что ты видел. Любой другой уже оказался бы в гробу. Но у тебя есть мужество и мозги. Я не люблю разбрасываться подобными достоинствами.

— Значит... я или присоединяюсь к Братству, или меня где-нибудь прирежут или застрелят?

— Назовем это возможностью.

— Хорошо, что я беспринципный.

Пытаюсь выдавить ухмылку. Стараюсь не думать о Хиро, Пэт Ине, Мэй Юи и всех тех бесчисленных людях, которым он сломал жизнь. Стараюсь не обращать внимания на все те осколки, что горят в моей груди.

— Конечно, нужно пройти кое-какие формальности, чтобы стать официальным членом. Проверка анкетных данных, клятвы и все такое. И небольшой вопрос о твоей лояльности. Все мои люди должны пройти определенный тест.

— Что угодно, — говорю я.

— Что угодно? — Его рука падает с подбородка и зарывается в карман пиджака.

Я киваю и думаю о сотне вещей, что он может заставить меня сделать. Сотне, что я ненавижу.

— Одна из моих девушек доставила мне некоторые неприятности.

Нет. Нет. Нет. Все что угодно. Только не это. У меня такое чувство, что меня разрубили напополам и выпотрошили, а мои кишки намотаны на синие хирургические перчатки. Голова кружится, и мне нужно делать над собой усилие, чтобы продолжать улыбаться.

Лонгвей принялся нарезать вокруг меня круги.

— Я думаю, она общалась с кем-то посторонним. Сегодня утром мы нашли дыру в её окне, а одна из девушек заявляет, что видела ракушку на подоконнике с другой стороны.

— Что вы планируете с ней сделать?

Я рад, что большую часть еды отдал Кма, потому что у меня в желудке такой водоворот, как бывает за кормой парома. Хаос волн, разрезаемых на кусочки острым корабельным носом.

— Ты же не станешь хранить в закромах испорченное яблоко. Хотя я начинаю думать, что они все испорчены. Одна решила сбежать, вторая лезет в бутылку. Наверное, мне придется заменить всю партию. — Он качает головой, словно избавляясь от побочных мыслей. — Но если она разговаривала с кем-то через окно... Я должен знать о чем. И с кем.

— Что вы хотите, чтобы я сделал?

— Ты... — Лонгвей замолкает и идет в угол комнаты, где гудит миниатюрный холодильник. — Ты поможешь мне узнать правду.

Открывается дверца, раздается перезвон бутылок и вспышка слишком яркого света. Лонгвей достает что-то, чего я не вижу. Эта вещь довольно маленькая, чтобы поместиться у него на ладони. Он закрывает дверь холодильника.

— Я уже предоставил ей немного времени, чтобы она поразмыслила над своей судьбой, если решит молчать. Мы с тобой... мы пойдем вниз и зададим ей пару вопросов.

— Но что... о чем я должен спрашивать?

— Задавать вопросы оставь мне. Если она откажется отвечать, я хочу, чтобы ты воспользовался вот этим.

Его ладонь раскрывается, словно устрица, являющая жемчужину. Вот только в мягкой руке Лонгвея лежит не драгоценность. Это шприц, тонкий, как карандаш, наполненный

жидкостью цвета говяжьего бульона. Наркобарон бережно вручает его мне, держа иглу подальше от моей кожи.

На моей ладони лежит шприц с ядом. Стараюсь, чтобы рука не дрожала.

Героин.

Он хочет, чтобы я уколол её.

— Не волнуйся. Работенка не из тяжелых, — улыбаясь говорит он. — Ведь, как ты сказал, главный закон — выжить.

Джин Линь

В такси, которое я поймала, было не так хорошо, как в машине Сана. Я сижу в кресле и чувствую, буду езжу по кругу. Снова и снова. Назад, вперед, снова назад. Мимо пролетает город, но теперь уже ночной. Когда такси взбирается на Тай Пинг Хилл, видно, как сверкает Дальний город. Неоновый свет пылает на фоне ночи. Темное море. Пытаюсь разглядеть Кассиопею, но не нахожу. Её поглотил электрический туман.

Водитель оглядывается через плечо:

— Еще раз, какой номер?

— Шестьдесят два, — отвечаю я, делая вид, что мой мир вовсе не рушится. Что Мей Юи с Деем не заперты в борделе Лонгвея. Окруженные его приспешниками и оружием. Что я здесь не для того, чтобы сражаться ради них.

Это точно такой же наркозабег, что и все остальные, убеждаю я себя, хотя и понимаю, что это не так. Сделай все правильно, и с ними все будет хорошо.

Но быстрого обмена не будет. Наркотики на деньги, и все кончено. Я собираюсь добраться до человека, который посещает мою сестру. До человека, который платит Лонгвею деньги, чтобы... нет. Не могу думать об этом. Не сейчас, когда карман отягощает револьвер.

Вместо этого ковыряю заусенец. Неистово отгрызаю его зубами. Когда мы подъезжаем к дому номер шестьдесят два, на пальце не хватает кусочка кожи.

— Хотите, чтобы я подождал? — интересуется водитель.

Отрицательно качаю головой и расплачиваюсь. Водитель оставляет меня на тротуаре. Под звездами и высокими соснами. Рядом с воротами.

Дом стоит на вершине холма, за густой завесой деревьев. Здание построено по большей части из стекла, а не металла. Сквозь окна льется свет, заставляя все вокруг сиять. Десятки людей, словно куклы, курсируют внутри. Женщины в нарядных платьях. Мужчины в черных белых костюмах. Очень много иностранцев, светловолосых.

Вечеринка. Посол устраивает вечеринку.

Люди за стеклом похожи на рыб, кружащих по аквариуму. Этот мир (все эти люди в драгоценностях и с выпивкой) пугает меня больше, чем Лонгвей со своими людьми, которые, вероятно, уже приставили пистолеты к головам Дея и Мей Юи.

Едва могу перевести дыхание. Пытаюсь сдержать слезы от страха и боли. Иду к двери.

Швейцар замечает меня. Его улыбка сменяется гримасой.

— Пожалуйста, — начинаю ныть я прежде, чем он что-то скажет, — мне очень нужно поговорить с послом.

— Он занят, — отвечает служащий. И голос у него такой же кислый, как и лицо.

— Это... это насчет Мей Юи.

— Молодой человек, я не знаю, о ком вы говорите, но вам нужно уйти. — Дверь начинает закрываться. — Пока я не вызвал охрану.

Я ловлю дверь своей левой, здоровой, стороной и проскальзываю внутрь. Швейцар кричит. Я резко бью его в голень и бегу.

Пробираюсь в самый центр вечеринки, словно бешеный поросенок. Несколько женщин с запада что-то кричат, я их не понимаю.

— Осаму! — кричу я, поскольку не знаю, что еще могу сделать.

Гости замирают. На меня устремлено столько взглядов, что я едва ли смогу их сосчитать.

— Что все это значит? — Один мужчина возвышается над остальными. Его слова грохотом разносятся по помещению. Затуманенная, контролируемая ярость. — Как ты здесь оказался?

Он старше, чем я думала. Его волосы совсем седые. На коже очень много морщин. Больше, чем у трупа. У меня в горле поднимается желчь. Пытаюсь проглотить её обратно, чтобы можно было говорить.

— Посол Осаму, мне нужно с вами поговорить.

Я кланяюсь, хотя чувствую навязчивое желание достать пистолет Дея и приставить его к мужской груди.

— Здесь не то время и место, парень. — Старые морщинистые губы вытягиваются в линию. Он смотрит в дальнюю часть комнаты. Охрана, что в любой момент выкинет меня отсюда.

Я решаю больше не тратить время впустую.

— Это важно. Это насчет Мей Юи.

Когда я произношу её имя, его глаза становятся как плоски. Челюсть сжимается. Не уверена, страх ли появляется на его лице или что-то другое.

Посол хватает меня за больную руку и тянет прочь. Мы проходим мимо возмущенного швейцара, разминающего ногу. Оказываемся снаружи, напротив дома, возле фонтана. От нашего дыхания образуются облачка пара.

— Откуда ты узнал про неё? Как смеешь приходить в мой дом, угрожать моей чести перед моими гостями и моей женой!

Мои. Мои. Мои. Он выплевывает мне в лицо это слово снова и снова. Слюна попадает мне на щеки.

Смотрю прямо на этого человека. На выпяченную грудь и пухлые щеки. Тяжелую гордость в глазах. Смотрю на него и ненавижу. Это чувство снедает меня, бежит по рукам. Леденит грудь и живот. Как будто все, что я ненавидела раньше, объединилось в одно: Куен, отец, Лонгвей. Мне даже становится трудно говорить.

— Мей Юи попала в беду. Лонгвей утверждает, что застукал её за чем-то таким, чего ей делать не следовало. Он собирается её наказать. И не хочет, чтобы вы узнали.

Я произношу каждое слово так, будто оно из моего собственного мира. Я стараюсь привести его в равновесие. Сохранить его.

Пальцы посла сжимают меня крепче мышеловки. В его взгляде видна сила. Он пытается понять, не вру ли я.

— И откуда ты это узнал?

— Я... я работаю наркокурьером у Лонгвея. Одна из девушек из борделя отправила меня к вам. Сказала, что это срочно. Вопрос жизни и смерти.

Последние слова, похоже, убедили его. Осаму отпускает мою руку и возвращается к двери. Я оглядываюсь на окна-стены, где множество бледных лиц вглядывается через стекло.

Смотрят на меня.

Посол перебрасывается словами со швейцаром и берет самую большую куртку, чтобы прикрыть праздничный наряд. Его туфли из изысканной кожи проносятся мимо меня.

— Идем, — бросает он мне через плечо. Так подзывают собаку. У меня нет выбора, кроме как плестись за ним.

Он даже не опускает взгляда, когда я оказываюсь сбоку от него.

— Клянусь богами, парень, если ты ошибся, я сотру тебя в порошок.

Сейчас угрозы для меня ничего не значат. Мое лицо покрыто потом. Бок в буквальном смысле раскалывается. Старая рубашка Хиро пропитывается кровью. Не знаю, смогу ли выдержать это все.

Заползаю в автомобиль посла и падая на сидение чувствую, как в бок впирается револьвер Дея. Он напоминает мне про шесть пуль. Шесть возможностей выбраться отсюда. Сбежать.

Мей Юи

Какое-то время я вижу только темноту и слышу рваное дыхание Синь. Гадаю: это все, что здесь есть? Только вдох и выдох её отравленных наркотой легких, которые дразнят меня подобной судьбой. Ритм действует почти гипнотически. Спустя несколько минут мои глаза закрываются.

А потом дверь распаивается — взрыв дерева и ярости вырывает меня из полудремы. Я перекатываюсь на колени, потом поднимаюсь на ноги, в глазах рябит от количества ног.

Встаю и вижу их лица. Те, которые пришли допрашивать и судить. Макияж мама-сан, татуировка Фанга, золотой зуб Нама, лиловый шрам Лонгвея. Но есть еще и пятое лицо, которое, чтобы узнать, нужно рассмотреть получше.

Смотрю на него и думаю, не сплю ли я. Но нет, тру глаза, а он все еще там, во плоти. Нас не разделяет ни стекло, ни металл. Золотистая кожа. Волосы торчком. Заостренное лицо, полное хитрости и коварства. Глаза, что гудят и сияют, словно песня Феникса.

Дей. Что он делает? Его тоже поймали?

И эти глаза находят мои. Его подбородок дрожит, совсем легкая дрожь. Я опускаю глаза в пол.

— Мей Юи. — В голосе Лонгвея сквозит разочарование, но при звуке моего имени до сих пор по телу проходит дрожь. — Мей Юи. Как ты могла так со мной поступить? После всего, что я для тебя сделал?

Я держу голову опущенной, изучая щели в половицах. Между ними вклинивается пыль многих лет и страдания. До этих мест даже метла Инь Юй не доберется.

— Я... я не понимаю о чем вы говорите, сэр.

— Нет? — Лонгвей подступает ближе. Ощущаю его взгляд по всему моему телу, как он осматривал меня в первый мой день здесь. Он протягивает руку, его холодные и липкие пальцы оборачиваются вокруг моего запястья. — Откуда тогда эти порезы на пальцах?

Он поднимает руку вверх, чтобы было лучше видно. Мне требуется все самообладание, чтобы не выдернуть её.

— Мы знаем насчет дыры в окне. Кто приходил?

Вниз. Глаза вниз. Не смотреть на Дея.

— Никто, сэр.

— Лжешь, — говорит Лонгвей, словно это какой-то очевидный факт. — Инь Юй сказала, ты показывала ракушку. Откуда она у тебя?

— Инь Юй врет. Я уже говорила вам. Она завидует.

— Она достаточно умна, чтобы ничего не утаивать. — Ноздри Лонгвея раздуваются, словно он лошадь, пробежавшая на полном скаку три лье. — Мей Юи, я даю тебе шанс. Расскажи правду, и я позволю послу Осаму забрать тебя в Сент Нгои. Если ты продолжишь врать...

Он машет туда, где стоит Дей — чуть поодаль от всех остальных. Он не смотрит на меня, не встречается со мной взглядом. Я опускаю взгляд на его руки и понимаю почему.

Этот шприц похож на тот, который впивался в руку Синь. Наполненный жидкостью, которая разрушает и приводит к гибели. От его присутствия в пальцах Дея у меня сжимается сердце.

Это предательство? Он все это время играл со мной? Играл ради информации только лишь для того, чтобы потом вышвырнуть меня прочь.

Каждый из этих вопросов стрелой пронзает мне грудь. Весь колчан разрывает меня в самой середине. Я стараюсь, стараюсь, стараюсь встретиться с ним взглядом и получить ответы, но он на меня не смотрит.

Лонгвей ошибается, если считает, что на моем лице написан страх.

— Я позволил тебе провести немного времени в обществе старой подруги, чтобы тяжесть твоего выбора обрела для тебя самый полный смысл. Так что, Мей Юи, либо правда, либо шприц. Что ты выберешь?

Я могу сказать. Это займет лишь краткий миг, который потребуется на то, чтобы направить палец на грудь Дея. Одно слово, один жест — и игла исчезнет. Всё оружие будет направлено на Дея.

И что тогда? Если Лонгвей сдержит слово, меня увезут в Дальний город. Запрут в клетке пентхауса посла на всю жизнь, состоящую из синяков и кусочков моря. Если это и не свобода, но лучше так, чем превратиться в живой скелет на полу Лонгвея.

Я смотрю на шприц, который сейчас в пальцах Дея виден почти полностью. Кожа на его костях очень тонкая, ужасно бледная.

Это авантюра. Все происходящее. Я понятия не имею, сдержит ли Лонгвей свои обещания. А Дей... сосредотачиваюсь на его пальцах. Они дрожат.

Все сводится лишь к одному вопросу.

"Доверяю ли я ему?".

Смотрю на них. Выступающая челюсть Фанга и его сутулые плечи. Шелушащаяся кожа на щеках Нама и блестящий зуб. Мама-сан в облегающем шелковом платье. Распластанные по полу волосы Синь, похожие на смазанные маслом ленты; её глаза открыты, к ним возвращается блеск, когда она замечает руку Дея. Огромный живот Лонгвея, на который туго натянута рубашка. Потом перевожу взгляд на Дея.

На этот раз он смотрит прямо на меня. Наши глаза встречаются лишь на долю секунды. И я знаю.

Чего бы это ни стоило.

— Я говорю вам правду. — Мой голос не дрожит, когда я смотрю на Лонгвея. — За окном никого не было. И ракушки не было. Мое окно разбилось, и я порезала палец, когда затыкала его шелком, чтобы не было холодно. Инь Юй увидела это и решила извлечь для себя выгоду.

Это явно не тот ответ, которого ждет Лонгвей. Он поджимает губы. Он переводит взгляд с Дея на меня и прищуривается:

— Это правда?

— Да, — отвечаю я.

Голова наркобарона снова поворачивается в сторону Дея. Одной рукой он опять хватается за запястье, второй призывно машет в сторону парня.

Дей так близко, что я почти ощущаю исходящий от него жар. Он так отличается от липкой прохлады Лонгвея или пятен пота на груди посла. Это жара из камина зимнего вечера — близкая, дарящая домашний уют.

Я закрываю глаза, греясь в этом тепле, когда Лонгвей вытягивает мою руку вперед. Где-то далеко я слышу треск жгута. Потом чувствую его, он крепко перетягивает предплечье, сгоняя всю кровь вниз к запястью, ладони и пальцам.

Открываю глаза и вижу Фанга, завязывающего узел. Лонгвей смотрит прямо на меня. Ждет, что я начну его умолять, валяться у него в ногах. Вместо этого я смотрю ему в глаза, встречаясь с их твердостью и пустотой.

— Все может быть совсем не так, — говорит он.

— Да. — Под затянутым Фангом жгутом я чувствую каждый удар своего сердца. — Все может быть.

Стержень в моем голосе заставляет его зарычать, и я понимаю: для него не важно, говорю я правду или нет. Мама-сан права. Мужества и надежды нет в месте, подобном этому. Лонгвей топчет их своими каблуками.

Не Инь Юй сделала это со мной, не совсем она. Это его вина.

Он смотрит на Дея и указывает на мои голубые вены, проступающие под кожей.

— Приступай.

Дей

На стене моей квартиры осталось две линии, но это уже не имеет значения. Время вышло. Не осталось ни дней, ни часов. Даже минуты закончились.

Сейчас в моей голове совсем другие цифры. Я быстро считаю в уме, пока пальцы сжимают шприц.

Шесть человек.

Три пушки.

Один шприц.

Один осколок стекла.

Одна книга.

Нескладное, невозможное уравнение. Неважно, сколько раз я буду его пересчитывать, до идеального ответа все равно не доберусь. Книга и девушка не совместимы. После знака равенства либо я, либо она. Но не мы.

Лонгвей зарабатывает себе на жизнь ложью, но в одном он прав — я расходный материал. Жертва, пешка в шахматной игре.

Похоже, есть закон, который стоит выше выживания. Я не знаю, о чем он, но это нечто растет, пульсирует, сжигая все сомнения и страхи.

Не книга. Не я сам. Только Мей Юи.

В шприце с героином уже не осталось прохлады холодильника. Он трясется, наполненный десятками пузырьков. Если кто-нибудь на меня посмотрит, лишь это и увидит. Дрожь и пузырьки. Но моя левая рука ползет в карман, где лежит осколок стекла. Его острый как бритва край впивается в мою ладонь.

На руке Мей Юи так много вен... они выступили на поверхность после того, как Фанг

завязал жгут. Она не пытается сопротивляться, когда наркобарон вытягивает её руку вперед.

— Приступай, — указывает Лонгвей на голубую паутинку вен под её тонкой как бумага кожей.

Перевожу дыхание, ослабив хватку правой руки, где лежит шприц, но в это же время крепче сжимая левую с осколком. Если я все подгадаю правильно, то смогу вонзить его глубоко в шею Лонгвея, забрать у него пистолет и позаботиться о Фанге с Намом. Очень большое если. А еще есть и остальные члены Братства, проходящие через это место.

Выбраться отсюда живым будет не просто, но у меня только один шанс.

Я притворяюсь, что смотрю на иглу, пока подношу шприц к коже Мей Юи. Но на самом деле мои глаза ищут совсем другие вены, они расположены на шее Лонгвея.

Внезапно раздается крик и появляется девушка. Я даже не знал, что она здесь. Поднимается из угла, похожая на ведьму — с растрепанными черными волосами и исхудавшим лицом. Её глаза сосредоточены лишь на одной вещи. Она бросается вперед с такой скоростью, на которую едва ли способны её костлявые конечности.

— Это нужно мне!

Шприц исчезает из моей руки, вырванный этой дикаркой. Я даже не успеваю её остановить. Кулак плотно сжимается вокруг иглы, впивающейся в руку. Но у нее почти не осталось нормальных вен. Героин вперемежку с кровью стекает по руке. Девушку трясет. Она слизывает жидкость, когда Нам вырывает шприц у нее из рук.

Опускаю стекло обратно в карман.

— Убери отсюда Синь! — кричит на Нама Лонгвей. Никогда не видел его таким. Такое злое лицо, полное осенних красок.

— Но куда...

— Мне плевать! — орет Лонгвей. — Пустите пулю ей в башку, мне все равно! И принесите мне еще один шприц.

Нам хватает Синь за волосы и тащит прочь. Лицо девушки становится страшным, словно она одержима. Исходя из того, как она двигается, я готов в это поверить: пинается, царапается, кричит, изворачивается. Хватка Нама ослабевает, и девушка свободна. Она исчезает за дверью быстрее мышки.

Сейчас. Самое время.

Пальцы опять ложатся на осколок стекла, тянут его, вытаскивают, чтобы ударить.

— Что здесь происходит?!

На этот раз мою руку тормозит очередной рёв. И это не Лонгвей. Его лицо спокойно, он молчит. Смотрит куда-то мне за спину, где в дверном проеме возникает тень, закрывая все пути к свободе.

На этот раз я благодарен тому, что осколок такой маленький. Он идеально скрывается в моей ладони. Я крепко его сжимаю и оглядываюсь.

Осаму. Мой план Б. Джин Линь выполнила свою часть.

Посол одет очень знакомо. Я уже видел его в этом стиле, когда был моложе и не знал, кто он. Мне навсегда запомнились золотые запонки, которые сверкали в свете фонарей в нашем саду камней, когда посол потягивал коктейли и флиртовал с каждой женщиной. Включая мою мать.

Он не узнает меня, сомневаюсь, что он вообще меня заметил. В гневе Осаму похож на быка. Он так сосредоточен, что даже забыл снять обувь у входа. Его сверкающие кожаные туфли выглядят странно в этой вонищей комнате, они сотрясают каждую паркетную доску.

— Лонгвей, что происходит?

— Это внутренние дела борделя, — отвечает Лонгвей, но уже без крика. Замечаю, как его рука тянется к боку. Там спрятано оружие. — И тебя они не касаются.

Я так близко к Мей Юи, что слышу, как меняется её дыхание. Оно учащается то ли из-за пистолета Лонгвея, то ли из-за иглы. Оно похоже на дыхание кролика, оказавшегося рядом с охотником.

Взгляд посла проходит по её руке, задерживается на пальцах Лонгвея, все еще сжимающих запястье, поднимается по набухшим венам к жгуту.

— Мей Юи — моя проблема. Мне кажется, я ясно дал тебе понять, что её трогать нельзя.

— Я уважал твои пожелания, пока это было уместно. Сейчас тому не время. Если ты забыл, Осаму, то именно я владею этим борделем и девушками. Включая Мей Юи.

Мужчины смотрят друг на друга как две гориллы, встретившиеся на одной территории. Каждая из них готова разорвать другую на части. Драматический момент во плоти.

Рядом со мной трясется Мей Юи. Как же мне хочется, очень-очень хочется, чтобы при мне был мой пистолет.

Осаму вытягивает руку и хватает Мей Юи за запястье. Их кожа отличается — у нее белая, словно снег, а у него покрыта возрастными пятнами и жесткими волосками.

— Назови цену, — говорит он, и я вспоминаю обо всех тех синяках, которые видел на коже Мей Юи той ночью. Насколько они идеально совпадают с его хваткой. Не отдавая себе отчета, я крепче сжимаю осколок стекла, его края рассекают мне кожу.

— Вопрос о деньгах больше не стоит, Осаму. — В голосе Лонгвея одновременно слышится твердость и очищение, словно отслаивается кожа. — Она что-то скрывает. Утаивает. Я хочу знать, что именно.

Долгое время стоит тишина. Слышно только частое дыхание Мей Юи. Пожилая женщина в своем облегающем шелке воспринимает все, как паук в паутине. А моя рука все крепче сжимает стекло.

— Скрывает? — Осаму оглядывается, он выглядит так, словно только что проснулся. Шаг за шагом он осматривает комнату: грязные кучи тряпья, пистолет Лонгвея, Мей Юи, я...

Потом его взгляд мечется. Туда-обратно. Туда-обратно, словно следит за теннисным мячом, которым перебрасываемся мы с Мей Юи.

— Теперь мне все понятно, — мягко говорит он.

Ощущаю тепло своей крови на ладони.

— Значит тебе нужна информация? — Голос Осаму похож на озеро. Спокойная и гладкая поверхность, под которой скрывается неизведанная глубина. — От Мей Юи ты её не получишь.

Его глаза, словно камень, застывают на моем лице.

— Вот кто тебе нужен. Сан Дей Шинь. Какие шуры-муры могут быть у наследника империи Сан с Братством? Я уверен, он может порассказать тебе такое количество тайн, которых тебе хватит до конца оставшихся дней твоей короткой карьеры.

Чертов Осаму. Не очень удачный план Б.

Вся ярость и угрозы, которые были направлены Лонгвеем на посла, огнем дракона опускаются на мои плечи. Наркобарон отпускает Мей Юи и достает свой пистолет. На меня смотрит дуло, жесткое и неумолимое.

Игре конец.

Он нажимает на курок.

Джин Линь

Я не могу больше держаться. Посол исчез. Пропал в стенах Города-Крепости, прежде чем я успела отстегнуть ремень безопасности. Даже это сделать тяжело. Моя правая рука горит от боли. Слабость. Рубашка Хиро намочена; снова идет кровь. Мои глаза наполняются слезами боли. От этого меня все слепит. Огни, темнота, блики красных фонарей, развешанных по случаю Нового года. Все сверкает. Смешивается друг с другом.

У меня такое чувство, что со мной покончено. Но лицо моей сестры, её голос — вот самое четкое, что стоит у меня в глазах. Я вижу, как она улыбается из-за чашки с нашим слабеньким чаем. Слышу колыбельные, которые она поет после порки, устроенной мне отцом.

Я думаю о Мей Юи и выбираюсь из машины. Оставляю запах дорогого одеколона и кожи. Тащусь через старые Южные ворота. Моя прогулка похожа на сон, где я гуляю по сердцу этого нереального города. И так на протяжении двух последних лет: канализационные решетки, где я оборудовала свое первое пристанище. Магазины, в которых я воровала. Окно, в которое я вглядывалась по утрам и смотрела мультфильмы. Переулок, где я спасла котенка от мучителей. Второй переулок, где я спасла его еще раз. Ресторанчик миссис Пак и склад барахла мистера Лама. Зубной кабинет мистера Вонга. Тайный уголок где я растянула брезент. И так далее. И тому подобное.

Скоро. Скоро все закончится.

Пистолет оттягивает карман куртки. Все шесть пуль утяжеляют мои шаги, превращая каждый последующий в неподъемную ношу. Но я продолжаю идти. Потому что так надо. Я всегда так делаю.

Вот только в этот раз (решающий, последний) не думаю, что у меня хватит сил.

Мои ботинки хлюпают по подмерзшим лужам. Шаг, еще шаг, боль. Я останавливаюсь. Прислоняюсь к аптекарской двери. Пытаюсь сосредоточиться на баночках с сушеными кореньями и кусочками животных, что стоят за решеткой. У меня двоится в глазах: свет, цвета, темнота.

Почти добралась. Еще один поворот, и я у входа в логово дракона. Осталось не более двадцати шагов, но их нужно еще сделать.

По улице перекачивается пустая жестяная банка, покрытая ржавчиной. Волосы на загривке встают дыбом. Я почти ничего не вижу. Только туман от собственного дыхания и темнота. Они сливаются в единый поток.

— Он там! — кричит кто-то, и я слышу шаги.

Одного за другим я вижу их. Они появляются с разных сторон. Кольцо мальчишек, тряпок и ножей. У них бледные и изможденные лица, на которые падает свет. Заостренные, костлявые, и я даже не уверена, человеческие ли. Может быть, это демоны. Злые духи пришли проглотить меня и отправить в загробную жизнь. Сожрать мою душу за то, что я сделала с торговцем наркотиками. С Куеном.

Моя рука ползет по куртке, пытаюсь нашарить карман, где лежит револьвер.

Но их больше шести. Даже учитывая мой двоящийся взгляд.

Один из мальчишек появляется в поле моего зрения. Он косится на меня, скривив губы. Его нож отбрасывает блики, отодвигая ночь.

— Уверен, что это он? Как-то выглядит иначе.

— Обзавелся обновками. Ничего так! — донесся голос слева от меня.

— Хо Вей прав, — говорит другой мальчишка. — Это он. Тот, который прикончил Куена.

Мальчишка прямо передо мной, приближается еще на несколько шагов. Его нож движется вместе с ним; лезвие опасно приближается к моему горлу.

— Так, так, так, Джин. — На заостренном, изголодавшемся лице появляется ухмылка. — Весьма неожиданно застать тебя здесь.

Мей Юн

Пистолет Лонгвея направлен на Дея. Я хочу закричать, но не могу отыскать свой голос. Или может быть, я кричу да не слышу. Звук пули, вылетевшей из пистолета, заглушает все вокруг. И больше нет ничего: ни грязных половиц, ни макияжа, скопившегося в уголках глаз мама-сан, ни боли, выворачивающей мое сердце... ничего.

Так много всего произошло.

Дея падает, падает, падает вниз. Он на полу. Не двигается. Половицы под ним окрашиваются в цвет моей занавески, моих ногтей. В ушах стоит гул, звон и крик. Это неправильно. Лонгвей переступает через тело и направляет пистолет вниз. Теперь он нацелен прямо в голову Дея.

Пальцы посла сжимают мое запястье. Он давит точно так же, как раньше, ломая невидимое, образуя синяки и боль.

Но он не просто сжимает. Он еще и тянет меня, пытаюсь увести подальше от оружия Лонгвея. Увести от Дея. Он тянет меня за запястье так сильно, что сустав трещит и ноет от боли. У меня в глазах мелькают искры, они сопровождают меня всю дорогу по коридору к гостиной.

Я могла бы до него дотронуться. Мы были так близко друг к другу.

— Пошевеливайся.

Посол тащит меня через кошмар из дыма и диванов. Я не знаю, как бороться с ним. Не сейчас, когда на полу так много крови, и я знаю, что Дея здесь был ради меня. Не важно, чего...

Синь ушла не очень далеко. Она лежит на полу гостиной, её лицо вжимается в ковер. Люди Лонгвея так заняты ею, что не замечают, как посол тащит меня через всю комнату.

Но кое-кто в этой гостиной все же нас замечает. Я спотыкаюсь, видя, как за мной наблюдает Инь Юй. Запястье, которое я впечатала в дверную ручку, безвольно висит сбоку. Челка закрывает глаза, я слишком далеко, чтобы разглядеть выражение лица девушки. Не могу сказать, сожалеет она, опечалена или совсем не чувствует вины. Она не двигается, пока посол тащит меня из дома.

Мы выходим из гостиной, идем по коридору, направляясь к двери. Я мечтала об этом моменте несколько дней, мечтала о том, как покидаю это место. Вот только пальцы на моем запястье были мягче, такие же теплые, бескрайние и волнующие, как его глаза.

Мы могли бы коснуться друг друга.

А потом возникает звук, который заглушает все остальные. Он разрывает все вокруг: морозный воздух, скрип коридорных половиц, мою грудь. Он заставляет посла подпрыгнуть, хотя мы оба знали, что он последует.

Мириадами крыльев мне в уши врывается второй выстрел — снова, и снова, и снова. Убийство опять и опять. Я крепко зажмуриваюсь, словно это поможет заглушить звук. Но я вижу Дея, лежащего на полу с приставленным к голове пистолетом Лонгвея. Ни единого

шанса сбежать.

— Идем. — Посол продолжает меня дергать, как будто я упрямый осел. — Лонгвей может передумать после того, как покончил с мальчишкой.

Покончил с мальчишкой. Эти слова холодят мои кости. Словно стылый воздух влетает сквозь открытую дверь, его достаточно, чтобы заморозить меня. Я больше не человек, я — ледышка.

— Что такое? Ты расстроена? Не пытайся это скрыть. Я видел, как вы двое смотрели друг на друга!

С каждым словом рука посла сжимает мою все сильнее, как будто он пытается вернуть мне покорность.

— Вы убили его...

Я не хочу говорить, но эти мысли сами облекаются в слова. Шок, словно белый лист, трясется так же, как и я.

— Я только что спас тебе жизнь, — шипит посол. Боль впивается в мое запястье тысячью иголок. — Его жизнь за твою. Ты — моя. Никто не встанет у меня на пути. Ни Лонгвей, ни Сан Дей Шинь, ни даже ты сама.

Хотелось бы мне, чтобы он ошибался. Хотелось бы, чтобы те нежные цветы мужества и отваги, что расцветали в моей душе эти последние несколько дней, не оказались вырванными оттуда вместе со смертью Дея. Чтобы мне хватило сил остановить его. Остановить все то, что случилось за последние часы.

Но некоторые вещи просто не созданы друг для друга. И не имеет значения, насколько сильно и страстно ты желаешь их исполнения.

Джин Линь

Моя рука немеет, ныряя в карман куртки Хиро. Возможно, я и коснулась пистолета, но это трудно понять. Мои пальцы неуклюжи и нечувствительны. Такие были, кстати, у отца после третьей бутылки.

Мальчишки подобрались ближе. Они колесо, а я ступица. Их ножи могут стать спицами. Направленными в сторону куртки из винила.

— Где ты успел прибарахлиться? — говорит тот, которого назвали Хо Веем. Он оглядывает меня с ног до головы.

— Вероятно, там же, где и ботинки взял! — говорит парень, стоящий по середине. — А сейчас замолкни!

— Сам замолкни, Ка Минь! — огрызается Хо Вей.

Ощуаю рукоять револьвера. Мальчишки — Хо Вей и Ка Минь — не обращают на меня никакого внимания. Они стоят лицом к лицу. Как пара псов. Пытаются показать свое превосходство перед остальными членами банды.

Дышу влажным воздухом. Мой взгляд фокусируется. Вижу, что их восемь, стоят вокруг меня половинкой луны. Восемь ножей против шести пуль и нетвердой руки.

Никаких шансов. Лучше с ними поговорить.

— Эту одежду мне дали в доме на Тай Пинг Хилл, — говорю я.

Ка Минь и Хо Вей больше не испепеляют друг друга взглядами. Все восемь пар глаз сосредоточены на мне.

— Не может быть, — качает головой мальчика слева. — Он врет!

— А как ты думаешь, мне удалось выжить? — пожимаю плечами я. Винил старой куртки Хиро поет. — Туда меня отвез Дей. Он там родился.

— Тай Пинг Хилл? Там, где живут богатенькие? — Хо Вей хмурится. Его нож опускается на волосок. — Дей родом оттуда?

— Да... — выталкиваю из себя слова. Заставляю свой мозг работать. Если бы эти парни пытались меня убить, я была бы уже мертва. Брошена гнить. Но эти мальчишки... у них нет ни ярости, ни ненависти Куена. Просто оголодавшие лица. Они ищут путь отсюда.

— Оказывается, он богатый парень. С огромным домом и прочими вещами. — Я думаю о деньгах, которые Дей засунул мне в карман. Не надо было отдавать их все таксисту. Мои собственные деньги в конверте лежат в уголке квартиры Дея. Далеко отсюда. — И много одежды. Если вы отпустите меня, я сделаю так, чтобы и вам перепало.

Среди бродяг витает безмолвный вопрос. Их взгляды падают на ножи и холодные, каменные лица. Большинство этих глаз направлено на Хо Вея и Ка Миня. Похоже, место, оставленное после Куена, слишком велико для одного человека.

— Откуда нам знать, что ты говоришь правду? Что не сбежишь?

Нож Ка Миня рубит воздух на каждом слоге. Усиливает эффект от слов.

У меня не осталось сил, чтобы придумывать оправдания. Лгать.

— Вы не можете этого знать.

Ка Минь и Хо Вей переглядываются. Их взгляды острее бритв. Вспоминаю обо всех причинах, ради которых стоит бороться. Стоит умереть.

Позади меня раздается слабый голосок. Бон, парнишка, которого я чуть не убила.

— Да ладно, Хо Вей. Мы не особо любили Куена. Я думаю, Джин не врет. Дей увозил его из города... я следил за ним в тот день. У него есть деньги.

Ка Минь скрещивает руки на груди. Его клинок уже не флиртует с моим горлом.

— Одежда это хорошо. Но наличка куда лучше.

— А я говорю, что мы будем держать его в заложниках! — лает в ответ Хо Вей. — Найдем Дея и пусть раскошеливается, если хочет, чтобы его маленький дружок остался жив. Это наша гарантия, если Джин сказал правду.

Дей... к горлу подкатывает ком, когда я думаю о нем. О том, что он где-то там, в красных коридорах, рискует своей жизнью, чтобы спасти мою сестру. Ему нужен револьвер. Ему нужна я.

На остальное у меня нет времени.

Мои пальцы крепко охватывают рукоять пистолета.

Мей Юн

Снаружи я чувствую себя странно, это какой-то новый мир, где в воздух имеет бесконечное количество оттенков: ладан, морепродукты, вонь от мусора, приглушенная холодом. Вокруг темно, тьма таращится из всех углов и переулков, собирается за электрическими вывесками. И звуки... Я уверена, что их гораздо больше, но я слышу лишь два выстрела. Снова и снова. Они грохочут с каждым ударом сердца. Звенят у меня в ушах.

Мертв. Дей мертв.

"Не может быть", — трепещет сердце.

"Так и есть", — плачет разум. Так и есть.

Тонкий шелк моего платья ничего не может противопоставить зимнему ветру. Холод клубится вокруг меня, будто кошка сворачивается на груди хозяина. Все тепло, что подарил мне Дей, сошло на нет. Как бы я ни старалась, удержать его не смогла.

Но посол цепляется за меня, тащит дальше по улице. Я же оцепенела от шока. Запястье пульсирует от боли. Шелковые тапочки бесполезны на этом пути из камней и стекла.

Ступни кровоточат, они все в порезах, с каждым шагом все больнее.

Осаму победил. Он исполнил свое желание, глядя на то, как в металлической вспышке выстрела умирает моё. И я могла бы это предотвратить. Если бы сказала «да» несколько дней назад, Дей не пришел бы за мной. Ему бы не пришлось смотреть в дуло пистолета Лонгвея. Он не умер бы.

Мы заворачиваем за острый угол, запястье уже бьется в агонии. Посол останавливается, я врезаюсь в жесткую ткань его костюма и пытаюсь рассмотреть причину остановки.

Нам некуда деться.

Улица из шлакоблочных стен, магазинных входов и висящих труб забита беспризорниками. Те, о которых вещал Лонгвей. Но они не похожи на Дея. Они костлявые, бледные, словно призраки, обернутые в тряпки.

На нас смотрят девять пар голодных, мертвых глаз.

— Пошли прочь с дороги! — рычит посол. Свободной рукой он машет так, словно отгоняет назойливых мух.

Но парни не двигаются с места. Мне хватает совсем немного времени, чтобы заметить их ножи, блестящие в темноте.

— Пошли прочь, мелкие ублюдки! — раздается рев из бочкообразной груди посла. Он гремит трубами над нашими головами, от него содрогаются осколки под моими ногами, но мальчишки не шевелятся. Единственное, что меняется, — их глаза. Голод, который прежде был словно налит свинцом, вспыхивает. Он такой же яркий, как золотые запонки на рукавах посла. Такой же острый, как лезвия их ножей.

Джин Линь

Годы глухих дверей и пустых углов. Месяцы темноты и черноты. Ночи мокрой дрожи и мертвых крыс, обжариваемых на вертеле. Дни перебежек, терзаний, драк и перебежек.

И это было не зря. Сейчас я могу просто стоять и смотреть. Гадаю, как я вообще могла сомневаться в том, что найду сестру.

Первое, что я вижу, — её платье. Красное, как дракон, под уличными фонарями. Ярче, чем кровь. Сейчас её волосы длиннее. Заплетены в косы. Лицо мягче, на нем больше грусти. В глазах появилась тяжесть. Вес на плечах, которого раньше не было.

Но это все еще моя Мей Юи. Моя красивая, прекрасная сестра.

Моя сестра — красавица, а посол — чудовище. Наполненное горячим воздухом и дымом. Он фыркает и отдувается лишь для вида. На самом деле Осаму полон страха. Бандиты хорошо его чувствуют. Ножи, упиравшиеся мне в горло, теперь направлены на него. Восемь штук.

— Я государственный чиновник, за мной идут мои люди. Если вы дернетесь, они вас всех перестреляют, — огрызается он.

— Он врет, — ясно и четко говорю я. Громко. Моя рука все еще крепко сжимает револьвер Дея. — Он здесь один.

Только теперь посол замечает меня. Его глаза почти вылезают из орбит. Как у крысы, раздавленной ботинком.

— Ты! Это ты все подстроил, маленький...

Из кармана появляется моя рука. Она не трясется, как все остальные части моего тела. Револьвер направлен прямо послу в грудь.

Оружие завершает то, чего не могут девять ножей. Посол замолкает. Его лицо становится такого же цвета, как свежее мясо. На нем написан страх.

Револьвер не трясется, в отличие от моего нутра.

Давай. Давай. Давай.

Но мои пальцы не двигаются. Не нажимают на курок. Я смотрю в лицо посла и вижу там лишь хитрый прищур Куена. Ужасный, пустой, окровавленный после того, что я с ним сделала.

Я упустила свой шанс. Посол, словно трус, прячется за моей сестрой.

Мей Юн

Посол разваливается подобно клубку ниток, который никто не смог поймать. Все его маски, что он натянул для Лонгвея, сброшены. Сейчас он просто стоит — пигментные пятна на лице становятся фиолетовыми, как мои синяки, — и смотрит на мальчика с пистолетом.

Что-то варварское, что-то знакомое чудится мне в парнишке с оружием. Он смотрит на посла таким же взглядом, каким смотрела на отца Джин Линь: глаза полны яда, в кулаках сила.

Я думаю о сестре и пристальнее вглядываюсь в мальчишку.

Не может быть... Не здесь...

Посол крепко прижимает меня к себе. Теперь он закрыт от пули мной. Как только это происходит, лицо парня меняется, становится мягче. Так много раз я видела его по ночам. Когда мы вместе смотрели в окно, гоняясь за звездами.

Не может быть... Но так и есть.

Образ моей сестры — вот та сила, что требуется мне сейчас. Она наполняет меня изнутри сталью, отвагой и нереальностью. Моя свобода, моё освобождение стоит прямо передо мной. И я единственная, кто может за все это ухватиться.

Ладонь посла сжимает мне горло. Его рука лежит на плече. Я со всей силы вонзаюсь в неё зубами.

Он воет, и во рту я ощущаю вкус крови: соленый и горьковатый. Посол отдергивает руку, и я мчусь к мальчишкам и их ножам. Они не обращают на меня никакого внимания, сжимая кольцо вокруг посла. Я вижу их кости, выпирающие у глазниц. Костяшки пальцев, сжимающие слишком большие для них рукояти. На ум приходят бродячие собаки из моей провинции. Насколько ожесточенных и костлявых существ сделал из них голод. Монстры, что не знают страха.

Сестра хватает меня за руку и тянет прочь. Мы бежим по улице, успев проскользнуть в темный переулок, когда посол кричит уже всерьез.

И мне не жаль.

Иногда, когда ярость отца достигала невозможных пределов, а удары становились убийственными, мы прятались. Джин Линь всегда шла первой: прочь за дверь, мимо дерева гинкго в лабиринт рисового поля. Мы заходили по пояс в воду, скользя, словно змеи, которые на самом деле жили в этих зеленых волнах.

Сейчас у меня такое же ощущение. Но вместо рисовых полей Джин Линь ведет меня мимо липких стен и куч мусора. Использует щели, которые я бы даже не заметила, если бы она изо всех сил меня туда не потянула.

Крики посла затихают, когда мы наконец останавливаемся. Джин Линь тяжело дышит, гораздо тяжелее, чем должна, и, несмотря на холод, пот капает с кончиков её волос. Она все еще держит меня за руку, пальцы плотно переплетены с моими, как она делала, когда училась ходить.

Стоим в пустом и темном углу, смотрим друг на друга. Безмолвно. Стоим. Смотрим и не

можем поверить.

— Мей Юи. — Она произносит мое имя и сжимает руки так крепко, что мне кажется, теперь она никогда меня не отпустит. — Это я.

После всего, через что я прошла, что было со мной сделано, я думала, что слез у меня не осталось. Но при виде сестры — того, как она произносит мое имя, — что-то во мне ломается. По щекам течет соленая вода.

— Ты пришла за мной.

Джин Линь в моих объятиях уже не помещается, как раньше. Она почти такая же высокая, как я. Её лицо зарывается мне в плечо, так бывало, когда она была маленькой, но сейчас ей приходится нагибаться. Несмотря на куртку, я чувствую проступающие кости.

Когда мы наконец отпрянули друг от друга и посмотрели в лицо, изучающе её разглядываю. Веснушек стало еще больше. Все на носу. И...

— Твои волосы, — ахаю я и смеюсь сквозь остатки слез.

— Обрезала. — Она сглатывает и улыбается, но голос её дрожит. — Когда впервые пришла сюда, чтобы найти тебя.

— Впервые?

— Я погналась за машиной Жнецов, когда они тебя забрали, — объясняет Джин Линь. — Обрезала волосы, чтобы можно было сойти за мальчишку. С тех пор все это время я тебя искала.

У меня нет слов. Смотрю на неё, мою младшую сестру, и заправляю ей за ухо прядь искромсанных волос. Думаю о том, как она отрезала их и примчалась сюда, чтобы отыскать меня. Это выше моих сил. Это невозможно, несмотря на то, что вот она, здесь, и говорит об этом.

Но я помню, как Джин Линь загадывает желания. Как она говорит, что хочет, чтобы мы всегда были вместе. Для нее нет ничего невозможного. Даже в Городе-Крепости.

— Как ты меня нашла? — спрашиваю я и замолкаю. Знаю. Я вижу ответ на лице сестры, ощущаю его в своей груди, где все разрывается на мелкие кусочки.

Моя свобода стоила гораздо больше падающей звезды.

— Мей Юи... — Джин Линь смотрит на меня. — Парень, который приходил к твоему окну...

Закрываю глаза. Так холодно, что меня уже и не трясет. Люди дрожат лишь тогда, когда помнят, что значит находиться в тепле.

— Дей, — произношу его имя я, но это не помогает. Оно мне его не вернет.

— Да, — говорит сестра. — Что с ним случилось?

— Дей, — повторяю я его имя, но вокруг него пустота. Она с зазубренными краями, она воеет, как мое окно с дыркой, впускающей зимний холод. Я не хочу говорить то, что произношу дальше, потому что тогда мои слова станут реальностью. Но даже невысказанное не сможет остановить две пули, выпущенные из пистолета Лонгвея. — Дей мертв.

Джин Линь

Слова сестры ножом бьют под ребра. Они горячи и молниеносны. Ничего, кроме боли. Мне требуется минута, чтобы осознать сказанное. Чтобы разгорелся огонь.

— Приехал посол и обвинил его во всех грехах, — говорит Мей Юи. Она закрыла глаза. Веки трепещут, словно крылья мотылька. — Лонгвей застрелил его.

Мертв. Дей.

Я отказываюсь ставить рядом эти два слова. Они не подходят друг другу. Я же совсем

недавно была рядом с ним. В переулке. Он выглядел таким сильным. Таким уверенным. Таким живым под светом окна.

Но он знал, что это произойдет. Ты же вытащила свою сестру. Убирайся отсюда как можно дальше. И не оглядывайся. Он понимал, что я должна это сделать.

Мей Юи едва дышит рядом со мной. Её дыхание похоже на шелест умирающих листьев, рвущуюся бумагу. Я слышу его и вспоминаю, что на ней нет ничего, кроме шелка и окровавленных тапочек. Возможно, Дей и мертв, но моя сестра все еще жива. И я хочу, чтобы так оно и осталось.

— Вот, — я снимаю куртку. Отдаю ей. Ткань пропитана моими потом и кровью, но все еще пахнет лимоном и зеленым чаем. Как в доме Дея. — Мы должны уходить.

— Куда? — шепчет Мей Юи.

Я не хочу возвращаться в квартиру Дея. Встретиться с пустотой плиток. Две черные метки, которые никогда не будут стерты. Но мой оранжевый конверт там, а Мей Юи нужна обувь. Хорошая одежда. И у меня такое ощущение, что Кма будет там, будет ждать. Не могу потерять и его тоже.

А что потом?

Думаю про дом нашего отца. Об огороде нашей мамы, заваленном крышками и бутылками. Пустые окна и двери. Представляю, как отец стоит, прислонившись к косяку. Ждет. Его щеки краснее заходящего солнца. Кулаки сжаты. А позади него стоит мама. Она всегда позади него.

Я не готова к этой схватке. Не сейчас, когда бок горит огнем. Не сейчас, когда в руке лежит револьвер.

Я не знаю куда мы пойдем. Куда-нибудь далеко-далеко отсюда. Куда-нибудь, где нам никогда не придется оглядываться.

— Мы что-нибудь придумаем, — говорю ей я.

Мей Юи

Джин Линь ведет, а я следую за ней, отключив рассудок. Пытаюсь не думать, не думать, не думать о Дее и последних ужасных событиях. О том, чем он пожертвовал, чтобы я могла бежать по этим улицам за своей сестрой.

Я очень старательно пытаюсь не думать об этом, когда Джин Линь останавливается, знаком показывая, что нужно молчать. Мы в какой-то расщелине. Я даже не могу назвать это переулком, настолько здесь тесно. Шлакоблоки царапают спину. Если я сделаю слишком глубокий вдох, то застряну.

Я хочу выбраться отсюда, потому что камни давят на меня, как будто окружая, но Джин Линь не двигается. Она стоит и куда-то смотрит. Приток свежего воздуха внезапно исчезает, появляется мужское лицо. Вытатуированный алый дракон.

Фанг.

Мое сердце замирает, а вот человек Лонгвея нет. Он проходит мимо нашей щели, что-то волоча за спиной. Раздается ужасный звук царапающего о землю пластика. К горлу подкатывает желчь, но я встаю на цыпочки, чтобы получше разглядеть мешок, когда он проезжает мимо нашего укрытия.

Пытаюсь дышать, но стены не позволяют. Джин Линь крепко сжимает мою ладонь. Словно она знает, что лишь её присутствие сохраняет мне бодрость духа.

Звук волочения затихает слишком рано. По улице разносится ворчание Фанга, откидывающего мешок в сторону.

— Вот что происходит с теми, кто перебегает дорожку дракону, — рычит он на тело, прежде чем его ботинки разворачиваются в ту сторону, откуда он пришел. — Повезет в другой жизни.

Мы с Джин Линь долгие минуты стоим зажатые шлакоблоками и прислушиваемся. Наконец сестра высовывает голову на улицу, как мышь нос из норы. Вытаскивает меня следом, как только убеждается, что там безопасно.

Мешок в длину едва достигает двух вытянутых рук. Куча печального черного пластика. Не хочу смотреть на него, на то, как погибает угол, где крыльцо встречается со стеной. Как будто там внутри лишь мусор, а не парень, который меня разбудил. Освободил меня.

Сестра цепляется за пластик и опускается на колени.

— Джин Линь... — Я не знаю, что сказать, кроме того, что я не могу здесь находиться. Я лучше буду помнить Дея таким, каким он был при жизни, каким появлялся за моим окном. А не парнем в мусорном мешке, выброшенным на помойку. — Пожалуйста.

Джин Линь хмурится, её пальцы глубже зарываются в пластик. Она разрывает его. Чернота с легкостью расходится под её ногтями. Словно кокон, но без крыльев — только смерть.

Мельком вижу кожу, белую и твердую, как китайская тарелка, и отвожу взгляд.

Джин Линь продолжает рвать пластик. Я смотрю на свои окровавленные тапочки, пытаюсь не обращать внимания на болезненную пустоту желудка.

— Мей Юи... — Раздается шорох, и треск затихает. — Посмотри.

Я все еще смотрю в сторону, мну онемевшими пальцами шелк. Не могу смотреть. Не надо меня заставлять. Это больно... красная кожа и осколки стекла... так будет легче.

— Я не могу... не могу видеть Дея таким, — шепчу я.

Сестра сглатывает.

— Это не он.

Джин Линь

Не Дей. Смотрю на тело в мешке. То, что тот бандит тащил по улице... это скорее скелет, чем тело девушки. Жирные волосы. Истощенное лицо. Одна алая точка промеж глаз.

— Синь, — задыхается рядом со мной Мей Юи. — Второй выстрел. Это, наверное Синь...

Опускаю пластик обратно на лицо. Смотрю в глаза сестре.

— Что произошло, когда ты последний раз видела Дея? Где он находился?

— Мы... мы были в комнате Синь. Посол обвинил Дея в том, что тот что-то скрывает, и Лонгвей в него выстрелил. Дей упал на пол, кровь была повсюду. Лонгвей перешагнул через него и прицелился в голову. Посол утащил меня, но я услышала еще один выстрел и подумала... — Мей Юи прижимает ладонь ко рту. Смотрит на мусорный пакет.

— Первый выстрел. Куда Дея ранили?

— Я... я не знаю, — выдавливая она из себя. — Куда-то в грудь. Все случилось так быстро...

Смотрю на сморщенный мешок. Но я не думаю о том, что внутри. Думаю о том, что буду делать дальше. Несколько недель назад я бы убежала... забрала бы сестру из Города-Крепости и бежала, не оглядываясь... Следовала бы правилу номер один. Бежать, бежать, бежать. Я так усердно сражалась, рисковала очень многим, чтобы вернуть Мей Юи. И вот она здесь. Моя работа, причина, по которой я пришла в это место, завершена.

Но я помню об обещании, которое дала Дею, несмотря на то, что он меня об этом не

просил. Я обещала помочь найти книгу. Это его свобода. Если он еще жив, обещание должно быть исполнено.

Дей спас мне жизнь. И моей сестре. Пришло время спасти его.

— Возможно, Дей все еще жив. Скорее всего так, иначе они притащили бы сюда два мешка, — перевожу взгляд на Мей Юи. Она стоит неподвижно, проглоченная курткой Хиро. Щеки мокрые. — А если так, мы должны его вытащить.

Я жду, что она начнет спорить, но вместо этого Мей Юи отрывает глаза от мешка и смотрит на меня. В её голосе слышится сила и уверенность. В её словах — огонь... в ней, у которой раньше и в помине никогда подобного не звучало.

— Я знаю. Как?

Как? Вот в чем вопрос. Мой мозг лихорадочно работает. Крутится быстрее ткацкого станка. Сплетает отдельные потоки воедино. Ткет из них страшный и хрупкий гобелен.

Учетная книга.

Один день до Нового года.

Алое платье Мей Юи.

Полночь.

Восемь парней с ножами.

Револьвер Дея.

Так много составляющих. Частей, которые могут все испортить. Все может рухнуть в любой момент. Стараюсь не думать об этом.

Вместо того я смотрю прямо в глаза Мей Юи и говорю:

— У меня есть план.

1 день

Дей

В комнате темно. Такая абсолютная темнота, когда вы вытягиваете руку вперед, но все равно ни хрена не видите. Полная потеря ощущения времени. День или ночь. Сколько времени осталось до того, как Цанг со своими людьми вломится сюда и потащат мою задницу в тюрьму.

Девушки должны уже быть далеко отсюда. Интересно, воспользовалась ли Джин Линь моим револьвером. Я очень-очень надеюсь, что она пристрелила Осаму... этого сукина сына.

Только такие мысли помогают держать боль в узде, сохранять ясность рассудка. Я всегда раньше долгие ночи напролет гадал, каково это — получить в грудь пулю. Старался представить боль Хиро: она вся внутри него, ничего не выпускает и не впускает. Пламя и лед, все немеет, давит, зовет близкий конец, разделяет дыхание.

Душа и тело отделены друг от друга. Навсегда.

Мне больше не нужно это представлять. Ощущение оказывается гораздо хуже, чем я думал. Сначала я ничего не почувствовал. Просто тяжелый удар в правое плечо, мои колени подогнулись от шока. Боль, впивающиеся иглы и ожог. Мой мозг атакует такое количество болевых симптомов, что я даже не обращаю внимания на склоненного надо мной Лонгвея. Он машет смертью мне в лицо.

Но он не стал стрелять. И в то же время не позволил мне истечь кровью (кто бы мог подумать, что из Фанга может получиться такая отличная медсестра, владеющая перевязками?). И дело не в жалости, он скорее желает получить ответы, прежде чем сунуть меня в мусорный мешок.

Мне повезло, что Лонгвей сначала не слишком усердствовал... ему могло потребоваться лишь пару раз ударить по моему плечу. Но он оставил меня здесь, привязанным к стулу, чтобы я взвесил все варианты.

Варианты. Во множественном числе. Как будто у меня их больше одного.

Пока я молчу, я жив. А я и не заговорю, когда остался всего один день. Я хочу увидеть, как этот ублюдок погорит так же, как Осаму. Надеюсь, Цанг со своей командой окажутся здесь раньше, чем Лонгвей примется за меня всерьез. Захочет выколоть мне глаз или отрезать ухо, чтобы я начал говорить.

Эта мысль заставляет меня снова проверить путы, но веревка удерживает крепко, словно жирный питон обвивается вокруг моих запястий.

Но когда ты слишком возбужден, например, как Лонгвей, ты многое упускаешь. Осколок стекла в моей ладони. Тот, за который я цепляюсь, словно за жизнь. Удар за ударом. Я так его и не показал, сжимая в руке, даже когда Лонгвей ударил в первый раз, вслушиваясь в мой крик.

Ладонь медленно раскрывается, и стекло скользит по пальцам. Начинает двигаться вперед-назад, вперед-назад. Лонгвей на некоторое время вышел, чтобы перекурить или подремать. С каждой прошедшей темной минутой я жду шорох его шагов. Я прислушиваюсь, что они раздадутся за дверью и он увидит, что я разрезаю веревки.

Когда плечо горит огнем, почти не чувствуешь, что руки свободны. Они свисают у меня по бокам. Я падаю на пол, нахожу осколок и опять сжимаю его потной ладонью.

Когда Лонгвей вернется, я должен быть готов.

Я все еще стою на коленях, когда до меня доносится звук шагов, все ближе и ближе. Опираюсь на здоровую руку и подкатываюсь к стене у двери. Моя рука крепче чем прежде сжимает осколок стекла, я готов нанести удар.

Щелкает замок, и дверь распаивается.

Джин Линь

Вонь канализации впивается мне в ноздри. Теплые и влажные джунгли. Стою напротив Ка Миня и Хо Вей. Пристально слежу за их руками. За ножами. Между костяшек пальцев Хо Вей что-то блестит, но, когда я приглядываюсь, понимаю, что это золотые запонки.

— Так мы договорились? — спрашиваю я сквозь шлейф канализационного дыма.

— Рискованно. — Ка Минь стреляет взглядом в напарника.

Рискованно. Одно-единственное слово, описывающее жалкое подобие плана. Пытаюсь проглотить напряженность, ставшую в горле комом, и говорю ему:

— Кто не рискует, тот не пьет шампанского.

— Ага, но риск и Братство — это разные вещи, — уточняет Хо Вей. — Сколько, ты сказал, мы получим?

— Десять тысяч, — называю наибольшее число, что приходит на ум. Надеюсь, отец Дея заплатит. — Если все работает как надо.

Мальчишки опять переглядываются. Разговаривают без слов.

— Десять тысяч, — соглашается Ка Минь. — Никаких убийств.

Мельком смотрю на нож Хо Вей, висящий на поясе. Кончик покрыт чем-то розовым. Перевожу взгляд на запонки в его руках. Приподнимаю бровь.

— Не тогда, когда связываешься с Братством, — продолжает он. — Ты же понимаешь.

Я понимаю. Но спорю с ними все равно. С покалеченным боком и лишь шестью пулями. С непроверенной скоростью ног моей сестры.

— По рукам, — говорю им я.

* * *

По пути к квартире Дея я прохожу мимо магазинчика лапши. Смотрю на часы, висящие на стене. Мультиязычная лягушка отмечает минуты — её язык пытается поймать муху, летающую по цифрам. Круг, потом новый круг, а потом еще один круг. Старик, готовящий лапшу, говорит, что, когда язык поймает муху на самом верху, наступит новый год. И наше время выйдет.

Стараюсь не думать об этом, протискиваясь через дверь в квартиру Дея. Пластиковый пакет заполнен вещами из магазина мистера Лама. Я купила вещей на все оставшиеся деньги. Мне удалось легко поднять его по лестнице, но я все еще чувствую липкую кровь на старой рубашке Хиро.

Еще чуть-чуть. Еще немного пробежаться.

В боку болит так, как будто его нафаршировали перцем. Красным и острым. Стараюсь не обращать на боль внимания, когда захожу в комнату. Бросаю пакет с вещами на пол. Кма обнюхивает полиэтилен. Понимает, что ничего съедобного нет и отворачивается.

Мей Юи отходит от окна.

— Все достала?

— Ага, — вздрагиваю я. Опускаюсь на пол. Никогда от жесткого, холодного кафеля мне не было так хорошо. — И с беспризорниками тоже поговорила.

— Они помогут нам?

Сестра развязывает пакет. Достает контейнеры и расчески, которые положил туда мистер Лам.

— Я застала их в хорошем настроении... — Думаю о запонках. Как они блестят в пальцах Хо Вея, похожие на глаза Кма. Но, похоже, об этом не стоит рассказывать Мей Юи. Пока. — К тому же я предложила им много денег. Так что да. Они в деле.

Красное платье лежит в углу вместе с вещами Дея. Даже в мужской одежде, съехавшими на бок волосами и опухшими глазами, моя сестра красива. Рассматриваю кучу средств для макияжа, лежащих у нее на коленях. Меня начинают терзать сомнения. Я никогда не буду выглядеть так, как она. Как я вообще могла подумать, что моя затея сработает?

Мей Юи достает кисточку и открывает первую баночку. В воздух поднимается пудра с запахом персика. Кма морщится: «Кма! Кма!»

Очень бы хотелось, чтобы это услышал Дей. Чтобы я могла ткнуть его носом в то, что была права.

Скоро. Пробежать еще немного.

— Закрой глаза, — командует сестра, доставая кисть. — Будет немного щекотно.

На лицо ложится пудра. Борюсь с желанием рвануть прочь. Мей Юи требуется несколько минут, чтобы убедиться, что все идеально, но на этом она не останавливается. Перед ней стоит по меньшей мере еще дюжина баночек. Румяна. Губная помада, тени, тушь. Длинные черные зажимы для волос.

А есть еще шелковое платье. Быстро в него облачаюсь, поворачиваюсь к сестре, чтобы она не заметила мою кровоточащую рану. Ту, которая почти ослепила меня жгущей болью. Рано или поздно она меня доконает. Я знаю об этом, но все равно продолжаю сражаться. Надеюсь, мое тело останется со мной до конца.

Чувствую себя глупо. В этом ярком платье и с таким макияжем я больше похожа на героиню мультфильма. Искусственный пучок волос цепляется за мою голову, словно испуганная кошка. Лишь когда привязываю к бедру револьвер, чувствую себя спокойнее.

— Ты прелестно выглядишь, — говорит Мей Юи, отступая от меня. Она восхищается своей работой.

Смотрю в окно. На нас падает флуоресцентный уличный свет. Создает в квартире идеальную картинку. Но себя я в ней не вижу. Вместо этого я вижу девушку, стоящую рядом с Мей Юи. Преображение чудовища в красавицу.

Я наклоняю голову. Женщина в окне повторяет мое движение. Сестра сделала невозможное.

И сейчас она должна это повторить.

Худшая часть плана, та часть, которая заставляет мой желудок выворачиваться наизнанку, — это не риск. Это то, о чем я прошу Мей Юи. Я снова и снова проходила по плану. Сотни раз. Но без моей сестры план осуществить невозможно.

Я почти уже передумала, но она мне не позволила. Она уже не та девушка, которая съезживается в углу отцовской лачуги. Которая плачет, когда на нее лает собака.

— Пора. — Я передаю ей свои ботинки. — Ты готова?

Мей Юи смотрит на потертую кожу и шнурки.

— Уверена, что это сработает?

— Не знаю. — Линии все еще на стене. Идеальная пара. Дохожу до плитки и стираю одну из них салфеткой. — Ты не обязана это делать. Я могу придумать что-нибудь другое.

— Нет, — качает она головой. — Ты не можешь.

Продолжаю пялиться на последнюю линию, такую жалкую на грязно-белом фоне. Она выглядит такой странной.

— Ты не права. Я обязана, — присаживается Мей Юи, натягивая ботинки. Её язык торчит, пока она завязывает шнурки. — Чего бы это ни стоило.

Так сказал бы Дей.

Последняя линия выглядит такой одинокой. Потому что их количество уже не имеет значения. Словно их никогда и не было.

Мей Юи

Ноги в ботинках Джин Линь нещадно ноют — порезанные и покрытые волдырями. Пытаюсь сосредоточиться на боли в пальцах и пятках. Лучше так, чем чувствовать поднимающийся страх, скользящий по каждой вене, когда я прячусь в тени у двери борделя. Там змеится дракон и на посту стоит мужик с пистолетом.

— Ты готова? — спрашивает сестра тоном, говорящим о том, что она считает, я не готова. — Помнишь, куда бежать?

Я знаю, что с того момента, как я видела Дея в последний раз, прошло несколько часов, но у меня такое ощущение, что прошли века. Всякий раз, когда я думаю о том, что с ним случилось и каким пыткам мог подвергнуть его Лонгвей, я вспоминаю свой маршрут. Его мне показала Джин Линь: направо, прямо, мимо охранника, через щель между рестораном, где подают собак, и импровизированной парикмахерской, опять направо, а потом все время прямо по направлению к пушкам.

Не очень длинная дистанция, но я не бегун.

Но стану им. Должна. Потому что Синь мертва, а Дей жив, и это единственный выход.

— Да. — Моя младшая сестра присаживается в тени рядом со мной, поэтому я шепчу:

— Я готова.

Джин Линь смотрит на меня. Даже весь этот макияж, что я нанесла, не может скрыть силу, начертанную на её лице: ум, расчетливость, ожесточение. Она протягивает руку, кладет мне на плечо.

— Я люблю тебя, Мей Юи.

Беру её руки в свои, как делала это много раз. Вот только на этот раз я боюсь размазать не кровь, а макияж. Она теплая, даже горячая, несмотря на то, что на ней всего лишь бесполезное платье.

Не хочу её отпускать. В конце концов, она отстраняется и смотрит мне прямо в глаза.

— У нас получится. У тебя получится.

Киваю, встаю и пытаюсь не думать о том, как дрожат колени. Делаю один шаг, потом следующий, двигаясь в сторону уличного света.

Сначала охранник меня не замечает. Он занят тем, что пинает пустую коробку из-под лапши. Разрывает картон ботинками в клочья. Я беру себя в руки и делаю шаг. Я ближе, очень близко. Он наконец меня замечает. Косится на меня, а потом, когда узнает, его глаза широко распахиваются.

— Эй! — кричит он, но мои ноющие пальцы уже глубоко впиваются в кожу ботинок.

Я бегу.

Дей

Дверь открывается, и комнату заливают алый свет. Стекло в моей ладони готово впиться в запястье или горло. Во все жизненно важные артерии, о которых я узнал на занятиях о здоровье. Сжимаю его крепче и прыгаю вперед.

Наши тела сталкиваются, и я слишком поздно понимаю, что это не Лонгвей. Поднос падает на пол, раскидывая чашки, рис и бинты. Я запутался в красном шелке, под моим телом погребена бедная девушка.

— Не надо! Пожалуйста...

Её глаза как две плоскости, она трясется на 8,9 баллов по шкале Рихтера. Опускаю взгляд и понимаю, что осколок стекла приставлен к её горлу. Убираю его.

— Что ты здесь делаешь?

Я смотрю на разрушенный поднос и понимаю, что нашел ответ на свой вопрос.

— Ты парень, о котором говорила Мей Юи? — Девушка щурит глаза. — Тот, кому нужна учетная книга.

Рефлекторно бросаю взгляд в коридор. Хотя уже не имеет никакого значения, услышит кто-то или нет; весь мой план пошел псу под хвост.

— Типа того.

Я сажусь, поднимается и девушка, её челка шторкой падает на лицо. Она смотрит на стул, перерезанную веревку и опять на меня и на плечо. В её глазах я вижу волну, она вот-вот готова закричать, предупредить весь бордель о моем побеге.

Она пытается перевести дыхание.

— Ты говорил Мей Юи, что можешь вытащить нас отсюда. Ты говорил правду?

— Говорил, неужели? — Адреналин почти сходит на нет, возвращается боль.

Девушка хмурится:

— А книга. Она тебе еще нужна?

Опускаю осколок обратно в недра толстовки, глаза сосредоточены на пустом коридоре. Это лишь вопрос времени, когда кто-нибудь появится.

— Да.

Она изучающе смотрит на меня, как будто я какое-то подобие вируса на предметном столе микроскопа. Увлекательное и опасное без должного обращения. Она лезет в дебри платья и достает связку ключей.

— Возьми. Ключ от кабинета Лонгвея третий по счету справа.

Девушка с ключами. Инь Юй. Та, кто предала Мей Юи. Та, которой мы не можем доверять.

Не знаю, могу ли я довериться ей сейчас. Она может оказаться одной из марионеток Лонгвея, выуживающей мои секреты вместо того, чтобы поделиться своими. Убираю ключи.

— С чего бы такая перемена?

— Я никогда не хотела... — Её голос обрывается. Она сглатывает и пытается повторить, но у нее не выходит. — Они убили Синь у меня на глазах. Просто так. Она мертва.

Это все, что она говорит, но я понимаю. Я видел мертвецов. Я знаю, как они меняют тебя, выворачивают желудок изнутри своей неподвижностью и безжизненностью.

Вот что тело Синь сделало с Инь Юй. Оно уничтожило её.

— Я не хочу здесь умереть, — говорить Инь Юй. — Через минуту я закричу и скажу, что ты прыгнул на меня и вырвал ключи. Лонгвей в гостиной, следит за выходом в коридор.

Конечно, он будет следить за выходом. Выход. Каковы шансы, что я пройду мимо него незамеченным?

— Иди, — просто говорит Инь Юй. — Времени осталось совсем мало.

Джин Линь

Мей Юи бежит быстрее зайца. Охранник несется за ней. Я выскальзываю из-за угла. Потрепанными тапочками перебираю по улице. Вхожу в дверь дракона. В голове крутятся слова сестры: «Иди мелкими шажками. Держи руки перед собой. Склони голову».

Я прохожу мимо некоторых людей Лонгвея в холле. Иду мимо открытых дверей, из-за которых выглядывают девушки. Похоже, никто не замечает грязь под моими ногтями. Грубость конского волоса на голове. Печальное состояние моей шелковой обуви. Кровавый цветок, расцветающий у меня на боку. Тонкую черноту на ткани.

Мне хочется шагать быстрее. Хотя в боку болит так, словно его разрывает на части. С каждым шагом я борюсь с желанием убежать. Мне требуется больше времени, чтобы дойти до гостиной, чем я ожидала. Лонгвей сидит на диване, зажав в губах длинную сигару. Он не замечает, как я проникаю в комнату из коридора. Мей Юи отлично справилась со своей задачей — мое платье, волосы и макияж идеальны. Все составляющие на месте. Я всего лишь одна из безликих девушек.

Сначала книга, потом Дей. Я прокручиваю в голове план и направляюсь к коридору. Направо, где находится комната с книгой. Я почти выскользнула, прошла мимо девушки, играющей на струнном музыкально инструменте, когда раздается голос Лонгвея:

— Ты! Девчонка!

Я замираю. Он смотрит прямо на меня.

Прежде чем моя рука успевает дотянуться до пистолета Дея, Лонгвей поднимает свой бокал.

— Еще вина.

Вино. Он приказывает мне принести ему еще вина. Я спешу к буфету. Отчаянно пытаюсь разобраться в беспорядке стаканов и бутылок. Надо было уделить больше внимания тому, как Инь Юй ему прислуживала. Когда я впервые была здесь.

— Бутылка слева, — раздается шепот девушки. Её слова звучат едва ли громче струн. Смотрю на неё. Её глаза встречаются с моими. Она кивает, но пальцы не останавливаются.

Ей так просто взять и сказать, что я не отсюда. Каковы шансы, что я выстою против Лонгвея?

Хватаю бутылку за горлышко. Оборачиваюсь, готовая его разливать. То, что я вижу, останавливает меня.

Это Дей. Очень даже живой пробирается через комнату по темным углам. Натянув капюшон. Пытается добраться до восточного крыла.

— Какая-то проблема? — ерзает на диване Лонгвей.

— Нет!

Мой ответ звучит намного резче, чем должен. Он крадет сонливость из глаз наркобарона, заставляет его насторожиться. Лонгвей начинает подниматься на ноги.

Один поворот. Один взгляд через плечо. Этого будет достаточно, чтобы Дея поймали.

Выпускаю бутылку из рук. Она падает на пол. Алое вино разливается на ковер, вплоть до тапочек Лонгвея. Он рычит. Встает.

— Этот ковер в десять раз дороже, чем ты! — хватается за руку Лонгвей. Мне требуется вся сила воли, чтобы не выдернуть её. Не броситься в драку. Его пальцы покрыты пятнами засохшей крови. Стараюсь не думать о том, кому она принадлежит.

— Мне очень жаль, сэр.

Когда я это произношу, у меня возникает ощущение, что я сама себе ржавыми плоскогубцами выдергиваю зуб. Опускаю взгляд туда, где валяется бутылка. Засовываю подальше желание достать оружие.

— Тебе жаль? — Наркобарон наклоняется вперед. Ловит мой взгляд, несмотря на все мои усилия его отвести. — Не припомню, чтобы мама-сан назначала новую девушку в качестве прислуги. Вообще-то... я тебя совсем не помню.

Сердце уходит в пятки. В его глазах загорается огонь. В пальцах — напряженность. Он складывает все кусочки вместе... подозрительность воскресает как глиняный горшок.

Возможно, в конце концов мне придется воспользоваться пистолетом.

— Её зовут Сю Фэнь. — Девушка перестает играть, чтобы наркобарон её услышал. — Она была в группе девочек, прибывших пару недель назад. Той, где была Вень Ки.

Это заставляет Лонгвея немного отступить. Он хмурится, вспоминая. Хватка ослабевает. Он показывает на ковер.

— Прибери. Доливать в бокал не нужно. У меня еще есть дела.

Поднимаю взгляд и с облегчением замечаю, что Дея нет. Тени пусты. Лонгвей идет не в сторону кабинета, чего я опасалась. Вместо этого он исчезает в северном крыле.

Девушка не возвращается к игре. Вместо этого она подходит и поднимает бутылку.

— Спасибо, — говорю я, когда она передает ее мне.

Она подносит палец к губам. Жест, успокаивающий других клиентов. Мужчины так неподвижны, что я почти о них забыла.

— Ты же с парнем, да? — шепчет она.

Я киваю и снова смотрю в восточный коридор. Думаю, стоит ли идти за Деем. Из северного коридора доносится вой. Женский голос кричит о нападении и пропаже ключей, за ним следует рев Лонгвея.

— Где он?

Я готова сорваться с места. Предупредить Дея. Но Лонгвей уже несется по гостиной с

красным, как дракон на двери, лицом. Оружие у него в руке. Оно готово и дрожит в его пальцах. Он исчезает так же молниеносно, как и появился. Его проглотила алая мгла восточного коридора.

Мей Юи

Беги. Ради Дея. Ради Дея. Беги.

Давно я уже не двигалась подобным образом. По правде говоря, я удивлена, что вообще могу это делать. Перепрыгивать через горы мусора, пролезать под лестницами, заворачивать за углы, что острее иголки Нуо. Мимо проносятся голубоватые отблески вывесок, под ногами хлюпают лужи, и постоянно, постоянно я слышу тяжелое дыхание охранника, его приглушенные проклятья.

Я бегу, бегу, бегу до тех пор, пока уже совсем не чувствую ног. И дело уже не в мозолях и порезах. В ногах появляется новая сила — чистая, горячая энергия. У меня такое ощущение, что если я раскину руки, то взлечу. Прочь из этих туннелей, вверх, к звездам. Должно быть, такое же чувство было у Синь до того, как её поймали.

Размышляю над этим, когда мои ботинки скользят и мир уходит из-под ног. Боль впивается в кости, становится частью меня. Земля под ладонями содрогается от поступи охранника. В моей груди не остается никаких чувств, кроме надежды. Надеюсь, Джин Линь не ошиблась насчет беспризорников. Надеюсь, что убежала довольно далеко.

Рука хватает меня за ботинок и дергает назад. Легкое тело скользит по луже. Выкручиваюсь и вижу охранника, почти взбравшегося на меня. Прежде чем я понимаю, что делаю, свободной ногой со всей силы бью его в пах. Он воет, мгновенно меня выпуская. Вскидываю на ноги и вижу тени.

Бродяги появляются из-за каждого угла. Существа в тряпках, с ножами, одни кожа да кости, копошатся возле охранника, как личинки на мясе. Они маленькие, но их восемь, поэтому человеку Лонгвея не сразу удастся подняться. Они забирают у него оружие и отбрасывают в сторону.

— Беги быстрее, девочка! — кричит мне в спину один из здоровяков.

Он прав. Они скоро его пропустят... Джин Линь говорила, что беспризорники лишь попытаются выиграть мне немного времени. Даже с ножами и большим количеством, они не станут трогать члена Братства. Как только охранник это поймет, он бросится в погоню снова.

Я должна бежать так быстро и далеко, чтобы он совсем меня потерял.

Вскидываю на ноги и мчусь в переулок между парикмахерской и рестораном. Перепрыгиваю через бутылки, тела и кучу других сломанных, ненужных вещей. Легкие горят огнем, в ногах такое ощущение, что они превратились в палки, но я продолжаю бежать.

Ради Дея. Ради Дея. Ради Дея.

Я словно натянутая струна цитры Нуо, несусь к ржавым пушкам. Добегаю до них, когда в легких почти не остается воздуха. Знаю, что должна следовать инструкциям Джин Линь — найти полицейского, попросить о помощи, остаться с ним, — но вся энергия, что текла во мне несколько секунд назад, исчезла. Наклоняюсь к ржавой пушке, пытаюсь перевести дыхание.

— Не очень удачная ночь находиться не дома, парень. Возвращайся обратно, пока можешь.

Поднимаю взгляд. Пытаюсь сосредоточиться. Сначала вижу лишь отблеск сигареты. За ней — мужчина в плаще. Что-то в нем кажется неправильным: то, как он ходит, в какую

одежду облачен. Он не из Города-Крепости.

И тут я замечаю ряд фургонов, выстроенных на улицах за ним.

Первая моя мысль о том, что это Жнецы. Но нет, Жнецы не носят такой одежды. К тому же они не маячили бы столь очевидно на улицах Дальнего города.

Мужчина вынимает сигарету изо рта и бросает взгляд на золотые часы.

— Твой парень придет или нет?

Из фургона выпрыгивает второй мужчина. На нем толстый зеленый жилет и фуражка с серебристой эмблемой.

Я снова рассматриваю караван черных фургонов, и внезапно меня озаряет. Это не Жнецы. Это полиция, о которой мне говорила Джин Линь. Они должны были вытащить нас отсюда. Дея и меня. Вместе.

— Дей в борделе, — говорю я.

Мужчина в плаще вздрагивает:

— Кто ты, черт побери?

— Мей Юи. — На его лице отображается понимание, поэтому я продолжаю говорить. — Я должна была помочь Дею достать для вас книгу.

Его челюсть выпирает, раздражение вытесняет отблеск сигареты.

— Должна была?

— Что-то пошло не так, и Лонгвей схватил его! Он все еще в борделе. Вы должны ему помочь!

Сигарета не выкурена и наполовину, но мужчина отбрасывает её на землю и бросает еще один взгляд на часы.

— По такому случаю, милая, единственным человеком, кто может помочь Сан Дей Шиню, является он сам. — Он смотрит на мужчину с эмблемой на фуражке. — Хорошо. Парень не придет. Выдвигаемся!

Двери фургона распахиваются, и оттуда вываливаются вооруженные люди. Мужчины в бронежилетах, с фонариками и винтовками. Они выпрыгивают из автомобилей и бегут. Мимо старенькой бабули на одеяле, продающей ладан по случаю Нового года. Мимо седого мужчины и его корзины, полной бобовых пирожных. Мимо молоденькой девушки, тянущей по извилистой тропинке телегу, полную чистого белья. Весь мир замирает, наблюдая за тем, как мужчины с оружием один за другим просачиваются сквозь старые Южные ворота.

Слова мужчины обжигают меня сильнее сигареты: единственным человеком, кто может помочь Сан Дей Шиню, является он сам

Но поскольку мужчина ошибается, я следую за ним обратно в городскую тьму.

Дей

Мне повезло, я пробрался мимо гостиной. Уверен, я обязан жизнью девушке с ловкими музыкальными пальцами, но у меня нет времени думать об этом. Минута, которую дала мне Инь Юй, истекает очень быстро.

Я еда дышу, когда добираюсь до двери наверху. Она заперта, такой её оставил Лонгвей. Ключи Инь Юй дрожат в моей здоровой руке. Их так много, они, словно скелетики, свисают с латунного кольца. Мои пронзенные нервами пальцы пытаются нащупать третий по счету. Я почти слышу, как убегают секунды, когда вставляю ключ в замок. Инь Юй вот-вот закричит.

Ключ оказывается правильным, и дверь распахивается. Первое, что я беру, — оружие, один из антикварных пистолетов, висящих на стене. Слишком легкий. Быстрая проверка

подтверждает мои подозрения. Оружие он держит не заряженным.

Поворачиваюсь к столу и вижу часы.

Цифровые. Красные глазами демона кричат во тьме: 23:58.

Почти полночь. Время вышло.

Тик-так. Тик-так. Мои руки дергаются в такт биению исчезающих секунд. Я иду к столу, изучая его верхний ящик. Маленький замок, его легко сломать, если у тебя есть правильные инструменты и сила. Хватаю первый попавшийся нож из коллекции Лонгвея. Вставляю клином и дергаю. Ящик открывается, корявый, изогнутый.словно приبلудившийся хромой.

Бумаги, ручки, разбросанные сигареты, коробочка мятных леденцов и позолоченные скрепки. Руки шарят по всем этим вещам, пока не достигают дна ящика. Пальцы неистово продолжают царапать дерево.

Учетной книги здесь нет.

— Вот ты где.

Поворачиваюсь к уже привычному зрелищу — в дверном проеме стоит Лонгвей, его пистолет направлен мне прямо промеж глаз. На столе лежит нож. В нескольких дюймах от моих пальцев. Он бесполезен.

— Я думал, ты давно ушел...

Голос наркобарона затихает, когда он видит открытый верхний ящик, разворошенные бумаги. Ручки и разные мелочи. Среди этого совершенная пустота размером с учетную книгу.

— Где она? — рычит Лонгвей и делает еще шаг, входя в комнату. Его налитые кровью глаза распахиваются шире, когда он берется за шнурки моей толстовки и сильно их затягивает. — Учетная книга. Что ты с ней сделал?

Больше нечего скрывать, нечем рисковать, поэтому я говорю ему правду.

— Ничего. Её не было здесь, когда я открыл ящик.

— Это невозможно! — Его пистолет упирается в мой лоб, выводя на коже букву «О». — У тебя пять секунд, чтобы сказать, где она.

Значит вот каким будет конец. Чавканье и стук.

Мне кажется, так даже лучше... лучше, чем стать рыбой, выпотрошенной и порезанной на кусочки. И только.

Пять...

По какой-то причине мне кажется, что вспышку я увижу прямо сейчас. Возможно, это идет из детства. Бежит от большого Аквапарка, где сияющими глазами следит за угрями Хиро. Он знает на латинском название каждой твари. Или же все дело в моделях самолетов, которые делали с дедушкой.

Четыре...

Вспышки есть, но они не из моего прошлого. Я стою на пляже, одной рукой обнимая за плечи Мей Юи, и мы смотрим на воду. Рядом с нами и Джин Линь, бросает ракушки в волны. Не прошлое — будущее. То, которое умирает с каждой цифрой, слетающей с уст Лонгвея.

Три...

Наверное, за все, что я совершил, я заслужил смерть. Я даже желал её, сидя на крыше в те моменты, когда мои ноги свисали над улицами, а голос брата называл меня хорошим. Я знал, что он не прав.

Но сейчас... сейчас я уже не уверен в том, что Хиро ошибался. Сейчас я хочу жить.

Что за ирония...

Два...

Я закрываю глаза.

Один...

Новый год

Дей

Выстрел звучит как-то неправильно. Он должен быть громким и ясным. Как тот, который ранил мне плечо... блеснув, словно молния. Разрывая пространство и время, как в замедленной съемке.

Вместо этого он приглушен. Как хлопушка, раздавленная чьим-то ботинком. Эхо без огня и вспышки.

И удара нет. Свежая боль не врывается мне под кожу. Только пульсирует боль в плече. Та, которая позволяет мне думать, что кровь все еще бежит по моим венам. Все еще внутри меня.

Открываю глаза. Стою спокойно. Плечо по-прежнему пульсирует и разрывается от боли. Завязки моей толстовки все еще стягивают горло. Лонгвей стоит напротив меня, но в его пистолете уже нет прежней решительности. Больше на моем лбу не образуется буква «О». Внимание наркобарона отвлечено. Он оглядывается, бросая взгляд на открытую дверь. Тьму разрывает еще несколько выстрелов, крики и топот ног по лестнице.

Облава началась.

— Это что такое?

Вопрос Лонгвея дрейфует сквозь открытую дверь, исчезая в гомоне нарастающего шума.

Нож. Я не жду. Бросаюсь вперед всем телом, схватив изогнутый клинок за рукоять. Это древний церемониальный кусок железа, скорее для галочки, нежели для реального сражения.

— Какого черта...

Лонгвей оборачивается, когда я иду на сближение. Бросаюсь на него своей здоровой стороной, со всей силы пытаюсь уронить его на пол. Наркобарон более крепкий, чем я ожидал. Как будто его тапочки привинчены к полу. Он остается стоять, но пистолет падает на пол, крутясь, словно игровое колесо.

Я встаю на ноги перед ним. Пытаюсь не обращать внимания на то, как сильно болит правая сторона. Как блестит золотой зуб Лонгвея, готового впиться мне в глотку. Как возникает ощущение, что клинок в моей левой руке ничего не значит.

Особенно учитывая, что я не левша.

Лонгвей боец. Он двигается быстро, предлагая мне странную версию апперкота. Костяшки его пальцев и так уже покрыты моей кровью. Но на этот раз веревок нет. Ускользаю в сторону, позволяя кулаку Лонгвея разрезать воздух. В свою очередь поднимаю нож.

На его черной рубашке появляется порез. Он бежит по правому предплечью... почти вертикально, похожий на хирургический разрез. Кровь начинает вытекать в то же время, когда раздается его крик.

Рука за руку. Теперь мы квиты.

Но еще существует так много вещей, за которые этому богу ножей и игл нужно заплатить, поэтому я продолжаю бороться.

Снова бросаюсь на него. Лонгвей падает... ругается, воя от боли.

Приземляюсь на него сверху. Плечо коробит от боли, я почти ничего не вижу. В глазах сияют звезды, замещая собой уродливое лицо Лонгвея. Толкаю его, пытаюсь дотянуться ножом до нежной кожи на горле. Тот в свою очередь цепляется за золотую цепь. Наркобарон кричит.

— Все кончено, Лонгвей. — Рычание, вырывающееся из моего рта, похоже на звериное и не может принадлежать мне, но я не знаю, кто бы еще мог это сказать. — Тебе конец.

И мне тоже. Они уже здесь, бегут по лестнице, заполняя помещения Лонгвея светом и криками. Они похожи на саранчу. Обыскивают каждый угол, пользуясь ярким светом и винтовками. Увидев Лонгвея с ножом у горла, они направляют их на меня.

— Полиция! Бросить нож! Руки так, чтобы мы их видели! — кричит кто-то, когда все световые лучи сходятся на мне. Даже сквозь закрытые веки проникают оранжевые всполохи.

Бросаю нож на пол подальше от досягаемости Лонгвея. Здоровая рука поднимается высоко над головой. Откатываюсь в сторону. Один из копов хватается за руки и заводит мне их за спину. Защелкиваются наручники. Они сжимают мне запястья... холодная, металлическая судьба.

Мей Юн

Полиция выходит из борделя по одному и по парам. Просто ручеек по сравнению с тем потоком, что вливался внутрь несколько минут назад. В большинстве своем они сопровождают людей. Такие, как Фанг, члены Братства и клиенты закованы в наручники. Другие, как Инь Юй и мама-сан, свободны. Некоторые не выходят вообще.

Не вижу ни Дея, ни сестру. С каждым последующим лицом, выходящим из двери, мое сердце опускается все ниже, словно воздух постепенно вытекает из баллона.

Пожалуйста. Они не могут умереть... я даже не успеваю закончить свою мысль, когда вижу лицо Дея. Его выводят из борделя с заведенными за спину руками. На лице — боль, боль, боль. Вижу наручники и то, как пинает его полицейский. Растет паника.

Подбегаю к офицеру:

— Вы совершаете ошибку.

— Не подходить, — с серьезным лицом говорит полицейский и подталкивает Дея вперед. На лице парня отражается боль, заставляя меня пристальнее присмотреться к его плечу. Толстовка в лохмотьях и крови. Под ней бинты, белые и ржавые. Такого же цвета, как мой наугилус.

— Нет! Вы не понимаете! Он помогал! Спасал меня. — Я встаю напротив Дея, закрывая своим телом дорогу. — Вы не можете его арестовать.

Непроницаемое лицо офицера сменяется неуверенностью. Его глаза перемещаются на Дея, и на секунду мне кажется, что я его убедила.

— О, ты нашел его. — Рядом со мной встает мужчина, которого я видела у старых Южных ворот. Его руки глубоко зарываются в карманы плаща. Наполовину выкуренная сигарета, приглушает его слова. — Я уж было подумал, что ты не явишься.

— Простите, что разочаровал. — Дей переводит взгляд с меня на мужчину. В его словах такая же резкость, что была в тот день, когда мы впервые встретились. — Я был очень занят, меня связали и пытали.

Мужчина затягивается. Сигарета ярко загорается, словно одинокая звезда.

— Это не моя вина, что тебя поймали. Ты нашел её?

Дей качает головой.

Мужчина с сигаретой некоторое время стоит неподвижно. Потом выдыхает: в воздухе

появляется пепел и разочарование. Когда весь дым рассеивается, он кивает офицеру.

— Увидишь Кана, скажи, что учетная книга до сих пор не найдена. Пусть ищет. Забирай парня с остальными. На него есть ордер.

— Подождите! Нет! — кричу я. — Вы не можете так поступить.

Мужчина в плаще вытаскивает сигарету изо рта. От этого движения на землю летят искры. Некоторые приземляются на мою руку.

— Он убийца, милая. Мы предлагали ему шанс на искупление, но он им не воспользовался. Тебе лучше с ним попрощаться.

— Вам же нужна учетная книга? — Я смотрю на мужчину, дым закрывает его губы, как туманное утро, заволакивая пространство между нами. — Она у Лонгвея в кабинет! В верхнем ящике стола.

Дей качает головой:

— Её там нет, Мей Юи. Ящик был пуст.

— Но... но этого не может быть... — Я продолжаю говорить, чтобы не чувствовать, как в животе расплзается выгребная яма. — Она лежала там. Я её видела! Видела!

Я смотрю на Дея, умоляя его поверить мне.

Его глаза запали еще больше. В них мрак, пустота и в то же время заполненность. Дей улыбается, глядя на меня.

— Я рад, что ты её нашла, — говорит он и кивает куда-то за мое плечо. Оглядываюсь и вижу Джин Линь, шагающую шаркающей, прихрамывающей походкой. Кровь, которую она так тщательно пыталась скрыть, темнеет на платье.

— Уберите его отсюда! — рявкает мужчина, стоящий рядом со мной, и машет в сторону бесконечных темных улиц. Они разверзлись по обе стороны от нас, словно огромные пещеры в горах моей провинции. Те, в которых живут духи, ожидающие своих жертвоприношений, что перестали поступать к ним много лет назад.

— Нет!

Я тянусь, чтобы схватиться за него, но офицер толкает Дея вперед, в толпу, на этот раз гораздо грубее.

Его пожирает не тьма улицы. Это толпа, состоящая из черных мундиров и наручников, скрывает его с моих глаз. Вместо этого я вижу Лонгвея — его руки крепко связаны за спиной. Полицейские волокут наркобарона через мусор и грязь. Одна его рука согнута так же, как у Синь, она сломана и окровавлена.

Часть меня считает, что я должна радоваться, глядя на него, попавшего в такое положение. После всего, что он сделал. Со мной. С Синь. Со всеми остальными трясущимися и истощенными девушками, собравшимися под одиноким уличным фонарем. Но я просто смотрю на его крах и чувствую его где-то внутри, очень-очень глубоко. Даже глубже, чем темнота, что живет между звездами.

Дей

Наручники застегнуты слишком туго. Я больше не чувствую пальцев, но с плечом другая история. Оно, словно веревка, скручивается, тянет, вытягивает, разрывает. Мне даже не помогает то, что коп сзади толкает и пихает меня. Я знаю, что лучше не жаловаться. У меня был шанс. Даже больше.

Представляю, что скажет отец, если надумает прийти и меня навестить. Представляю эту картинку и его, сидящего в своем безупречном костюме. Почти полностью поседевший. Он будет рассматривать меня через плексигласовое стекло. Всех лет, в течение которых на

приёмах и коктейльных вечеринках он оттачивал свою невозмутимость, не хватит, чтобы скрыть разочарование на его лице. Он наклонится чуть ближе к микрофону и скажет:

— Тебе нужно было сбежать.

Думаю об этом, пока не замечаю Мей Юи. Её лицо покраснелось, как будто она бежала. Даже при том, что она одета в мою одежду, её волосы растрепаны, все вокруг нее становится ярче. Кажется более живым.

Она даже не моргнула, когда Цанг назвал меня убийцей. Смотрит на меня так же, как на ракушку. Смахивает песок с моей души и видит самые лучшие её части. Те, что видел Хиро. Те, о которых он пытался мне сказать.

А потом я вижу Джин Линь, отчаянно ковыляющую за своей сестрой. После стольких лет они опять вместе.

Я вижу их, идущих рука об руку (как и мы с Хиро гуляли прежде по морскому берегу), и понимаю, что сомнениям места нет.

Оно того стоило.

Джин Линь

Я не могу бежать и кричать одновременно. Очень больно. Не хватает воздуха. Я едва могу идти с тем лишним весом, что у меня на ноге. Дистанция не велика, но она занимает у меня годы. Когда я наконец дохожу до Мей Юи и мужчины с сигаретой, Дея уже нет. Он влился в море преступников и отдела по обеспечению безопасности.

— По-подождите! — согнувшись, извергаю из себя хрип. Стараюсь не обращать внимания на лучи боли. Рана достает меня, высушивая последние силы. — Верните его обрат-обратно!

— Если вы хотите с ним встретиться, вам нужно прийти в исправительное учреждение, — хмурится мужчина. Наверное, потому что сигарета почти закончилась. — Но пока не могу сказать, в какое именно.

— У меня то, что вам нужно.

Похоже, это привлекает его внимание. Он разворачивается на каблуках. Смотрит на меня. Лишняя кожа его шеи собирается на подбородке.

— И что именно?

Я уже готова было потянуться за ней, но более пристально вглядываюсь в лицо мужчины. Оно горит. Оранжевым адским светом.

— Приведите Дея обратно, и я покажу.

Мужчина хмурится и отбрасывает сигарету на землю. Он даже не потрудился её затушить. Он исчезает в толпе, окликнув Дея и сопровождающего офицера.

Наблюдаю за тем, как умирает сигарета. Еще один кусочек мусора под ногами.

Мей Юи тоже на нее смотрит.

— Она правда у тебя?

До того как я успеваю ответить, мужчина возвращается. Озадаченный офицер и Дей следуют за ним, как вагоны за паровозом. Все трое смотря на меня. Ждут.

Я дотягиваюсь до перевязки на бедре, где под одеждой тяжелеет револьвер Дея. Моя рука нащупывает то, что мне нужно. Тянет.

Мужчина в плаще пялится на меня. Его рот приоткрыт, он выглядит странно без сигареты. Он вытягивает руки. Отчаянно тянется к тому, что я держу.

Я достаю её точно так же, как игравшая на музыкальном инструменте девушка, Нуо, и девушка по имени Вень Ки, когда показывали, что прячут. После того, как мимо промчался

Лонгвей и перекрыл Дею все пути отступления, Нуо хватает меня за запястье. Ведет меня к себе в комнату. Надувшись от гордости, она вынимает учетную книгу из-под кровати. В словах тоже слышна гордость, когда она принимается объяснять, как проникла в кабинет Лонгвея, пока он допрашивал Мей Юи. Она воспользовалась шпильками, чтобы открыть замок. Это умение она унаследовала от девушки по имени Синь.

Убираю книгу. Подальше от мужчины. Дракон на обложке в свете фонарей сияет позолотой. Прижимаю мягкую кожу к своей израненной груди.

— Отпустите Дея. Как вы обещали.

Мужчина смотрит на краугольную книгу. В его глазах сквозит облегчение. Оно в уголке его губ. Он поворачивается к офицеру, удерживающему Дея.

— Сними с него наручники.

Я жду, пока наручники не снимут полностью. Руки Дея свободны. Правая тяжело свисает сбоку. Дей бережно её баюкает, когда я отдаю учетную книгу Лонгвея. Сигаретный мужчина перелистывает страницы. Сейчас его губы сведены вместе. Образуют улыбку.

— Задница Лонгвея у нас на блюде, — говорит он. Слово драконья пасть, щелкает замок.

— Цанг, мы в расчете? — еле-еле выговаривает Дей, обливаясь потом и болью. Не могу слушать его и не вспомнить свои собственные страдания.

— Уже за полночь. И чисто технически не ты передал мне книгу. Но... — Мужчина, Цанг, тянется к карману пиджака. Вытаскивает белый лист бумаги. — У меня хорошее настроение. И я отдам тебе вот это, Сан Дей Шинь

Дей голодными пальцами хватается бумагу. Сжимает так сильно, что хрустят края. Он засовывает его глубоко в карман толстовки.

Цанг прячет книгу под мышку. Смотрит на каждого из нас по очереди. Его глаза блестят.

— Мой вам совет, ребята. Убирайтесь-ка вы из Хак-Нам. Они разрушат его. Превратят в парк.

— У меня такие же планы, — говорю я и оглядываюсь на сестру.

— Тогда желаю удачи.

Цанг разворачивается и уходит.

— Подождите! — крики Мей Юи заставляют его замереть на полушаге. — Что... что будет дальше? С Лонгвеем? Со всеми девочками

Цанг поглаживает книгу, будто кошку.

— Против Лонгвея и его людей достаточно улик, чтобы засадить их надолго. А девушки... — Его глаза дрейфуют в сторону фонаря, под которым сбились в стайку девочки. Одетое в шелк стадо. — Они свободны, могут идти.

Девушки в своих хрупких и ярких платьях переминаются с ноги на ногу. Они выглядят потерянными и запертыми одновременно. Как те яркие стайки рыб, что заперты в ресторанных аквариумах.

— Куда? — спрашивает Мей Юи.

— Это не моя проблема, — пожимает плечами Цанг и уходит. Никто его больше не останавливает.

Я не двигаюсь. Чего не могу сказать о своей боли. Мне нужно присесть. Не важно, что земля покрыта стеклом и окурками. Я получила то, за чем пришла. Моя семья в сборе, с меня хватит. Хватит бегать, драться и прятаться. Хватит стоять.

Я сажусь на землю. Скорее даже падаю.

— Джин! — Дей опускается на колени рядом со мной.

— Я... — пытаюсь от него отмахнуться, — в порядке... У тебя есть при себе деньги?

— Деньги? — Он хмурится. — Я отдал тебе все наличные, что у меня были. Зачем тебе деньги?

— Беспризорники... Старая банда Куена... они помогли тебя вытащить, — хриплю я. — Я обещала заплатить им.

— Мы найдем деньги, — говорит он. — Ты уверена, что в порядке?

Я киваю.

— У тебя кровь идет, — говорит Дей, показывая на темное пятно, расплывающееся на платье.

— Как и у тебя. — Тычу его в плечо. — Мне нужно просто отдохнуть. И все.

Он устраивается рядом со мной. Приземляется прямехонько на брошенную Цангом сигарету.

— Думаю, нам всем это нужно.

Мей Юи

Они все здесь: Нуо, Вень Ки и Инь Юй. Девушки из других комнат. Всего чуть меньше двадцати. Они дрожат под голубоватым светом уличных фонарей. Даже мама-сан виднеется на периферии этой группы, где исчезает свет... на одной стороне её лица — тьма, на другой — стыд. Сначала в этой одежде они меня не узнают. Когда я выхожу вперед, они шарахаются, как запуганное существо, которое получало слишком много тумачу.

Первой меня узнает Вень Ки. Она выскакивает из толпы бледных лиц и кидается мне на шею.

— Мей Юи! Ты в порядке!

Другие девушки переминаются и вздрагивают при звуке моего имени. Нуо подходит с другой стороны, зарывшись лицом в мое плечо. Я сжимаю обеих очень крепко, позволяя себе дышать. Нас всех трясет.

Даже Инь Юй. Она пытается стать невидимкой, выскользнув из поля зрения за углом, но ей не удается уйти далеко. Вижу, как изгибаются её губы, трясутся, как звезды на моем несовершенном потолке.

— Ты вытащила нас, — пищит Вень Ки.

Вытащила. Остальные девушки переминаются с ноги на ногу. Это слово для них не свято; оно не несет ничего хорошего.

— Это не я.

Я оглядываюсь через плечо в ту сторону, где свет отбрасывает отблески на волосы Нуо. Сестра сидит на земле, похожая на каплю крови в этом платье. Мой мальчик из-за окна присаживается рядом с ней, и даже с такого расстояния... даже сквозь боль... я вижу, как блестят его глаза.

— Что сейчас происходит? — интересуется Нуо.

Оборачиваюсь и оглядываю нашу группу. Девятнадцать лиц. Девятнадцать красивых, измученных, ждущих лиц.

А что происходит? Я провела так много времени, тоскуя и мечтая о свободе. И вот я здесь, на улице, в темноте, и полиции до нас дела нет.

— Я... я не знаю.

— Ты не знаешь? — Голос Инь Юй иглами вливается в меня, вызывая вину. — Где мы

будем спать? Что мы будем есть?

Нуо и Вень Ки отпрянули назад, но все еще смотрят на меня. Они смотрят и ждут ответов, которых у меня нет.

Потом я чувствую рядом чье-то присутствие. Рядом со мной становится тепло, мне в руку скользит ладонь. Пальцы встречаются с пальцами. Тепло к теплу. Ощущение Дея так разительно отличается от всех других прикосновений. Внутри меня что-то лопается и парит, складываясь в чувство того, что все будет хорошо.

— Спасибо за ключи, — говорит он, обращаясь в Инь Юй. — И за молчание.

Она моргает от неожиданности, склонив голову набок и глядя на него из-под челки. Так она делает всегда, когда хочет, чтобы никто не заметил её взгляд.

Дей смотрит на меня. У него такие нежные пальцы, они заполняют все пространство.

— Все девушки здесь?

Снова оглядываю лица. Нет только Синь. От этой мысли болит сердце. Но я все равно киваю.

Мой мальчик из-за окна откашливается. У него твердый и ясный голос.

— Я понимаю, никто из вас не знает меня, кроме Мей Юи и Инь Юй. Но я хочу, чтобы вы знали, если вам нужно безопасное место, где можно переночевать, пойдемте со мной. Там есть еда. Чай. Есть циновки, на которых можно поспать. Если хотите.

Девушки смотрят на него, будто он какая-то диковинка. Мне интересно, мое лицо выглядело так же той ночью, когда он постучал ко мне в окно и я увидела другую жизнь, зовущую меня наружу?

Я представляю крошечную комнату с плиткой похожей на зубы курильщика. Насколько нам с Джин Линь в ней было тесно.

— Но в твоей квартире мы все не поместимся.

— Мы идем не ко мне в квартиру, — говорит Дей. — Мы уходим из Хак-Нам. Возвращаемся домой.

Дом. Это слово звучит, словно песня. Что-то отличное от увядающих рисовых полей и ночей, раскрашенных кулаками. Что-то, ради чего стоит петь.

— Мей Юи, ты ему доверяешь? — спрашивает девушка из южного коридора.

Я смотрю на парня, который держит меня за руку. Его волосы растрепаны, в глазах пролегла вся дневная усталость. Он улыбается, чего я никогда не видела прежде. Так выглядит его дом: безопасный, цельный, полный тепла.

Ответ дается очень легко:

— Всею душой.

Пальцы Дея твердеют. На его лице расцветает улыбка, он смотрит на остальных девушек.

— Если кто-нибудь из вас захочет пойти с нами, следуйте за мной.

Первой делает шаг Вень Ки. Потом Нуо. Следом за ними идут остальные девушки.. цветная волна и робкие шаги. В конце концов остается только одна. Она стоит в одиночестве на островке из света уличных фонарей.

— Мама-сан, — пальцы выскальзывают из ладони Дея, и я возвращаюсь к ней. — Вы тоже можете пойти.

— Там для меня места нет.

Здесь, на открытом воздухе, голос пожилой женщины звучит иначе. Злость исчезла из него. Он мягкий, почти потерянный.

— Вы же слышали, что сказал Дей. Мы все можем пойти, — говорю я.

Мама-сан качает головой. Её тугая и плотная шишка из волос распадается, свободно рассыпаясь по лицу. Она пальцами, словно граблями, стягивает пряди обратно.

— Там для меня места нет, — снова говорит она. — Это не наш мир. Такие, как мы, живут во мраке. Я остаюсь в Хак-Нам.

Я знаю этот взгляд, то, как опускаются её плечи, то, как распахиваются глаза. Она была заперта слишком долго. Она страшится этой открытой двери. Как моя мать.

Я протягиваю руку, хочу, чтобы она взяла её.

— Мама-сан...

— Иди, — перебивает меня она, уходя дальше от фонаря. — Вскоре ты сама это поймешь.

Дей и девочки ждут меня, мама-сан отдаляется еще больше. Дальше от моей вытянутой руки, подальше от света, в тени, которым, как она считает, принадлежит. И тьма наступает, поглощает её.

Я остаюсь одна. Стою под лампой в голубом отблеске света.

Дей опять оказывается рядом.

— Мей Юи, ты в порядке?

— Я не могу... — Пытаюсь проглотить свою беспомощность, продолжая вглядываться в темноту. — Я не хочу бросать её вот так.

— Это её выбор, — тихо говорит он, — и, благодаря тебе, она свободна его сделать.

Мой мальчик из-за окна прав. Как бы мне не хотелось схватить мама-сан за руку и тащить её в безопасное место, я не могу этого сделать. Выбор принадлежит лишь ей.

— Ты готова уйти отсюда? — спрашивает он.

Наши руки возвращаются друг к другу. Не могу сказать, это я цепляюсь за него или он держит меня. Думаю, и то и другое. Смотрю на девушек и сестру. На дорогу, которая лежит перед нами совершенно открытая... она готова увести нас отсюда.

Я выбираю не жить во мраке.

— Идем домой, — говорю я.

Дей

Здоровой рукой я поддерживаю Джин Линь, ведя её к старым Южным воротам. Как и прежде. Только на этот раз её крови на моей рубашке нет и мне не нужно торопиться. Передо мной время целого мира.

Мей Юи шагает с другой стороны у раненого плеча. Оно сжимается всякий раз, когда она его касается, но я не обращаю на это внимания. Некоторые вещи стоят боли.

Остальные девушки идут за ней — массовый исход распахнутых глаз и ярких платьев. Могу только представить лицо своего отца, когда постучусь в дверь дома номер пятьдесят пять в Тай Пинг Хил. Полагаю, он найдет что сказать, а я что ответить. Мы устроим перепалку, но в конце концов девушки останутся. Все двадцать.

Конечно, это не окончательное решение. Но прямо сейчас я думаю самое большее на двадцать четыре часа вперед: посещение доктора Квана, приличная доза обезболивающих, горячая еда и жесткий матрас.

А потом...

Не знаю, но у меня такое ощущение, что все разрешится само собой.

К нам присоединяется еще один силуэт. Бесхвостый Кма перепрыгивает мусорные кучи и ступеньки. Когда тени заканчиваются, он трется у моих ног, мяукая громче любой другой

кошки.

— Не переживай. — Я смотрю на Кма, пока наша странная процессия минует ржавые пушки. Он вскакивает на одну из древних реликвий, пронзая меня своими желтыми глазами. — Мы тебя не бросим.

Улицы Сент Нгои оживлены, они наполнены разными процессиями и счастливыми подвыпившими людьми. Все сияет золотом и яркими лепестками мака. Повсюду фонари, сладкие пироги и дети, танцующие в новых туфлях и радующиеся тому, что их до сих пор не отправили спать. Мимо проходит старик, предлагает мне глотнуть из его бутылки с рисовым ликером. Качаю головой, но он все равно мне улыбается, демонстрируя отсутствие зубов.

— С наступившим годом Змеи! — он делает глоток и исчезает в гуще праздника.

Для Мей Юи это уже слишком. Я вижу это по ошеломлению на её лице. Она смотрит на вспышки света и разноцветие улиц, прикрывая руками глаза. Небо больше не черное, в нем куча цветных прожилок. Фейерверки громом и молниями расцветают над нами, осыпая улицы Сент Нгои, будто волшебный дождь. Мы стоим и смотрим на них, даже Кма.

— Они прекрасны, — слышу я, как шепчет Мей Юи, несмотря на то, что каждый залп заставляет её подпрыгивать, будто испуганного кролика. — Здесь всё такое красивое. Город света.

— Через пару дней я отвезу тебя на море, — обещаю я.

На её лицо ложатся отблески праздника. Она улыбается и смотрит на меня. Видит меня. Мое сердце наполняется и горит... ярче, чем эта ночь.

— Очень этого хочу.

Опускаю глаза и понимаю, несмотря на весь шум и хаос, творящийся вокруг нас, Джин Линь спит. Она прислонилась ко мне каждой унцией своего невесомого тела, её перепачканное лицо беззастенчиво покоится на моей толстовке. Напоминает, насколько устал я сам. Насколько мы все устали.

Я смотрю на Кма и на своих двух девочек. Вижу пламя, расцветивающее небо. Свежие цвета — отметка нового года. Новый день — день первый моей оставшейся жизни.

Нашей жизни.

Давайте начинать.

Эпилог. 180 дней спустя

Мей Юи

Первый раз, когда Дей отвел меня на море, я лишилась дара речи. Солнце расцветивало на воде такие же фейерверки, какие озаряли небо много ночей назад. Море переливалось и блестело до самого горизонта. Так много воды разлилось во всех направлениях.

Волны тем утром были небольшие, они убаюкивали и успокаивали. Вода зеркалом раскинулась под небом, отражая бесконечность. Я почувствовала необычайный простор в груди. Ветер, ожесточенный зимой и солью, облизал куртку, которую выделила мне мать Дея, но я не дрогнула. Стояла на краю мира и хотела большего.

Поэтому я возвращалась, снова и снова, а море всегда встречало меня как в тот, первый раз. Нежным шепотом и пением волн. С каждым приливом рассказывая о возможностях.

После Нового года наш мир изменился. Дею потребовался весь дар убеждения и армия такси, чтобы довезти нас до Тай Пинь Хилла. Он подошел к особняку, выпятив вперед здоровое плечо, словно приготовившись к битве. Люди, открывшие ему дверь (мистер и миссис Сан), только крепко его обняли.

Потом была кутерьма — визиты доктора, телефонные звонки и миссис Сан с Эмио.

вламывающиеся во входную дверь с огромным количеством пакетов, масса которых превышала собственный вес женщин. Одежда разных размеров для всех девочек.

Но на этом мать Дея не остановилась. Она сидела с нами в саду камней и слушала наши истории. Когда мы рассказали ей все, о чем она спрашивала: о нашем доме, о наших родителях, — сказали, что не можем вернуться, она все поняла. А потом она взялась за дело.

Так родился благотворительный проект, основанный корпорацией Сан, финансируемый ею же и возглавляемый миссис Сан. Для всех детей Города-Крепости была основана школа-интернат с классами и учителями. Двери запирались только изнутри.

Но даже это не остановило некоторых девушек от ухода. Я думала, что той последней ночью в Хак-Нам (когда я стояла под уличным фонарем и смотрела, как исчезает мама-сан) наш выбор был сделан.

Но этот выбор не из тех, что делают одномоментно. Он возникает всякий раз, когда я просыпаюсь вся в поту от ночных кошмаров, где мне мерещится игла и крики Синь, а Джин Линь приходится брать меня за руку и говорить, что я в безопасности. Он возникает совершенно беспричинно, даже когда небо голубое, а Дей смеется над одной из шуток Джин Линь. Он возникает всякий раз, когда я вижу чью-то седую голову и думаю, что это посол Осаму, который вовсе не пропал, как сказали в новостях, а дождался нужного времени, чтобы прийти за мной.

Консультанты, нанятые миссис Сан, чтобы разговаривать с нами, говорят, что это нормально. Этот симптом называется ПТСР. И в большую часть времени я им верю. Но иногда... иногда я слышу голос мама-сан, который шепчет о том, что это не наш мир. Такие, как мы, принадлежат тени.

И иногда... иногда я думаю, что, возможно, она права. А что, если я не заслужила широту моря, или электрический гул в глазах Дея, который отблесками отзывается в моем сердце, или все то, что дает мне миссис Сан.

Остальные девушки тоже это чувствуют — войну возможностей. Инь Юй стала первой, кто ушел. В наше четвертое утро в доме Санов мы обнаружили её циновку пустой. Всю одежду, что купила ей миссис Сан, она оставила сложенной аккуратной стопочкой. Потом пустых циновок стало больше, и в конце концов опустели и несколько кроватей в общежитии, где спали девушки из других коридоров борделя. Всегда, всегда в конечном итоге, они возвращались в Хак-Нам, к озаренным алыми фонарями дверным проемам и старым дорогам. Обратно во тьму.

Консультанты говорят, что и это тоже нормально. Каждые две недели они вместе с миссис Сан ходят в Город-Крепость, озвучивают свое приглашение, подкрепляя его чашкой холодного крепкого напитка и своими улыбками. Они еще ни разу не вернулись с одной из ушедших девушек, но всегда приносят новости: новые рейды отдела по обеспечению безопасности, волна выселений. Медленно, но верно, правительство опустошает город, готовя его к анатомированию. Я больше не возвращалась в Хак-Нам, но вижу его всякий раз, когда мистер Сан разворачивает газету. Он ничуть не изменился: кирпичи на кирпичах, решетки на решетках. Отверстия, зияющие как глазницы в черепе.

Сложно представить, что подобное место может стать парком — все зеленое, много солнца и растений. Что здесь цветут ярко-красные гибискусы и пурпурные бутенвиллеи.

Но так будет. Когда-нибудь.

И Дей. Он остался в доме отца и занимается с репетиторами, чтобы наверстать упущенные годы. В его руках целый неизведанный мир — университеты и путешествия. Он

очень любит об этом разглагольствовать. А еще он любит использовать местоимение "мы".

Наш мир меняется, но кое-что остается неизменным. Постоянным, как прилив.

Каждое воскресенье мы берем машину и едем на юг Сент-Нгои, подальше от дымных городских труб и многолюдных набережных. Едем туда, где берег покрыт камнями и ракушками. Джин Линь сворачивается на покрывале со своей вездесущей стопкой книг, перелистывая страницу за страницей и читая вслух, облекая косые чернила в слова. Я порой завидую тому, насколько быстро она все схватывает. Мы учимся в одном классе (вместе с Нуо, Вень Ки и несколькими мальчишками-беспризорниками). Но это ненадолго. Джин Линь уже прикончила три книги, которые дал ей учитель, но по-прежнему голодна до знаний. Мне кажется, это все потому, что ей разрешили приводить в школу Кма. Этот кот, словно часть её гардероба. Она даже иногда берет его с собой на берег, где он терпеливо сидит на покрывале, гоняясь за мелкими крабами, когда те высовываются из своих норок.

За одним, ошестинившись, он сейчас наблюдает. Если бы у него был хвост, он бы сейчас дергался.

— Эй, Мей Юи! — Лицо Джин Линь расплывается в широкой улыбке, когда она выглядывает из-за книги. Одной из стопки книг, что лежат в прежней комнате Хиро. Дей притащил ей целую кучу. — А ты знаешь, что в океане под водой есть целые горы?

Прикрываю глаза и поворачиваюсь обратно к воде. Пытаюсь представить высокие горы под ней. Помню, как мы веселились, когда Синь сказала нам то же самое. Каким невозможным нам казалось то, что такая высота способна оказаться в подобной глубине.

Оглядываюсь на сестру, и меня поражает то, насколько она похожа на мою подругу, — когда она устроилась на покрывале с книгой в руках, а на лицо падает свет. Она даже пытается заплетать волосы в косу, как это делала Синь. Она просит меня заплетать её каждое утро, я выполняю пожелание. Но они еще слишком коротки. Однако мне удастся разделить их на три пряди, и я создаю из них единое целое. Нечто сильное, как и она сама.

Некоторые шрамы остаются с тобой навсегда. Например, круглый медальон блестящей кожи на плече Дея. Или изгибающийся рубец на боку младшей сестры. Если вы посмотрите на меня сейчас, вы ничего не увидите — ни синяков, ни порезов, ни шишек. Все потертости и мозоли, которые я заработала, убегая от охранника Лонгвея, давно исчезли. Мои шрамы вы не увидите, но они все равно есть. Синь — её смерть — всего лишь верхушка. Чем больше я разговариваю с консультантами, тем больше их становится. Раны, количество которых появляется быстрее, чем они исцеляются.

Но они проходят. Шаг за шагом. День за днем. Выбор за выбором. Я разрываю решетку и кирпичи.

Я обновляюсь.

— Это написано прямо здесь! — Джин Линь тычет пальцем в блестящую страницу. Именно в этот момент Кма прыгает, зарываясь носом в песок. Судя по всему, он ничего не поймал. Он растолстел и обленился, сейчас ему не нужно охотиться на крыс размером с него самого. — Видишь?

— Может, вместо того чтобы читать про океан, ты испробуешь его на себе?

Я всего лишь её дразню, но моя младшая сестра вскакивает и несется вниз к воде.

— Куда это Джин?

Я оглядываюсь и вижу, как босой Дей идет по песку. Его джинсы завернуты почти до колен, а белый V-образный вырез футболки сияет на полуденном солнце. Так ярко, что мне приходится закрыть глаза.

— Прогуляться.

— Я принес нам обед.

Он ковыряет пальцами песок, оседая на покрывало рядом со мной. Его коричневый пакет лежит на коленях, и я улавливаю знакомый запах фаршированных булочек.

Кма не единственный, кто набрал вес.

— Позвать её обратно? — Я смотрю в направлении сестры. Отлив сегодня случился рано, он оставил за собой ковер из ракушек. Джин Линь шагает промеж них как балерина, наклоняясь и поднимая некоторые. Когда она наконец добирается до воды, то начинает выбрасывать их обратно, наблюдая за тем, как они исчезают в синеве. Никогда не видела, чтобы сестра вела себя как ребенок. Даже когда им была.

— Не надо. Пусть. Ей хорошо, — качает головой Дей и улыбается мне. — К тому же я пока не голоден.

Его улыбка похожа на море. Не уверена, что она мне когда-нибудь надоест. Я закрываю глаза и впитываю летнее тепло все кожей, всем лицом. Промозглая сырость воспоминаний о Синь медленно испаряется, вместе с другими вещами. Возникают горы, скрытые где-то в глубине.

Дей обнимает меня за плечи, и я прислоняюсь к нему. Открываю глаза и смотрю вперед. Туда, где моя сестра стоит на ковре из ракушек, бросая одну за одной в море.

— Забавно, — рядом со мной бормочет Дей.

— Что?

— Ничего... Просто такое ощущение, что я уже здесь бывал. — Уголки его губ изгибаются. — Дежавю.

Слово иностранное, но не похоже на английский, который я учу.

— Это плохо?

— Нет, — говорит он и переводит взгляд на меня. — Не плохо. Замечательно. Это просто замечательно.

Наши губы так близко, всего на расстоянии вдоха.

Мой мальчик из-за окна всегда очень аккуратен и нежен. Он всегда ждет, пока я сделаю выбор, пока протяну руку, пока впущу его. Я наклоняюсь ближе, и мягкость его губ касается моих. У меня в груди появляется вспышка, полная жизни, жизни, жизни. Пальцы Дея порхают по моим щекам, щекоча и дразня, словно феникс в полете. Мы вместе, в этом пространстве без решеток и стекла. Там, где мы и хотим быть.

Это никогда не кончается. Я вижу отражение в его карих глазах: моя сестра и море. Высота и глубина. Горизонты и возможности. Полеты в огне. Я все это вижу и чувствую необъятный призыв, возникающий в глубине моей груди.

В такие времена, как эти, я знаю (в самой глубине моей сущности, в её сердцевине), что мама-сан ошибалась.

Это мой мир. Просторный, открытый, зовущий.

Джин Линь

Я бегу. В этот раз босиком. Нет ни покрытых слизью луж, ни окурков. Лишь песок, вельветом обволакивающий мои пальцы. Брызги, соль и море.

Такие разные ощущения, когда бежишь без причины. А за спиной нет лавочников, в руках нет ножа. Оборачиваюсь и вижу Дея с сестрой, сидящих на покрывале. Они так близко друг к другу, что кажутся одним человеком. Кма все еще пытается разрыть одну из крабьих нор, его бесхвостый зад высоко поднят. Охота ради удовольствия.

Под ногами нет острых осколков разбитого стекла. Только то, что выносит на берег море: ламинария, крабовые клешни и ракушки. Многие я опознаю по книге Хиро. Мидии, морские улитки, Арабская каури. Наклоняюсь. Поднимаю их. Проверяю, нет ли внутри жизни. В книге Хиро написано, что иногда море выбрасывает еще живые ракушки и они высыхают. До того, как их может спасти следующий прилив. Всякий раз, когда я вижу желтую улитку внутри, я выбрасываю ракушку обратно в море. Шлеп! Белая пена и раковина.

Шлеп! Шлеп! Шлеп!

Такая мелочь. Жребий.

Моя жизнь полна подобных мелочей. Одежда без дыр. Ботинки по размеру. Моя первая настоящая циновка. Кма, развалившийся на солнце. Новые, не разорванные книги. Миски рисовой каши по утрам. Занятия с грифельными досками. Дей, треплющий меня по волосам всякий раз, когда видит, и рассказывающий, как продвигаются дела. Моя сестра, которая снова улыбается.

Мелочи.

Однажды я найду способ рассчитаться. Я учусь — книги, книги, полные слов. Миссис Сан говорит, что я "исключительно одарена". Могу стать, кем захочу. Доктором, дипломатом, юристом. Пока не знаю наверняка, кем хочу стать, но понимаю, что хочу помогать. Хочу найти способ вернуться к маме. Встретиться лицом к лицу с отцом без оружия в руке или синяков. Показать ей, что она в нем не нуждается.

А пока продолжаю бросать.

— Джин! — Я оглядываюсь. Вижу, как Дей размахивает над головой бумажным пакетом. Словно я такси, которое он пытается поймать. Кма сидит у него на коленях, вымаливая угощение. — У меня фаршированные булочки!

Мой желудок издает звук, который вылетал из Кма, когда я случайно наступала ему на хвост. Я уже не испытываю такого голода, как раньше. Но фаршированные булочки на вкус все так же хороши, как и тем утром на крыше.

— Иду! — Мой голос перелетает через пески.

У ног осталась одна ракушка. Она закручена и изгибается, как волосы на голове Нуо. Она едва помещается у меня на ладони. Все равно поднимаю. Закидываю её далеко, далеко, далеко в море.

Больше книг на сайте - Knigolub.net